

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 2 (13)

научно-
теоретический
журнал

Выходит
4 раза в год

Основан
в 2006 г.

ТЕМА НОМЕРА: ТЕНЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АТР

- Литошенко Д.А.** От редактора рубрики **5**
- Конончук Д.В.** Цивилизация и ее Тень **9**
- Куманев Д.С.** Проблема пиратства как разновидности терроризма и ее влияние на региональную безопасность в АТР **17**
- Дударь Л.А.** Растраты и хищения в дальневосточной торговле (30-е – начало 40-х годов XX века) **23**
- Кулажникова С.С.** Роль Приморских СМИ в трудоустройстве российских граждан за рубежом **31**

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ И ЭКОНОМИКА

- Позняк Т.З.** Торговая инфраструктура городов юга Дальнего Востока во второй половине XIX века **36**

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ

- Лазарева С.И.** Благотворительность в городах Дальнего Востока как форма самоуправления (конец XIX – начало XX вв.) **49**
- Кошечкина О.Н., Романова О.Б.** Проблемы формирования общекультурных компетенций при обучении в вузе (на материалах Приморского края) **57**

КУЛЬТУРНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

- Сапалова Д.У.** Традиционная родильная обрядность якутов и кыргызов **72**
- Мусаткина В.А.** Образ отца в восприятии русских и китайских девушек (на примере учащихся ВГУЭС) **78**

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНОМ

- Торшилова О.А.** Органы внутренних дел в борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны **88**
- Калугина М.А.** Политическое сознание современной студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России **95**

МИРОВАЯ СИСТЕМА И МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Севастьянова Н.В.** Роль международного научного сообщества в формировании региональной идентичности Северо-Восточной Азии **103**

Владивосток
2010

РЕЦЕНЗИИ

Бурлаков В.А. Интеграция продолжается... (рецензия на книгу А.Л. Лукина «Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность». Владивосток, 2009.)	110
---	------------

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Лукин А.Л. Ученые из Владивостока приняли участие в Конвенте Ассоциации международных исследований в Новом Орлеане	115
Барбенко Я.А. XII всероссийская конференция молодых учёных «История и культура Дальневосточной России и стран АТР»	118
К ЧИТАТЕЛЯМ	121
СОКРАЩЕНИЯ	122
НАШИ АВТОРЫ	123

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), В.А. Бурлаков, М.Г. Ганопольский,
А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей, И.Н. Золотухин, М.А. Калугина,
В.Н. Караман, А.А. Киреев (ответственный редактор), Л.И. Кирсанова,
В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Д.А. Литошенко, О.В. Лобода, О.И. Шестак.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего
профессионального образования "Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса".

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.

Официальный сайт журнала: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман

Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.

Корректор: В.В. Караман

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77-30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 2 (13)

*Scientific-
theoretical
journal*

Issued
4 times a year

Founded
in 2006

THE THEME: SHADOW SIDE OF APR

- Litishenko D.A.** From the editor of a heading **5**
- Kononchuk D.V.** Civilization and its Shadow **9**
- Kumanev D.S.** The problem of piracy as a form of terrorism and its impact on regional security in Asia-Pacific region **17**
- Dudar L.A.** The wastes and plunders in Far East trade (30s – beginning 40s of XX century) **23**
- Kulajnikova S.S.** Role of media of Primorsky Region in employment of Russian citizens abroad **31**

NATURE AND ECONOMY

- Poznjak T.Z.** The trade infrastructure of the cities of the Russian Far East in the second half of XIX century **36**

THE SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

- Lazareva S.I.** Charity in the cities of the Far East as a form of self-government (end of XIX – beginning of XX century) **49**
- Koshevaja O.N., Romanova O.B.** Problems of general cultural competency in teaching in high school (on materials of Primorsky Krai) **57**

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

- Sapalova D.Y.** Traditional giving birth ritualism of the yakuts and the kirghiz **72**
- Musatkina V.A.** The image of father as it completed in the mind of Russian and Chinese girls (based on example of VSUES) **78**

POLITICAL RELATIONS AND MANAGEMENT OF REGION

- Torshilova O.A.** Police in the fight against gang in the Great Patriotic war **88**
- Kalugina M.A.** Political consciousness of students of small and medium-sized cities in the Far East of Russia ... **95**

WORLD SYSTEM AND INTER-REGIONAL RELATIONS

- Sevastjanova N.V.** Role of the international epistemic community in forming regional identity of the Northeast Asia **103**

REVIEW

- Burlakov V.A.** Integration continues ... (The review of A.L. Lukin's book «Integration processes and institutions in the Asia-Pacific region: policy, economy, security.» Vladivostok, 2009.) **110**

Vladivostok
2010

SCIENTIFIC LIFE

Lukin A.L. Scientists from Vladivostok took part in the Convention of the International Studies Association in New Orleans	115
Barbenko J.A. XII-th allrussian conference of young scientists «History and Culture of Far Eastern Russia and the Pacific Rim Countries».....	118
TO READERS	121
REDUCTIONS	122
OUR AUTHORS	123

Editorial board:

T.G. Rimskaja (Editor-in-chief), V.A. Burlakov, M.G. Ganopolskij
A.N. Demyanenko, I.N. Zolotuhin, E.V. Zhurbey, M.A. Kalugina, V.N. Karaman,
A.A. Kireev (Editor), L.I. Kirsanova, V.V. Kojevnikov, A.M. Kuznetsov,
D.A. Litoshenko, O.V. Loboda, O.I. Shestak.

Founder: State educational institution of the higher professional education "Vladivostok state university of Economics and Service".

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.

Official site of journal: <http://www.ojkum.ru>

E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman

Graphic registration: J.A. Barbenko, V. N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector V.V. Karaman

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.

Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77-30578, given by 12.12.2007.

<http://www.ojkum.ru/>

От редактора рубрики

Разрешите представить Вашему вниманию тематическую рубрику второго номера научно-теоретического журнала «Ойкумена. Регионоведческие исследования» за 2010 г., получившую название «Теневое измерение АТР». Несмотря на, сравнительно, небольшой массив вошедших в рубрику работ, а их насчитывается всего четыре, тем не менее, авторскому коллективу тематической рубрики удалось зафиксировать в фокусе исследовательского внимания некоторые аспекты теневого уровня бытования (а может, и без ложной скромности – бытия) ряда крупных социальных систем рассматриваемого региона. Безусловно, нельзя сказать, что представленные в рубрике статьи в полной мере исчерпывают заявленную тематику. Скорее они выступают в роли инструмента интеллектуального «шурфования» малоизученного массива социокультурного опыта обществ ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Открывает рубрику, задавая общий метафизическо-герменевтический лейтмотив тематической подборки статей выпуска, философская работа доцента ТГЭУ Д.В. Конончука «Цивилизация и ее тень». Знакомый с наследием древнейших интеллектуальных традиций, – греческой и китайской, – автор, открыл для себя возможность осуществить контекстуальный синтез двух, на первый взгляд казалось бы контрарных, способов осмысления реалий многогранного пространства социокультурного бытования. Раскрывая первобытную природу Тени Цивилизации, Д.В. Конончук эффективно применяет аналитический инструментарий, к познанию цивилизаций древности, обществ Нового времени, а также к явлениям социокультурной современности. Трансгисторическая интенция рассуждений автора, в конечном итоге, позволяет ему заложить философско-теоретический фундамент дальнейших полидисциплинарных исследований теневой стороны жизнедеятельности социальных систем прошлого, настоящего и будущего.

На наш взгляд, не будет излишней смелостью вывести из рассуждений Д.В. Конончука одно следствие, имеющее фундаментальное значение для всех исследований, вошедших в данную рубрику: измененные формы социальности и культурного опыта, коренящиеся в основаниях современной мировой цивилизации могут осуществить прорыв на поверхность ее реальности, проявив себя либо в открытой форме, либо через подчинение себе и трансфацию наиболее пригодных для этого общественных институтов, культурных норм и ценностей. И произойти это может где угодно и когда угодно. Ни одна эпоха или регион не застрахованы от подобного рода рецидивов.

Именно в ключе рецидивов прорыва «сокрытых в глубинах позднейших напластований» измененных конструкторов первобытности могут быть интерпретированы некоторые реалии истории пиратства в акватории Восточной Азии и других водных бассейнах АТР, исследованные в статье начинающего исследователя из ДВГУ Д.С. Куманева. Ведь как известно даже некоторые из богов-олимпийцев претерпевали притеснения и посягательства со стороны морских разбойников, восточно-азиатские собратья которых по ремеслу оказались в поле зрения автора представленной работы. Анализируя достаточно протяженную во време-

ни и весьма насыщенную в событийном плане историю пиратства в АТР исследователь не только предпринимает попытку предложить авторскую периодизацию развития пиратства в регионе, но и осуществляет весьма смелое отождествление пиратства с терроризмом. Конечно, предложенную автором статью следует рассматривать скорее как интродукцию, как приглашение в дальнейшем комплексному научному обсуждению проблем регионального пиратства в прошлом, настоящем и в перспективе влияния этого явления на формирующуюся уже сегодня в этой части земного шара метарегиональной общности – одного из базовых компонентов будущего миропорядка.

Статья доцента ТГЭУ Л.А. Дударь посвящена проблемам бытования теневых практик в областях государственной и кооперативной торговли и борьбе властей и правоохранительных органов с их проявлениями. Следует отметить, что торговля в рамках советского общества, в том числе, и в рассматриваемый период, воспринималась как явление если не чуждое социалистической формации, пережиточное по отношению к ней, то, по крайней мере, как зона общественного бытия, отмеченная риском возникновения различных антисоциальных проявлений. Особый интерес статья Л.А. Дударь вызывает в связи с особенностями формирования, функционирования и эволюции правосознания и правовой культуры населения региона и историческими условиями рассматриваемого периода, отмеченного ужесточением репрессивной политики советского государства, которая повергла общество в болезненное состояние «быстрой жизни одним днем».

В тоже время автор статьи о хищениях и растратах в дальневосточной торговле 30-х – начала 40-х гг. XX в. приходит к мысли об известной «непобедимости» теневых практик в данной сфере экономических отношений. Среди причин неспособности, даже карательного по характеру правопорядкоохранной деятельности сталинского режима, положить конец вольнице расхитителей и растратчиков в государственной и кооперативной торговле советского Дальнего Востока, называется классовый подход при назначении мер наказания осужденным субъектам теневых практик в сфере торговли, и явное осознание властями наличия объективных предпосылок к вовлечению работников торговли в теневые отношения (многие из вовлеченных производили впечатление вполне политически благонадежных граждан – состояли в рядах ВКП(б) и ВЛКСМ). Искоренить же эти исходные предпосылки, то есть перекося в обеспечении различных слоев и групп советских граждан продовольствием и промышленными товарами, власти, в сложившейся ситуации, были, по большому счету, не в состоянии.

Весьма показательными представляются успехи в работе по профилактике и предотвращению теневых практик в системе торговли советского Дальнего Востока, достигнутые непосредственно в предвоенные годы, ставшие реальностью благодаря комплексу организационно-административных мер, совершенствованию кадровой политики в торговой отрасли и усилиям подразделений государственной безопасности, интегрированных в структуру торговых предприятий и учреждений, забота которых о политической благонадежности тружеников советской торговли в данный период, отчасти, способствовала санации теневых отношений в данной сфере.

Представляется весьма поучительным итоговый вывод Л.А. Дударь о том, что, несмотря на титанические усилия партийных и советских органов власти, органов охраны правопорядка и государственной безопасности, проблема формирования «теневой экономики» в рамках торговой отрасли советского Дальнего Востока в 30-е – начале 40-х гг. XX в., так и осталась принципиально нерешенной вплоть до начала Ве-

ликой Отечественной войны. Таким образом, без преувеличения, можно вести речь о том, что данная социальная проблема, оставшись нерешенной, вошла тем самым, в массив того социокультурного опыта довоенного времени, на котором позднее, после Победы, предстояло возводить здание новой, мирной жизни. Будучи «законсервированными» в толще данного массива, компоненты теневого опыта лишь ожидали удобного случая проявить себя, дестабилизировав функционирование всей социальной системы советского Дальнего Востока.

Статья доцента МГУ им. адм. Г.И. Невельского С.С. Кулажниковой «Роль приморских СМИ в трудоустройстве российских граждан за рубежом (мониторинг рекламных объявлений)» проливает свет на комплекс весьма непростых проблем, связанных с «теневизацией» трудовой деятельности наших соотечественников (подчас, земляков – приморцев) отправившись на поиски «длинного универсального платежного средства» в весьма тернистое и чреватое многими опасностями и превратностями судьбы паломничество в места наилучшего приложения своей рабочей силы.

Произошедшее в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. крушение, построенного на социалистических принципах, советского общества, сопровождавшееся глубочайшим экономическим кризисом, создали предпосылки для втягивания граждан новых независимых государств, в том числе и россиян в орбиту мировых потоков трудовой миграции, известная часть которых носит выражено теневой характер. Не остались в стороне от этой тенденции и жители дальневосточных территорий России. Вхождение дальневосточников в область циркуляции теневых потоков трудовой миграции было, в известной степени, предопределено региональной близостью ряда стран с бурно развивающимися экономиками, некоторые отраслевые сектора которых требовали привлечения сравнительно дешевой, мало квалифицированной рабочей силы, резервуаром которой оказались территории российского Дальнего Востока.

Проведенный автором статьи анализ рекламных объявлений о трудоустройстве за границей, опубликованных в наиболее массовом информационном издании деловой направленности Приморского края за период с 2001 – по 2008 гг., позволил выявить ряд эволюционных тенденций в развитии данного сектора теневых социально-экономических отношений, наметить пути, для дальнейшего исследования данного комплекса проблем. Однако поспешное отнесение всей описанной автором организационной инфраструктуры обеспечения региональной международной трудовой миграции исключительно к области тени, все же, вряд ли оправдано. Скорее речь следует вести об области «серого бытования» этой инфраструктуры, экологическая ниша которой в рамках социальной системы современного российского, да и не только российского, общества, помещается во внушительной пограничной зоне между лицевой, официально признаваемой и поощряемой, и изнаночной, теневой стороной общественной жизни.

В свою очередь, наличие «серой зоны социального бытования» еще раз ставит на повестку дня вопрос о границах «световой» и теневой областей жизнедеятельности социальных систем, о морфологии действующих в них структур, норм, ценностей, институтов. Безусловно в рамках сравнительно небольшой подборки статей тематической рубрики одного выпуска журнала принципиально невозможно охватить все аспекты теневого бытования социальных систем такого обширного территориального ареала как Азиатско-Тихоокеанский регион, сделать это не позволяют ни лимиты объема работ, ни спектр научной специализации авторов, ни четко заданные редакцией дискурсивные рамки публикуемых изданием материалов. И все же, авторскому коллективу статей данной

тематической рубрики удалось сфокусировать исследовательское внимание на некоторых гранях теневого измерения АТР, обозначить границы возможного в рамках соответствующего феноменологического поля, наметить очертания каркасных конструкций рамки целого (термин С. Переслегина) для дальнейших поли- и междисциплинарных исследований в этом направлении и открытого обсуждения их результатов в ближайшем будущем.

Эпилог (неожиданный, но актуальный). Когда вступительная статья тематической рубрики была окончена и в ее тексте была поставлена последняя точка, оказалось, что актуализация комплексного исследования теневых сторон жизни обществ АТР, в особенности – юга российского Дальнего Востока, может произойти гораздо раньше, быстрее и радикальнее, нежели это представлялось ранее. События произошедшие 27 мая 2010 г. буквально в самом центре г. Владивостока и ряд происшествий имевших место того же числа в селе Ракитном Дальнереченского района, 29 мая в окрестностях села Яковлевка, 30 мая на КПП ДПС при въезде в г. Арсеньев, как представляется, однозначно свидетельствуют о приближающейся к Приморью волне реставрации криминальных порядков «лихих 90-х годов» уже прошедшего, и несколько подзабытого XX века. Законсервированное наследие «криминальной эры 90-х гг. XX в.» может оказаться миной замедленного действия, адским подарком из прошлого, способным дестабилизировать без того неустойчиво развивающееся общество дальневосточных территорий Российской Федерации, что поставит под угрозу не только эффективность внутренней политики, но и способно сорвать реализацию геостратегических инициатив российского руководства в рамках процесса интеграции в АТР. В реальности в названном регионе найдется множество сил, в сложившихся обстоятельствах, способных реализовать формирование базовых структур пространства Азиатско-Тихоокеанского сообщества без участия «гангстерского заповедника» на окраинах одичалой России, претендующей на постоянное членское место в элитном клубе ведущих цивилизованных держав – вершителей современного мирового порядка. Может возникнуть закономерный вопрос: «А по Сеньке ли шапка?»

Литошенко Д.А.

УДК 130.2

Конончук Д.В.

Цивилизация и ее Тень

Civilization and its Shadow

В статье производится понятийный анализ термина «Цивилизация» в контексте ее взаимоотношений с периферийными феноменами – первобытной культурой и теневой субкультурой, а также проводятся структурные параллели между последними.

Ключевые слова: *цивилизация, превращенная форма, теневые структуры, криминальная субкультура, варвары, первобытная культура, шансон.*

In the article the conceptual analysis of the term «Civilization» in a context of its mutual relations with its peripheral concepts – primitive culture and shadow subculture is made, and also structural parallels between the last are drawn.

Key words: *civilization, modified form, shadow structures, criminal subculture, barbarians, primitive culture, Russian chanson.*

Истина входит в собственную тень
Цзун Бин, V в.

Сразу же определимся с понятиями. Под Цивилизацией мы будем подразумевать стадию общественного развития, характеризующуюся наличием государственности.

«У каждой вещи есть своя тень», – этот диалектический по сути принцип китайские дипломаты исповедовали еще в VI в. до н.э. [7, с. 137], впрочем, вероятно, и раньше, если мы вспомним, что иероглифы *инь* и *ян* разоблачают исходную форму собственных понятий именно как «теневую» и «освещенную» сторону некоего «холма». Что же есть Тень в отношении Цивилизации, и вообще, есть ли она, эта Тень? Язык указывает¹ нам на многочисленные «теневые структуры»: «теневая экономика (рынок, бизнес, импорт, экспорт...», «теневые короли (правители, магнаты...)»² и даже «теневая армия». Приглядимся: опасность ухода «в тень» оказываются почему-то заражены феномены, так или иначе составляющие существо Цивилизации. Тень Цивилизации не прячется,

¹ «Язык говорит» («Die Sprache spricht»), одна из фундаментальных установок хайдеггеровского метода деструкции как установления исходных смыслов понятий.

² Семантика выражения «теневое правительство (кабинет, министр...)» несколько иная и здесь нами не рассматривается.

она громко обнаруживает себя, и нашей целью будет являться сущностный анализ феномена, который кажет себя как Тень Цивилизации.

Сама категории Тени, взятая в отношении социокультурного мира, обладает интуитивной понятностью. Нам не нужно лишний раз объяснять, что может подразумеваться под «теневой экономикой» или «теневым магнатом». Но и более того: сами по себе теневые отношения всегда просты. На их усвоение почему-то уходит минимум времени и сил; социализацию в пространстве Тени индивиды проходят быстро и, часто успешно. Не потому ли, что эти отношения есть *примитивные* отношения? Примитивные в той английской семантике слова primitive, которая вобрала в себя не только более позднее значение «устарелости» и «старомодности», но и то исходное значение латинского primitivus, на которое влюбленной в свою «прогрессивность» новоевропейской культурой эта «устарелость» была высокомерно наложена – «первичный», «исходный», «самый ранний». Тень оказывается *раньше* того, что ее отбрасывает. Это может показаться парадоксальным. Но, как любил повторять Теодор Моммзен, мировые события, идя на землю, бросают вперед свои тени. Леденящая зимняя ночь не дает нам забыть о том, что мрак и холод – все-таки естественное состояние Вселенной. Разве не страх, не ужас охватывает вслед за осознанием этой простой, совершенно очевидной мысли? Но смелость – это не отсутствие страха, это победа над ним. Страх необходим для рождения смелости, – ровно так же, как: чтобы во Вселенной мог родиться и жить свет, пространством для его рождения и жизни должна стать тень.

В европейских языках присутствует и еще один уровень, где Цивилизация и ее Тень вышли на уровень демаркации. Известно, что слово «цивилизация» – новоевропейского происхождения, как известно и то, что латинское civitas есть «государство», «гражданство» или «сообщество граждан» и в греческом соответствует ему πόλις. Люсьен Февр, подвергший понятие цивилизации специальному исследованию, отмечает одно новоевропейское понятие, послужившее предтечей «цивилизации». Он пишет: «Было, однако, нечто более высокое, чем «politesse», то, что старые авторы именовали «policie» – словом, которое очень нравилось Руссо, а более новые – «police». Над народами «civilis», над народами «polis», бесспорно, возвышаются народы «polices»... «Police» – слово, которое вводит нас в сферу права, администрации, управления. В этом сходятся все авторы, начиная с Робера Этьенна, который в 1549 году в своем «Словаре» переводит «citez bien polices» как «bene moratae, bene constitutae civitates» [города с добрыми нравами, хорошо управляемые], и до Фюретьера, который писал в 1690 году: «Police» – закон, правила поведения, которые следует соблюдать ради существования и поддержания государства и человеческих обществ вообще; противопоставляется варварству» [9, с. 251]. Ныне языковая предтеча Цивилизации не забыта, номинируя полицию, тот необходимый атрибут Цивилизации, что по своей функции противостоит «теневым структурам» и при этом помнит о столь благородном происхождении своего имени. Язык говорит нам, что полиция не просто действует от имени Цивилизации, но изначально подверглась ассоциации с нею, приобрела ее имя, короче, выступала в глазах социума как... сама Цивилизация.

Рассматривая primitive, мы говорили о простоте, и именно в значении «простоты» оба семантических круга понятия – «исходности» и «устарелости» – пересекаются. Но и помимо «простоты» есть еще одно значение, где подобное пересечение происходит. Это значение «первобытности». И вот здесь нам следует вспомнить, что именно «первобытность» является терминологической противоположностью «цивилизации». Старая, фергюсоновско-моргановская иерархия стадий общественного развития

«дикость-варварство-цивилизация» в подобном контексте оказывается по-прежнему рабочей. В дальнейшем под Первобытностью мы будем понимать доцивилизационные формы общественного развития, при этом все же склоняясь более к предцивилизационному «варварству», нежели к «дикости». Итак, высвечиваются три актора. Первобытность выступает как Тень Цивилизации.

Каковы онтологические основания последнего утверждения?

М.К. Мамардашвили принадлежит разработка концепции превращенной формы – особого рода реальности, возникающей в системных образованиях. Превращенная форма представляет собой структуру внутрисистемных отношений, выступающую на поверхность системы, преимущественно в ситуациях аннигилирования, вытеснения или камуфлирования, «замазывания» (термин Мамардашвили) определенных структурных элементов. Превращенная форма функционально компенсирует собой эти выбывшие элементы либо отправляет их в тень, маскирует их реальное существование, тем самым продлевая их жизнь в системе в целом. По Мамардашвили, превращенная форма обладает рядом свойств. Так, возникая в качестве функционального эрзаца и будучи обращенной к наблюдателю, она обретает качество реальности и способна сама воздействовать на жизнь системы в целом [8, с. 269-271].

Очевидным примером превращенной формы является, скажем, любой символ. Он относит нас к континуальному смыслу, к идее, но не к вещи, хотя сам при этом может заключаться в материальном теленосителе, парадоксально участвующем в выражаемой идее. Поэтому, как справедливо отмечал Ю.М. Лотман, смысловые потенции символа всегда шире каждой данной конкретной их реализации [5, с. 242]. Миф, возникающий на символической основе – тоже превращенная форма, и М.К. Мамардашвили приводит пример мифологической по сути объяснительной схемы, связанной с капиталистическим производством [8, с. 278].

Специфическую интерпретацию превращенной формы дал С.Е. Ячин: «Смысл становления можно выразить и иначе, полагая, что каждая последующая фаза развития наслаивается на прежнюю историческую форму. При этом прежняя форма не ликвидируется, не снимается, не низводится до «локального включения» в новый состав, но продолжает жить в своей собственной логике, испытывая при этом вторжения, деформации, превращения от наслоенной формы» [11, с. 10]. У него, как и у самого М.К. Мамардашвили превращенная форма, как таковая, не несет в себе какой-либо негативной окраски, что обусловлено онтологическим, «доэтическим» статусом понятия. Однако этико-аксиологическое напряжение онтологических схем тем выше, чем ближе к практике. А это значит, что превращенная форма, скрывая определенные элементы системы, отправляя их в тень, вовсе не обязательно будет действовать во благо системе в целом. Она вполне способна – в наиболее радикальной форме – обеспечивать паразитическое существование самих этих «теневых» элементов за счет системы. В менее радикальной – стать способом структурирования предпосылочных отношений в «теневую» часть системы.

Цивилизация есть система, и «теневые структуры» возникли в ней не сами собой, и не как дикий сорняк, случайно занесенный на культивируемое поле. Филогенетически они произрастают из доцивилизационных социальных форм. Иными словами, Тень Цивилизации есть ни что иное, как превращенная форма Первобытности, пребывающая в Цивилизации в измененном виде и паразитирующая на ней. Следует особо подчеркнуть, что характер превращенной взаимосвязи между Первобытностью и «теневыми структурами» можно постулировать таким

образом, но не наоборот. Все-таки Первобытность до Цивилизации сама являлась системой, и вряд ли ее можно упрекнуть в какого бы то ни было рода паразитировании. «Тенью» она стала тогда, когда исчезла субстанционально, обратившись в превращенную форму, функционирующую в новых исторических условиях. Утверждать историческую тождественность первобытного и теневого мировоззрения было бы крайне поверхностной спекуляцией. Еще раз подчеркнем: речь идет о том, что «теневые структуры» лишь имеют свойство функционирования в соответствии с первобытными архетипами, причем там, где цивилизационное начало кажется своей слабину или невнимательность.

Оставшуюся часть статьи мы посвятим развитию тезиса о «теневых структурах» (в дальнейшем – Тени) как превращенной форме Первобытности.

Может показаться парадоксальной всегдашняя живучесть родившегося в условиях Первобытности Мифа или, скажем, социальных отношений первобытного уровня. На самом же деле причины, по которой Первобытность оказывается столь живучей, очевидны и располагаются на поверхности системы Цивилизации. Их способна высветить все та же семантика primitive. Сложные системы не всегда более эффективны, но, всегда более уязвимы. Цивилизация есть сложная макросистема с многофакторным, чаще всего, длительным во временном отношении генезисом и развитой структурой, необходимой для саморегулирования и самовоспроизводства. Примитивное же есть первое и простое. В результате как только Цивилизация в силу каких-то причин в любой из областей (политической, экономической, культурной...) начинает сдавать свои позиции, оставленное ею жизненное пространство тут же оккупируется выползающей из Тени Первобытностью. Последняя не только не требует обширных социокультурных ресурсов, но и на свет появилась задолго до их обозначения, будучи направленной на простое, преимущественно чисто биологическое самовоспроизводство через удовлетворение простейших потребностей, отвечающих за гомеостаз.

Как известно, исторически мировая цивилизация расширяла свой ареал за счет наступления на первобытную периферию. История знает примеры, когда Первобытность брала реванш, и ослабевшие цивилизации под ее внешним, и, что более важно, «внутренним» натиском терпели крах. В XV-XI вв. до н.э. на территории всей Евразии крупные и значимые древние цивилизации подверглись масштабному натиску варварской периферии (т.н. «Первое великое переселение народов» или Bronze Age Collapse), причем свою роль в этих процессах сыграла не только активность варваров, но и упадок самих цивилизаций. На полтора столетия оказался под властью гиксосов Египет, а Ахейская Греция, Хеттское царство и шанское государство в Китае прекратили свое существование. Но еще более показательна здесь судьба Западной Римской Империи. Рим не столько пал под внешним натиском варваров, сколько варваризовался изнутри; культурный коллапс Античности предшествовал политическому коллапсу Рима.

Первобытная культура и «теневая» субкультура Цивилизации имеют целый ряд общих элементов. Здесь не место для обширного историко-культурного анализа, просто наметим эти общие аспекты.

1) Низкая ценность человеческой жизни. По словам Дж. Даймонда, «Гораздо более масштабные и долгосрочные наблюдения за кочевыми общинами и оседлыми племенами показывают, что главной причиной смертности в них являются именно убийства» [2, с. 353]. В криминальной сфере термин «брат» или «братва» не случаен. Он характеризует не только внутреннюю замкнутую самоидентичность криминального социума, но и еще кое-что: способ предотвращения конфликтов. «Когда в

живущей традиционным укладом Новой Гвинеи двум незнакомым людям доводилось случайно встретиться вдалеке от родных деревень, они начинали обстоятельно беседовать о своей родне – с целью найти между собой хоть какую-то связь, которая могла бы послужить им основанием не убивать друг друга» [2, с. 345].

2) Ориентация на присваивающие экономические формы. Современную Цивилизацию часто обвиняют в потребительстве, но для того, чтобы потреблять, Цивилизация неизбежно *производит*: надеется ей больше не на кого. А Первобытность и Тень только потребляют, потребляют то, что произведено другими, а, соответственно, Природой и Цивилизацией. В XV-XVI вв. целая серия войн варваров против минского Китая была вызвана всего лишь нежеланием последнего вести с ними торговлю [3, с. 149-150]. Паразитирование на Цивилизации есть способ существования данных структур. Неслучайно *воровской закон* предписывает «не работать ни при каких условиях» [1, с. 13].

3) Опора на традицию и мифологический способ мирообъяснения. Криминальные термины «правильный» и «нормальный» (в отношении каких-то явлений из своей сферы) манифестируют собственную когнитивную и ценностную системы как единственно возможные, и выдают теневой субкультуры на сознательное ограничение познавательного горизонта и рефлексии. Миф укрепляет социум, это очевидно. У теневой мифологии есть еще одна сторона, подчеркнутая в свое время Ю.М. Лотманом: она всегда стремится объявить Тень правой. «мне приходилось иметь дело с людьми, соприкасавшимися с уголовным миром. Меня интересовали эти люди. Я заметил такую черту, очень распространенную, как сентиментальность, повышенную жалость к себе, чрезвычайную готовность поплакаться над своей судьбой. Очень часто это сочетается с жестокостью, даже, более того, она подразумевается. С этим, между прочим, связан фольклор уголовного мира, он всегда сентиментален, всегда рассчитан на то, чтобы вызвать жалость, и поэтому герой его называется, как правило, «бедный мальчонка». Отождествление себя с ребенком и представление обидчика, что он – обиженный, и отсюда обычная норма хамского поведения – то, что в Уголовном кодексе назвали бы превышением меры обороны» [4, с. 477-478].

4) Жесткая внутренняя стратификация и подчиненная ей система символизации. В сравниваемых нами двух культурных мирах человек на протяжении жизни может сменить несколько имен (только внутри самого мира; для внешних действий могут потребоваться и другие имена). Тень не изучала историю Первобытности, но к необходимости инициаций (т.н. прописки) пришла сама. Точно также дело обстоит со специфической символикой, например, с татуировками, которые есть не просто украшение, но целые потоки информации об их носителе. Табуирование предметов – тоже характерная черта и первобытной культуры, и теневой субкультуры.

5) Маргинальность в глазах Цивилизации. Тот факт, что представители древнейших цивилизаций резко отмежевывали от себя варварскую периферию как лишенный культуры Хаос, известен и хорошо изучен. Он прослеживается на примерах древних египтян, греков, римлян, китайцев... У последних термины «вэньхуа» (文化) и «вэньмин» (文明), обычно переводимые как «культура» и «цивилизация», содержат в себе значение вэнь, письменного знака; тот, кто не владеет вэнь – варвар уже в силу одного своего невежества. Двойная семантика греческого βάρβαρος – «иноземный» и «бескультурный» также хорошо известна. Аспект маргинальности Тени интересен тем, что служит показателем духовного здоровья самой Цивилизации. Сегодня от речи и поступков вполне цивилизованных российских людей, разит дыханием Тени, се-

годня Тень претендует как минимум на толерантность к ее ценностям в целом букете жанров массового искусства. Сегодня наша Цивилизация больна. Все-таки не случайно пик разгула криминала в 90-е гг. был назван «Ледниковым периодом»...

Все эти проявления общности Первобытности и Тени (кроме последнего, разумеется) объединяет одна существенная характеристика. Они ориентированы на функциональность. Для всего, что выходит за пределы простых физиологических потребностей, в Первобытности оставался мизер культурного пространства, даже первобытное искусство главным образом функционально. В «теневых структурах» Цивилизации подобное пространство еще более сужается. Раз за разом, попытки Тени создать собственное искусство за редкими исключениями приводят к созданию аэстетичных, ублюдочных поделок, то есть к саморазоблачению Тени как Тени. Но бывают произведения иного рода. Создание культурного продукта для потребления внутри Тени иногда берут на себя вполне легальные представители искусства, тем не менее идентифицируемые Тенью как «свои». Происходит так оттого, что какие-то феномены организованной и легализованной культуры Тени необходимы, и именно этой формальной, внешней легализованности вкупе с внутренне-теневыми сюжетами (подчас вне хоть какой-то опоры на реальные условия теневой жизни) для признания в Тени уже достаточно. Типичным примером такого сорта феноменов является «российский шансон».

В качестве примера возьмем одно, не лишённое любопытства произведение. Это песня «Девочка-пай» (музыка и слова М. Круга). В одном из своих интервью Круг в ответ на вопрос «То есть тяга к нарушению закона у нас в крови?» изложил свои убеждения следующим образом: «И это неплохо. За границей – беспредел закона. То есть авторитет там ничего не значит, любая мандавошка может написать на своего начальника, человека, убеленного сединами, имеющего авторитет и большую семью, что она у него брала в рот и опозорить его перед всем миром... А у нас – все наоборот: авторитет стоит над законом. Так и должно быть – это единственное для нас, для России нормальное существование» [6].

Сюжет песни следующий. Персонаж, от имени которого ведется повествование, «жиган и хулиган», заимел виды на «девочку-пай». Присутствует описание достоинств «девочки-пай» в следующем виде:

В нашей Твери нету таких
Даже среди шкур центровых.

От персонажа объект его желания тщательно оберегают. И со временем на этот объект находится другой охотник. Но персонаж не потерялся:

Но как-то под вечер в подъезде
К нему подкатил я слегка.
Он нес тебе розы, а я ему съездил
От всей души, с левой, крюка.

Вообще-то, по неписанным мужским законам такого рода споры обычно решаются способом заранее оговоренной дуэли, способом, который считается благородным. Этими законами руководствовались и руководствуются в подобных случаях мужчины, от рыцарей и мушкетеров до дворовых мальчишек. Но то ведь *цивилизованные* мальчишки, те, которые знают, что нападение на врага из засады в момент, когда он не готов к бою – подлость. Это Первобытность не знает другой боевой тактики, кроме нападения из засад, разве что нападение превосходящими

силами [2, с. 361].

Эмоциональный запал песни, припев которой начинается со вздоха о том, «как было тепло», поистине драматичен. Песня рвется рассказать людям о том, что человек пострадал. Человеку нужна была шкура. Он эту шкуру очень хотел, но те, кто шкуру вырастил, почему-то решили отдать шкуру не ему, а другому (привет постмодернистам). Это, само собой, несправедливо. Человек этого другого подкараулил в самый неудобный для того момент, и избил. Его, надо полагать, за этот подвиг, «взяли», а это уже, без сомнений, просто верх несправедливости. Ну и, конечно, повод к тому, чтобы под личиной силы и маскулинности поплакаться публике над своей горькой судьбой.

Характерно, что автор почти не озаботился тем, чтобы вставить в сюжет отношение к главному персонажу песни самой девушки. Собственно, девушка как субъект в песне вообще отсутствует. Уровень подачи ее образа в песне рисует нам привлекательное, ухоженное, обученное необходимому, и при этом бессловесное, совершенно безмолвное существо. Судьбу ее решает кто угодно, только не она сама. Ее не хватило даже на то, чтобы уподобиться героине другой приклатенной песенки, которая, «волнуясь, села на карниз и с ужасным криком ринулась вниз» (правда, непонятно, зачем понадобилась сия акробатика, ну да ладно). Девушка здесь – вещь, на которую смотрят. Эта вещь создана Цивилизацией, и сам автор не без сожаления свидетельствует, что в его обществе подобное творение невозможно. Фактически автор, разумеется, сам того не ведая, рисует нам жадный взгляд – взгляд, брошенный на творение Цивилизации из ее Тени. Творение это желанное, отсюда и похоть, что принимает в этом взгляде форму культурной зависти. Этот взгляд сущностен для Тени, которая просто не способна существовать без того, что эту Тень отбрасывает.

Но все же Первобытность рано или поздно обращается в Цивилизацию. Новоевропейская цивилизация возникла из варварских общин, пусть и на солидном античном фундаменте. Современное стремление теневых структур к слиянию с властью – тоже объективный процесс. Но если в первом случае Тень преобразилась в Цивилизацию, то во втором Тень вторгается в Цивилизацию, оставаясь при этом Тенью и подчиняя свою носительницу, как вирус клетку.

Как пример, героизация наших собственных внутренних первобытных побуждений есть предприятие, возможное только внутри Цивилизации. Воры, убийцы, «жиганы и хулиганы» таковы только в своей субкультуре, героями их делает Цивилизация; происхождение многих легендарных героев Древности, судя по всему, именно теневое. Великий мудрец XX века Карл-Густав Юнг вложил в понятие «Тень» значение всех негативных качеств человека, присутствующих в его психике, но отвергаемых сознанием. «К несчастью, человек в целом, без сомнения, хорош куда менее, чем он о себе думает или чем ему хотелось бы быть. Каждому из нас сопутствует в жизни Тень, и чем меньше она присутствует в сознательной жизни индивида, тем чернее и больше эта Тень. Если нечто низкое осознается, у нас всегда есть шанс исправиться... Мы несем в себе наше прошлое, а именно, примитивного, низкого человека с его желаниями и эмоциями. Лишь приложив значительные усилия мы можем освободиться от этой ноши» [10, с. 182]. Незванный гость, *παράσιτος*, который является в дом вместе с гостем желанным и располагается помимо воли хозяев, мудрыми греками именовался словом *σκιά*. Дословно *σκιά* означает «тень». Правило превращенной формы свидетельствует о том, что явление вслед за Цивилизацией ее Тени неизбежно. Казалось бы, это данность, которую мы должны принять: устранить эту «шутку Аполлона» не в наших силах. Пустое, бесплодное занятие по-гречески

есть *σκιάχια*, бой с тенью. Но все же на вопрос, возможно ли Цивилизации победить свою Тень, рано давать однозначный ответ. При этом история говорит нам, что Тень одержать победу над Цивилизацией способна. Об этом нельзя не помнить, как и о том, что тень Первобытности готова вырваться наружу из каждого из нас. Слишком тонок тот слой культуры, которым мы, люди, сформированы, и при чьем-то направленном намерении слишком легко бывает его содрать. Борьба за Культуру, борьба за Цивилизацию неминуема. В борьбе этой новый смысл обретает знаменитое чудесное заклинание из замечательной сказки Евгения Шварца «Тень»:

– *Тень! Знай свое место.*

Литература

1. Александров Ю.К. Очерки криминальной субкультуры. М., 2001.
2. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь. М., 2009.
3. Кульпин Э.С. Человек и природа в Китае. М., 1990.
4. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре // Его же. Воспитание души. СПб., 2005.
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Его же. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ, 2001.
6. Максимов М. Михаил Круг: «Времена «быков» давно ушли. А если кто «забыкует», я могу и сам заехать в роговой отсек» // Тайный советник. № 10.
7. Малявин В.В. Конфуций. М., 2010.
8. Мамардашвили М.К. Превращенные формы (О необходимости иррациональных выражений) // Его же. Как я понимаю философию. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1992.
9. Февр Л. Цивилизация: эволюция слова и группы идей // Его же. Бои за историю. М., Наука, 1991.
10. Юнг К.-Г. Психология и религия // Его же. Архетип и символ. – М.: Ренессанс, 1991.
11. Ячин С.Е. Человек в последовательности событий жертвы, дара и обмена. Владивосток, Дальнаука, 2001.

УДК 327

Куманев Д.С.

Проблема пиратства как разновидности терроризма и ее влияние на региональную безопасность в АТР

The problem of piracy as a form of terrorism and its impact on regional security in Asia-Pacific region

В связи с проблемой региональной безопасности в предлагаемой статье рассматривается историческая эволюция и современное состояние пиратской деятельности в АТР.

Ключевые слова: *пиратство, терроризм на море, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия, Азиатско-Тихоокеанский регион.*

In connection with the problem of regional security in the proposed article the historical evolution and current state of piracy in the Asia-Pacific region are discussed.

Key words: *piracy, terrorism at sea, the Far East, Southeast Asia, the Asia-Pacific region.*

Морское пиратство для стран Азиатско-Тихоокеанского региона всегда было большой проблемой. Однако во второй половине XX века, когда в АТР закрепились двухполюсная система мироустройства, масштабное присутствие ВМС великих держав в Тихом океане сдерживало рост преступности на море и обеспечивало безопасность мореплавания на морских коммуникациях в этой части света.

Окончание «холодной войны» в мировом масштабе привело к снижению активности ВМС стран-участников двухполюсного противостояния в Мировом океане и значительному свертыванию передового военно-морского базирования США и СССР на Дальнем Востоке и Тихом океане. Именно с этого времени начинается прогрессирующий рост морского пиратства в водах Восточной Азии.

Актуальность, рассматриваемой теме, добавляет тот факт, что пиратство в АТР порой принимает не только криминальные, но и политические формы [6]. Разница здесь кроется в мотивах и целях, с которыми осуществляются эти преступления. Во втором случае в пиратскую деятельность оказываются включены экстремистские, сепаратистские и террористические организации. Последствия и масштабы их деятельности выходят за рамки простого криминального деяния, приобретают политическую значимость, что позволяет расценивать такого рода пиратство как морской терроризм.

В данной статье мы попытаемся рассмотреть эволюцию пиратской

деятельности в АТР, оценить ее современный масштаб и влияние на региональную безопасность.

Пиратство на Тихом океане и в Южных морях имеет богатую историю. Испокон веков пиратство существовало у китайских берегов и в Малаккском проливе, у берегов Индонезии и Филиппин – везде, где проходили торговые пути.

В Северо-Восточной Азии китайцы называли пиратов «вокоу», корейцы – «вагу», а японцы – «вако». Это слово состоит из двух иероглифов. Первый иероглиф этого слова означал жителей Японии, что ясно указывает на происхождение большинства пиратов [2]. Однако пиратство на Дальнем Востоке одной страной не ограничивалось.

Первое упоминание о вокоу, как о «налетчиках из страны Ва» встречается на каменной табличке, датированной 414 годом н.э. из южной Манчжурии, посвященной герою царю Гвангето царства Когурё. Это был период участия Японии в конфликтах трех корейских царств: Пэкче, Силла и Когурё. Японские войска часто прибывали на Корейский полуостров. По-видимому, этот монумент отражает попытку царства Пэкче использовать японских вокоу в войне с Когурё, а не собственно пиратский рейд. Прошло еще несколько столетий, прежде чем слово вако стало ассоциироваться с пиратской угрозой из Японии.

На протяжении IX в. Япония была скорее жертвой пиратства, нежели пиратским рассадником. В 811, 813, 893 и 894 годах корейские пираты, воспользовавшись ослаблением страны после распада царства Силла, совершили ряд набегов на побережье Японии. В этот период пиратов еще не называли «вако». Вместо этого использовалось слово «кайдзоку», которое буквально означает «морские разбойники». Слово «кайдзоку» стало основным названием пиратов в японском языке.

В IX-X веках в летописях императорского двора отмечена неоднократная деятельность пиратов на западе Японии и в водах Внутреннего моря. В 931, 932 и 933 годах императорский двор издавал приказы по борьбе с пиратством. В приказе 932 года даже учреждается громкая должность «цуйбу кайдзоку си» (уполномоченного по преследованию и аресту пиратов).

Первым «королем пиратов» в Японской истории считается Фудзивара Сумитомо. Родившись в аристократической семье в провинции Иё, он первоначально служил двору, но в 936 году поднял восстание и сумел объединить под своим командованием значительные пиратские силы. Его успеху способствовали многолетний неурожай и голод. Сумитомо смог поставить под контроль все судоходство в акватории Внутреннего моря, под его командованием находилась не одна сотня кораблей, а его люди постоянно совершали набеги на побережье. Однако в 941 году императорским войскам, наконец, удалось его разгромить.

Следующее поколение пиратов происходило из племени чжурчженей, населявшего Манчжурию. В 1019 году чжурчженские пираты атаковали японские острова Цусима и Ики, а также некоторые области основных островов, занимаясь грабежом.

В начале XIII века японские пираты вновь набирают силу и расширяют географию своей деятельности. Корея стала первой страной, испытывавшей натиск вако. Выбор Кореи как первой цели объяснялся рядом причин. Во-первых, Корея в этот момент находилась в упадке. В 1218 году монголы разорили север страны. Для прикрытие границ пришлось перебрасывать армию с юга, что оголило береговую линию. Во-вторых, на западе Японии началась засуха и недород, что заставило многих японцев обратиться к морскому разбою. Наконец, в-третьих, в Японии утвердилось новое правительство сёгуна, которое перенесло столицу дальше на восток в город Камакура, что уменьшило контроль над западными

районами страны. Все эти факторы обусловили набеги японских вако на южное побережье Кореи в 1223, 1225, 1226 и 1227 годах. В этих разбойных нападениях участвовали не только пираты с Цусимы, Ики и Кюсю, но и множество безработных самураев со всей Японии. Такое положение дел в итоге привело к тому, что в 1251 году на побережье Кореи возвели укрепления для отражения набегов японских пиратов.

В XIV в. пиратские набеги японских вако уже не ограничивались одной Кореей, они распространились также и на Китай. Особенно масштабному нападению в 1358 году подвергся Шаньдунский полуостров и провинция Цзянсу. Примечательно, что насилие также сопровождало и некоторые торговые операции, поскольку многие вако были полупиратами-полуторговцами, для которых пиратство было той же коммерческой деятельностью, но проводимой другими способами.

На протяжении XV-XVI вв. пиратская активность в водах Дальнего Востока год от года только усиливалась. Ее масштабы были столь велики, что оказывали влияние на внешнюю политику Японии, Китая и Кореи. Пираты терроризировали прибрежные воды материка, препятствовали торговле и создавали негативный имидж Японии в глазах своих ближайших соседей. Правящие династии Китая и Кореи столетиями пытались бороться с пиратами, периодически разоряя их базы и уничтожая их флот, но полностью взять ситуацию под контроль так и не смогли. Главной причиной этого была нестабильная ситуация в самой Японии, периодически сотрясаемой гражданскими войнами. Японские власти не раз пытались покончить с пиратством, но начинавшиеся межклановые войны, переходившие в гражданскую войну, сводили на нет все усилия правительства. В период Сенгоку или «период враждующих государств», длившийся в Японии с 1467 по 1615 годы, пиратством не гнушались заниматься и многие князья-дайме.

Наилучшим примером взаимодействием государства и пиратских кланов можно считать военную экспедицию в Корею японского дайме Тоётоми Хидееси в 1592 году. Тогда пиратские семьи Мураками и Коренори соблазнились возможностью участвовать в пиратском рейде под эгидой государства и поддержали вторжение, обеспечив самураев флотом и морямиками [5].

Однако корейская кампания через шесть лет была проиграна и помощь пиратов государству стала не нужна. Тем не менее, японские пираты активно терроризировали прибрежные воды Дальнего Востока вплоть до 1639 года, когда их история внезапно закончилась. Это произошло потому, что утвердившаяся в Японии власть сёгунов из клана Токугава решила прервать все контакты с внешним миром и объявила политику изоляции. Был принят эдикт об изоляции (сакоку), по которому ограниченные отношения могли поддерживаться лишь с Китаем и Кореей, а японцам запрещалось покидать страну под страхом смертной казни. Местные пираты были истреблены.

Стоит отметить, что если в начале своей истории пиратская активность со стороны японцев была связана с нуждой, голодом и нестабильной ситуацией в самой Японии, то с XIV века японские вако стали постепенно заполнять нишу нелегальной торговли между Японией и ее соседями – Кореей и Китаем. Совмещать пиратскую деятельность с контрабандой было очень выгодно, тем более что этому способствовали китайские законы, запрещавшие китайским купцам легально торговать с Японией. Китайские власти использовали запрет на торговлю с соседями в политических целях, пытаясь заставить японское правительство обуздать своих пиратов, но эта политика принесла обратные результаты. Нуждаясь в китайских товарах (шелке и фарфоре) и не имея возможности вести легальную торговлю, японское правительство было вынуждено

договариваться с влиятельными пиратскими кланами, такими, например, как клан Со, чей лидер Со Садамори в середине XV века получил официальный статус смотрителя торговли.

По мере улучшения отношений между официальными японскими властями и Пекином потребность в посреднических услугах пиратов отпала и с ними даже пытались бороться, но полностью искоренить нелегальную торговлю не получалось еще долго.

С середины XVI века пиратские синдикаты перерастают, по существу, в интернациональную мафию. Китайские торговцы нанимают японских солдат в свои частные армии и занимаются контрабандой с большим размахом. С этого времени мы сталкиваемся с китайскими главарями интернациональных пиратских отрядов, базирующихся на территории Японии.

Когда, наконец, в 1567 году династия Мин отменила свои запреты на торговлю со многими странами, это серьезно подорвало позиции пиратов. Правда отмена запрета не распространялась на Японию, которая приобрела к тому времени столь скверную репутацию, что никакие легальные контакты с ней не представлялись возможными. Внешняя торговля Японии постепенно перешла под контроль португальцев.

Португальцы же стали первыми европейцами, которые открыли следующий этап в истории азиатского пиратства. С их появлением оно приобрело новый, колониальный, оттенок.

Начиная с эпохи Великих географических открытий местных азиатских пиратов стали теснить европейцы, в первую очередь португальцы, в конце XV – начале XVI веков прорвавшиеся сначала в Индийский, а потом и в Тихий океаны. Португальцы начали свою «деятельность» в Индийском океане с истребления торговых судов мусульман и индугов. На протяжении всей эпохи колонизации Азии вопросы политики тесно переплетались с религиозной и культурной экспансией, а также грабительскими действиями частных лиц, осуществлявшимися нередко в государственных интересах. За португальцами пришли голландцы и англичане, начавшие уничтожать не только местные суда, но и корабли португальцев, а также грабить друг друга. Позднее к этой схватке присоединились французы. И лишь после этого в азиатских водах появились «классические» пираты из Карибского моря.

Приход европейцев разрушил международные связи азиатских государств, поломал налаженную систему торговли. Когда сферы интересов европейских стран в Индийском океане и Южных морях определились, на первое место выступила их борьба с государствами Азии и Океании. Настало время разделить этот регион на колониальные владения. В XVIII веке под видом борьбы с местным пиратством голландцы захватывают султанаты Малайского архипелага, англичане – полуостров Малакку и Северный Калимантан [4]. Пиратство переплетается с колониальными войнами.

После установления сфер влияния в Азии колониальные державы берутся за поддержание мира и порядка на море и пиратство почти прекращается. Однако с началом первой мировой войны торговые суда в этих водах начинают терроризировать рейдеры, т.е., по сути, государственные пираты. Во вторую мировую войну террор на море приобретает еще больший размах: к крейсерам-рейдерам присоединяются еще и подводные лодки, которые десятками топили танкеры, транспорты и госпитальные суда противника [1].

После обретения странами Тихоокеанского бассейна независимости, морской разбой, как явление регионального масштаба, прекратился. История возвратилась на круги своя – пиратство вновь стало местным, «каботажным» явлением.

Получив независимость, страны Азии активно стали наращивать ВМС для эффективного контроля над морским побережьем своих стран. Однако этот процесс не везде происходил одинаково быстро. Современное пиратство в Азии стало разрастаться после окончания «холодной войны» и уменьшения активностей АТР ВМС СССР и США. С «уходом» великих держав в Азии поначалу возник вакуум силы, чем и воспользовались вновь появившиеся в Тихоокеанских морях пираты.

В 80-х годах XX века активизировались пиратские группировки в водах Малаккского пролива, омывающего Малайзию, Индонезию, Сингапур и Тайланд. По мнению исследователей за период с 1981 по 1985 года в водах пролива было совершено 179 пиратских нападений на торговые суда [3]. Ситуация в Малаккском проливе вызывает особое беспокойство, потому что это одна из самых оживленных морских артерий в мире. Ежедневно пролив используют до двухсот судов. Пролив на отдельных участках является мелководным и узким, что предъявляет особые требования к точности судовождения. Большинство нападений в этом районе осуществлялось на движущие суда.

Кроме того, широко распространение получили также нападения на джонки и рыбацкие баркасы, сотнями отправляющиеся из Вьетнама и Камбоджи к берегам Гонконга, Малайзии или Таиланда – промежуточным пунктам на пути к постоянному жительству в США, Канаде или Франции [3].

В 1991 году в Куала-Лумпуре был открыт Центр информации по пиратству (Piracy Reporting Centre (PRC)), который занимается сбором и анализом информации о пиратских нападениях по всему миру, ведет их статистику и выпускает ежегодные доклады по этой проблеме.

PRC входит в Международное морское бюро (International Maritime Bureau (IMB)), которое является некоммерческим отделением, расположенной в Париже, Международной торговой палаты (International Chamber of Commerce (ICC)).

Анализируя ситуацию в Мировом океане, Международное морское бюро выделяет несколько районов, где пиратская активность фиксируется уже давно и имеет значительные масштабы. К таким районам относятся воды Карибского бассейна, западной Африки, Аденского залива и берега Сомали, а также Индийского субконтинента и Юго-Восточной Азии [8].

Согласно ежегодному докладу Центра информации по пиратству (PRC) в 2009 году в мире официально было зарегистрировано 406 случаев пиратства и вооруженного ограбления [9]. 2009 – уже четвертый подряд год, в котором число зарегистрированных случаев пиратства последовательно увеличивается. До этого сообщалось о 239, 263, и 293 пиратских инцидентах в 2006, 2007 и 2008 годах соответственно. Воды Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии прочно занимают второе место, после Африки, по количеству нападений на торговые суда. В 2009 году здесь было зарегистрировано 68 пиратских нападений.

Год от года изобретательность и дерзость пиратов только растет. В мире значительно увеличивается число пиратских нападений с применением огнестрельного оружия (240 в 2009 году) и захватом заложников (1052 в 2009 году). В АТР в 2009 году в заложники было взято 89 моряков, для сравнения в 2007 году в плен попало всего 29 человек [7].

Очевидно, что ежегодный рост пиратской активности в Мировом океане и в АТР в частности не может не тревожить мировую общественность. Пиратские нападения сегодня, как и много лет назад, угрожают безопасности морских коммуникаций и создают угрозу стабильности в Восточной Азии.

Литература

1. Григорян В.Л., Дмитриев В.И. Пиратство, разбой и терроризм на море. М.: Академкнига, 2004. 135 с.
2. Киселев В.И. Пираты Дальнего Востока. Артемовск: Клуб «Ветеран», 2002.
3. Моджорян Л.А. Терроризм на море. Борьба государств за безопасность морского судоходства. М.: Междунар. отношения, 1991. 168 с.
4. Можейко И.В. Пираты, корсары, рейдеры: очерки истории пиратства в Индийском океане и Южных морях (XV-XX века). М.: Наука, 1991. 348 с., ил.
5. Тернбул С. Самураи. Военная история. СПб.: Издательская группа «Евразия», 1999. 432 с., ил.
6. Graham G.O. Piracy, Maritime Terrorism and Securing the Malacca Straits. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2006.
7. ICC International Maritime Bureau. Piracy and armed robbery against ships, 2008.
8. ICC International Maritime Bureau. Piracy and armed robbery against ships, 2009.
9. ICC International Maritime Bureau. Piracy and armed robbery against ships, 2010.

УДК 339

Дударь Л.А.

Растраты и хищения в дальневосточной торговле (30-е – начало 40-х годов XX века)

The wastes and plunders in Far East trade (30s – beginning 40s of XX century)

В статье характеризуются причины роста имущественных преступлений в государственной и кооперативной торговле Дальнего Востока в предвоенное десятилетие, методы, применяемые властными структурами различного уровня, направленные на искоренение растрат и хищений, а также степень их эффективности. Выводы автора основаны на анализе большого количества архивных документов, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: правонарушения и преступления в торговле, растраты и хищения в торговле, дальневосточная торговля, противодействие криминальной деятельности в сфере торговли, объемы хищений и растрат в сфере торговли, статистика хищений и растрат в торговле.

In clause the reasons of growth of property crimes in state and cooperative trade of the Far East per one decade before war, methods used by imperious structures of a various level, directed on liquidation of practice of wastes and plunders, and as a degree of their efficiency are characterized. The conclusions of the author are based on the analysis of a plenty of the archival documents, majority from which for the first time to be entered into a scientific revolution.

Key words: offences and crimes in trade, waste and plunder in trade, the Far East trade, counteraction of criminal activity in sphere of trade, volumes of plunders and wastes in sphere of trade, statistics of plunders and wastes in trade.

С проблемой роста различного рода правонарушений и преступлений в государственной и кооперативной торговле Дальнего Востока государство столкнулось практически с начала становления здесь обобщественного сектора этой отрасли экономики. В 20-е годы наряду с уголовным наказанием растратчиков и расхитителей стали проводиться профилактические мероприятия, к числу которых относилась организация ревизионных комиссий. Властив центре и на местах считали, что достаточно добиться правильной постановки их работы и ответственного отношения к своим обязанностям их членов, чтобы искоренить это зло [3, с. 3]. Растраты и хищения рассматривались не иначе, как пережитки старого строя, преходящее явление, чуждое советской кооперации и государственной торговле. Однако по мере становления обобщественного сектора дальневосточной торговли число случаев растрат не сокраща-

лось, а росло.

Введение в конце 20-х годов карточной системы распределения сопровождалось дальнейшим ростом подобных преступлений. Так, в системе потребительской кооперации Дальневосточного края (ДВК) растраты и хищения в 1932 г. составили 1966.5 тыс. руб., или 0.58% общего ее товарооборота. Всего было выявлено 1296 подобных случаев. Большая часть их – 1128.8 тыс. руб., осталась непокрытой (ГАХК. Ф. 719. Ф. 5. Ф. 3. Л. 11.).

Расширенный Пленум Дальневосточного краевого союза потребительских обществ (ДКС), проходивший в октябре 1935 г. в Хабаровске, решил для борьбы с растратами и хищениями создать при каждом облпотребсоюзе институт участковых инструкторов. Всего их было 37 человек, и они были распределены по облпотребсоюзам ДВК. В их компетенцию входили разбирательства по фактам растрат в сумме до 1 тыс. руб. При растратах свыше 1 тыс. руб. на место командировались председатели ОПС или его заместители, а свыше 5 тыс. руб. – член президиума ДКС [2, с. 11-12].

В первой половине 30-х годов наиболее часто растраты и хищения наблюдались в закрытых рабочих кооперативах (ЗРК) новостроек Дальнего Востока (ГАХК. Ф. 719. Ф. 5. Ф. 3. Л. 11.). Но подобные случаи были характерны не только для системы потребительской кооперации. Ряд крупных судебных процессов по делам растрат и хищений состоялся в ДВК и в отношении служащих государственной торговли – дело ГОР-Та, Хлопкосбыта, Благовещенской конторы промторга и т.д. Только за 5 месяцев 1934 г. было отмечено 675 случаев привлечения служащих госторговли и кооперации к ответственности за подобные преступления [1, с. 22]. Одна из крупных государственных торгующих организаций региона Дальторг в 1935 г. имела 932.5 тыс. руб. растрат, из которых было погашено лишь 185.1 тыс. руб. (ГАПК. Ф. 719. Ф. 5. Ф. 51. Л. 10.).

В период существования карточной системы распределения с 1929 по 1934 гг. возросло количество хищений продовольственных и промышленных товаров работниками торговли. Во всех изученных нами уголовных делах Приморского областного суда наряду с растратами денежных сумм фигурируют факты расхищения товаров. Например, приговоренная в 1933 г. к 4 годам лишения свободы с конфискацией имущества бывшая заведующая отделением № 9 ВОДТПО, обслуживавшего грузчиков Владивостокского торгового порта, Порошина систематически брала бесплатно хлеб и другие продукты, а также промтовары: 5 мужских рубашек, 2 пары дамских туфель, несколько пар чулок, 2 кашне, несколько пар носков. Кроме того у нее была обнаружена растрата в сумме 1698 руб. (ГАПК. Ф. 352. Ф. 1. Ф. 48. Л. 39.). Ее «коллега» Зайцев, будучи заведующим столовой закрытого военного кооператива (ЗВК) № 5 г. Спасска-Дальнего, систематически расхищал продукты, предназначенные для питания начсостава дивизии ОГПУ. В течение 2 месяцев он брал из столовой бесплатно обеды, ужины и завтраки для 3 членов своей семьи. На суде признал, что взял также бесплатно 2 кг маргарина, 8 кг повидла, 10 кг меда, 5 кг печенья и часто брал по несколько яблок, хотя свидетели назвали гораздо большее количество расхищенных им продуктов. Наряду с этим Зайцев производил незаконные наценки на продукты, продаваемые через буфет, подделывал документы. Получая при этом продуктов больше положенного, он обменивал или сбывал их и присваивал деньги. Общая сумма недостачи от его преступной деятельности была определена в сумме 2137 руб. Зайцев был приговорен к расстрелу, но затем решением вышестоящей судебной инстанции – к 10 годам лишения свободы (ГАПК. Ф. 352. Ф. 1. Ф. 33. Л. 26-30, 49.).

Изученные нами источники содержат весьма скудные сведения о

растратчиках и расхитителях. Еще меньше данных о привлечении их к ответственности. В числе немногих сведения подобного рода удалось найти в отчете Дальторга, из которого следует, что в 1935 г. в этой торгующей организации было привлечено к ответственности за растраты 363 человека, в том числе 1 руководитель предприятия, 2 кассира и 360 продавцов. Эти цифры, как и данные других источников, позволяют заключить, что чаще всего «попадались» на растратах и хищениях рядовые работники прилавка. Они же составляли большую часть привлеченных к судебной ответственности.

Рост количества выявленных случаев растрат и хищений в торговле значительно превышал по темпам и масштабам количество рассматриваемых судебными органами уголовных дел и вынесенных по ним приговоров. Из 363 растратчиков Дальторга 133 чел. было решено не привлекать к судебной ответственности. В 1935 г. было возбуждено только 84 уголовных дела, 18 человек по ним были осуждены 2 оправданы. Рассмотрение же остальных дел затянулось (**ГАХК. Ф. 719. Ф. 5. Ф. 51. Л. 10 об.**). Как правило, за подобные преступления сроки наказания были невелики, что подтверждают данные следующей таблицы:

Таблица 1

**Меры наказания за растраты и хищения, определенные
Амурским областным судом в 1935 – 1936 гг.**

Год	Исправительно-трудовые работы	Лишение свободы 1-3 г.	Лишение свободы 3-5 лет	Лишение свободы 5-10 лет	Лишение свободы 10 лет	Условное наказание
1935	60 чел.	101 чел.	25 чел.	8 чел.	2 чел.	7 чел.
1936	28 чел.	112 чел.	71 чел.	23 чел.	3 чел.	2 чел.

Таблица составлена на основе источника: **ГААО. Ф. 78. Ф. 1. Ф. 7а. Л. 5.**

При этом нанесенный государству растратами ущерб в Амурской области составил в 1935 г. – 281793 руб., а в 1936 г. – 400879 руб. (**ГААО. Ф. 78. Ф. 1. Ф. 7а. Л. 5.**)

После отмены карточной системы тенденция роста числа растрат сохранилась. Во второй половине 30-х годов возрос и удельный вес растрат в товарообороте торгующих организаций. Так, во Владивостокском отделении Союзпродмаг НКТ СССР растраты и хищения в 1936 г. составили 274.4 тыс. руб. (0.18% от оборота), а в 1937 г. – 1147 тыс. руб. (0.72%). За 1937 г. было взыскано всего 68 тыс. руб., списано за отказом суда 24 тыс. руб. и за безнадежностью – 285 тыс. руб. К уголовной ответственности было привлечено 78 человек, из которых 20 осуждено и 15 оправдано. Нерассмотренными в 1937 г. остались 73 дела (**ГАПК. Ф. 337. Ф. 1. Ф. 3. Л. 14.**)

Большинство расхитителей было осуждено по статье 58-7 УК РСФСР, по Закону от 7 августа 1932 г. Как можно заключить из материалов следственных дел Приморского областного суда, подавляющее большинство подсудимых было выходцами из крестьян. Считавшиеся «социально-близкими» режиму, они приговаривались к различным срокам наказания без поражения в правах. Другой категорией осужденных растратчиков были так называемые «классово-чуждые элементы». К ним относились бывшие владельцы или служащие частных торговых предприятий, бывшие белогвардейцы, кулаки и т.д. Для них определялось более суровое наказание.

Например, в ходе следствия по делу о растратах и хищениях в ларьке одного из участков Дальстройпути было установлено, что один из обвиняемых – заведующий ларьком Алексеев, в прошлом был вовсе не крестьянином-батраком, как он ранее сообщил о своем социальном происхождении. Его настоящая фамилия Серебряков, с детства он служил мальчиком, а затем приказчиком в крупной частной торговой фирме, потом завел свое кустарное производство. Суд признал его классовым врагом, «проникшим в рабочий кооператив для подрыва социалистического строительства» и приговорил к расстрелу с конфискацией имущества. Судебно-кассационная коллегия Верховного Суда СССР заменила расстрел 10 годами концлагеря с конфискацией имущества (**ГАПК. Ф. 352. Ф. 1. Ф. 21. Л. 90-98.**). При этом остальные четверо, проходившие по этому делу, были наказаны менее сурово – 3 чел. оправданы, 1 осужден на 10 лет без поражения в правах, но впоследствии и этот приговор был смягчен.

В многочисленных отчетах, выступлениях на различных заседаниях, в публикациях 30-х годов растратчики и расхитители были представлены как «отдельные несознательные элементы», несмотря на то, что постоянно констатировался рост числа этих «элементов» среди работников торговли. Небезынтересным является и тот факт, что довольно многие из них были членами комсомольских и партийных организаций. По данным Амурского облсуда, среди 203 осужденных за 9 месяцев 1935 г. было 7 членов ВКП (б) и 12 членов ВЛКСМ, а среди 239 осужденных за 9 месяцев 1936 г., соответственно, 2 и 11 человек (**ГААО. Ф. 78. Ф. 1. Ф. 7а. Л. 5.**).

Процесс взыскания торгующими организациями растраченных сумм часто был длительным и далеко не всегда успешным для них, даже если он проходил с привлечением судебно-следственных органов. Часто сами торгующие организации несвоевременно оформляли дела о растратах и хищениях и передавали их в суд. Только в Приморском облпотребсоюзе за период 1936-1939 гг. из 400 заведенных дел о растратах не переданными в судебно-следственные органы оказались 77 дел (**ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 55.**). Основной причиной этого было отсутствие в отделе кадров анкетных данных на растратчиков и необходимых документальных материалов, доказывающих хищение. Расхитители часто скрывались, порой прихватив документы из отдела кадров, а судебно-следственные органы отказывались принимать к производству дела, если не было установлено местожительство виновных.

Не простым делом было и взыскание растраченных сумм, уже при осужденных судом. Широко распространялась практика составления судебными исполнителями актов о несостоятельности растратчиков, в результате чего торгующим организациям так и не удавалось получить свои деньги (**ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 44.**). В 1938 г. 24 бывших работника Владивостокского Горпищеторга, растративших 170 тыс. руб., сбежало после того, как дела были переданы в суд, но рассмотрение их сильно затянулось (**ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 11. Л. 4.**).

Случалось, что прокуратура теряла дела по данным преступлениям. К примеру, в декабре 1940 г. райпрокурор Шкотовского района Веденеев выдал Уссурийскому рыбкоопу официальную справку об утере 2 дел о растратах на сумму 12329 руб. и предложил Приморскому крайрыболовпотребсоюзу (КРПС) списать эту сумму «за безнадежностью». Прокуратурой Хасанского района было утеряно в 1940 г. 20 дел на общую сумму 113315 руб., а прокуратурой Буденовского района – 10 дел на 15024 руб. (**ГАПК. Ф. 436. Ф. 1. Ф. 30. Л. 108.**).

Большое количество недостач и растрат, выявленных и не взысканных своевременно, числилось у торгующих организаций на протяжении

нескольких лет. Так, в системе Приморского КРСП на 1 января 1940 г. эти, так называемые, переходящие суммы составили 2457 тыс. руб., из которых 1196 тыс. руб. было выявлено еще в 1937 г., в т.ч. 196 тыс. руб. числилось за бывшими работниками рыболовецкой потребкооперации корейской национальности, принудительно выселенными из Приморья. Попытка руководства Приморского КРСП узнать в органах НКВД о местожительстве корейцев-растратчиков, чтобы подать дела в суд, не принесла положительных результатов. Был получен категорический отказ (ГАПК. Ф. 269. Ф. 1. Ф. 36. Л. 8.). Таким образом, сумма 196 тыс. руб. оказалась для возмещения явно безнадежной, так же как и все растраты, числившиеся за торговыми работниками, репрессированными в конце 30-х годов. Например, в 1938 г. органами НКВД был арестован председатель Комиссаровского сельпо Т.Ф. Ткач, за которым числилась растрата 2626 руб. Приморский КРСП попытался получить в прокуратуре какие-либо сведения о нем, чтобы взыскать эту сумму, но безрезультатно (ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 38.).

Огромные убытки от растрат и хищений, особенно в системе потребкооперации (в 1937 г. 325 млн. руб. в целом по стране (ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 8.)) заставили руководство страны серьезно обеспокоиться. Ситуация уже вышла далеко за рамки «отдельных случаев», явление приобрело массовый характер. В 1938 г. в 20-ти торгующих организациях Дальнего Востока было выявлено растрат на общую сумму 16 млн. 581 тыс. руб. (Подсчитано на основе источников: ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 11. Л. 5; ГАПК. Ф. 337. Ф. 1. Ф. 17. Л. 62; ГАПК. Ф. 621. Ф. 5. Ф. 18. Л. 121; ГАПК. Ф. 269. Ф. 1. Ф. 36. Л. 8; ГАХК. Ф. 1742. Ф. 1. Ф. 17. Л. 3; ГААО. Ф. 78. Ф. 1. Ф. 11. Л. 9; ГААО. Ф. 78. Ф. 1. Ф. 13. Л. 38.). В том числе, в потребкооперации Дальнего Востока в 1938 г. растраты и хищения достигли суммы 9 млн. 340.9 тыс. руб., увеличившись по сравнению с 1932 г. на 375% (Подсчитано на основе источников: ГАХК. Ф. 719. Ф. 5. Ф. 3. Л. 11; ГАХК. Ф. 1742. Ф. 1. Ф. 17. Л. 3.; ГАПК. Ф. 620. Ф. 5. Ф. 18. Л. 121; ГАПК. Ф. 269. Ф. 1. Ф. 1. Л. 10.). 25 января 1939 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О работе потребительской кооперации», в котором вопросу борьбы с растратами и хищениями уделено большое внимание. Вслед за этим 11 февраля 1939 г. Президиум Центросоюза СССР принял постановление «О мероприятиях по усилению борьбы за ликвидацию растрат и хищений в системе потребительской кооперации». В соответствии с этими документами прокуратурой и НКЮ СССР издана специальная инструкция «О расследовании и рассмотрении дел о растратах и хищениях в потребительской кооперации» от 28 февраля 1939 г. (ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 3,8,10.). На местах был усилен политический контроль за исполнением этих директив. 3 апреля 1939 г. бюро Приморского обкома ВКП (б) приняло постановление «О борьбе с растратами и хищениями в торгующих организациях – Горпищеторга, Вонторга ТОФ и Облпотребсоюза» (ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 11. Л. 4-6.).

14 июля 1939 г. вышло еще одно постановление Президиума Центросоюза СССР «О борьбе за ликвидацию растрат и хищений в системе потребительской кооперации» (ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 10.). Из различных отчетов и информационных справок торгующих организаций, направленных в вышестоящие органы, прокуратуру и НКВД, можно заключить, что перечисленные постановления не помогли существенно изменить ситуацию, хотя и заставили торгующие организации активизировать борьбу с растратами и хищениями. Была упорядочена работа отделов кадров. В 30-е годы недостаток торговых кадров был одной из причин того, что на работу принимались все, кто подавал заявления. Типичны были случаи, когда на материально-ответственные должности

принимались лица, имевшие ранее растраты и хищения, или не увольнялись те, у кого они были выявлены на данном месте работы. С 1939 г. на всех вновь поступавших на работу в торговлю заводились личные дела, в паспорте делалась отметка о работе в данной организации. С января 1939 г. обязательным условием приема на работу стало наличие трудовой книжки. С материально-ответственными лицами заключались договоры об имущественной ответственности. Увольнялись люди, имевшие ранее растраты и судимости. Но этот процесс шел медленно. В системе потребкооперации Дальнего Востока отделы кадров за год, к 1 января 1941 г., так и не закончили эту работу (ГАПК. Ф. 621. Ф. 1. Ф. 5. Л. 47-50.).

Определенную роль в борьбе с растратами и хищениями сыграли спецотделы, существовавшие в 30-е годы в каждой торгующей организации наряду с другими подразделениями. В них хранились анкетные листы, автобиографии, характеристики на всех работников. Иногда спецотделам удавалось выявлять жуликов, пытавшихся скрыться от наказания за совершенные ранее преступления и устраивавшихся на материально-ответственные должности путем подлога или подделки документов. Например, в ходе длительной переписки между Центросоюзом, начальником Приморского областного управления НКВД и начальником спецотдела ОПС было установлено, что принятый в 1937 г. на должность главного бухгалтера базы Приморского ОПС Ф. Е. Пчелинский, приехавший из г. Сталинабада с документами, по которым он значился уволенным по собственному желанию, на самом деле скрылся с прежнего места работы, где он вместе с сообщниками присвоил 16158 руб. (ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 10. Л. 5.).

Во второй половине 30-х годов спецотделы начали посылать запросы на прежнее место работы вновь принимавшихся в их торгующие организации работников. В ходе такой переписки тоже удавалось обнаружить бывших растратчиков, не допустить их принятия на материально-ответственные должности, уволить, если они все-таки были приняты, или добиться взыскания растроченных сумм с уже уволенных. Так, спецотдел Приморского ОПС смог разыскать и передать дело в суд на уволенных в 1936 г. с безобидной формулировкой «по ликвидации» из ЗРК ТОФ И.Г. Гуськова и Б.А. Ковалева, за которыми числились растраты в сумме 3415 руб. и 30 тыс. руб. соответственно (ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 8. Л. 52-55.).

Однако подобных фактов встречается немного. Анализ доступных документов позволяет заключить, что основной задачей спецотделов была не борьба с растратами и хищениями, а контроль за секретностью делопроизводства и выявление политически неблагонадежных, с точки зрения режима, работников торговли. Гораздо чаще спецотделы ставили перед руководством торгующих организаций вопрос об увольнении работника не за воровство, а за то, что он не участвовал в общественной работе, не являлся членом профсоюза, был в прошлом исключен из партии или комсомола; за малейшее подозрение, что он мог служить в белой армии, а то и просто за то, что на основании анкетных данных было «не ясно его социальное лицо» или оно представлялось «весьма сомнительным» (ГАПК. Ф. 620. Ф. 2. Ф. 8. Л. 30-31.).

В 30-е годы шло становление системы ревизионного контроля в торгующих организациях Дальнего Востока, которой была отведена основная роль в борьбе с растратами и хищениями. Но инвентаризации, частичные и полные документальные ревизии проводились в этот период редко. Так, в 1940 г. в Приморском КПС из 138 сельпо ревизии были проведены лишь в 68, 46 из которых были полными и 22 частичными (ГАПК. Ф. 621. Ф. 5. Ф. 18. Л. 115.). Внезапных ревизий почти не было.

Главной причиной плохой организации ревизионного контроля был острый недостаток квалифицированных ревизоров. Например, в Хабаровском КПС в 1939 г. из 24 необходимых по штату ревизоров работало только 16 (**ГАХК. Ф. 1742. Ф. 1. Ф. 11. Ф. 15.**). С целью частичного решения проблемы с ревизорскими кадрами на Дальнем Востоке открывались краткосрочные курсы-семинары. Однако уровень подготовки ими специалистов был не высоким. Основное внимание на них уделялось не профессиональной, а идейно-политической подготовке слушателей. Так, председатели контрольно-ревизионных комиссий сельпо Приморского ОПС во второй половине 30-х годов готовились по программе, рассчитанной на 31 час занятий. Из них 11 часов отводилось изучению выступлений Сталина на съездах и пленумах, а, также, постановлений партии и правительства (**ГАПК. Ф. 620. Ф. 1. Ф. 3. Л. 65.**).

В начале 40-х годов к борьбе с растратами и хищениями в сфере торговли подключились советские органы. В феврале 1941 г. Приморский крайисполком рассмотрел вопрос о положении дел с растратами в государственной и кооперативной торговле края. К этому побудило то обстоятельство, что на 1 января 1940 г. по всем торговым предприятиям края числилось не взысканных растрат на 10 млн. 440 тыс. руб., а в течение 1940 г. было выявлено еще 7 млн. 462 тыс. руб., из которых большая часть осталась не взысканной. Среди организаций с большим числом растрат исполком выделил Крайрыболовпотребсоюз, Военторг КА, Военторг ТОФ, Примторг, Когиз (**ГАПК. Ф. 436. Ф. 1. Ф. 2. Л. 47.**). Хабаровский крайисполком также неоднократно рассматривал на своих заседаниях проблему ростарастрат, но перелома в ее разрешении добиться не смог. За первый квартал 1941 г. количество растрат, например, в рыболовецкой потребкооперации Приморского и Хабаровского краев еще увеличилось, а взыскание через судебно-следственные органы шло по-прежнему чрезвычайно медленными темпами. Уговоры и доказательства инструкторов системы РПС при обращении их в следственные органы по вопросам об ускорении сроков разбора дел большого успеха не имели.

Местными органами власти и ведомственным руководством положение дел с растратами и хищениями в дальневосточной рыболовецкой потребительской кооперации расценивалось как угрожающее. Данные источников свидетельствуют об объективности этой оценки: в конце 1940 г. общая сумма растрат в Камчатском, Охото-Аянском, Николаевском-на-Амуре, Хабаровском и Приморском РПС составляла 7 млн. 946 тыс. руб. (Подсчитано на основе источника: **ГАПК. Ф. 436. Ф. 1. Ф. 13. Л. 98.**). Руководство Рыболовсекции Центросоюза СССР и РСФСР 5 мая 1941 г. приняло специальное постановление, которое обязывало Владивостокское Отделение Центросоюза «добиться в Хабаровских и Приморских директивных организациях командирования в объединяемые Отделением РПС бригады прокуратуры для активизации борьбы с растратами и хищениями» (**ГАПК. Ф. 436. Ф. 1. Ф. 13. Л. 99.**). На основании этого управляющий Владивостокского отделения Рыболовсекции Гитлин направил письма краевым прокурорам Хабаровского и Приморского краев, а также секретарю Хабаровского крайкома ВКП(б) (**ГАПК. Ф. 436. Ф. 1. Ф. 13. Л. 98-100.**), где изложил суть сложившейся ситуации и попросил командировать в РПС бригады прокуратуры. Все документы датированы 4 июня 1941 г. О результатах всех этих усилий сведений в источниках найти не удалось. Наиболее вероятно, что начало войны не позволило довести это дело до логического конца.

В целом рост числа растрат и хищений, а также других имущественных преступлений в сфере внутренней торговли Дальнего Востока в предвоенное десятилетие был показателем усиления негативных тен-

денций в советской распределительной системе и зарождения уже в 30-е годы элементов «теневой экономики», которая впоследствии разрослась до значительных масштабов.

Литература

1. Вейс А. Советская торговля в ДВК // Тихоокеанский коммунист. 1934. № 2-3.
2. Решения расширенного Пленума Далькрайсоюза 21-24 октября 1935 г. Хабаровск, 1935.
3. Тихоокеанская звезда. 1926. 16 июля.

УДК 331.108(.4/9.571.61/64)

Кулажникова С.С.

Роль Приморских СМИ в трудоустройстве российских граждан за рубежом

Role of media of Primorsky Region in employment of Russian citizens abroad

В статье описан мониторинг рекламных объявлений фирм по трудоустройству за рубеж в Приморском крае, анализ объявлений и их динамика. Выявляются направления трудовых потоков, новые формы вербовки, эксплуатации и контроля над работниками, механизмы их распространения и воспроизводства.

Ключевые слова: *торговля женщинами, мониторинг, фирмы по трудоустройству, формы вербовки, рекламные объявления*

The article deals with the monitoring and analyzes of job placement ads publishing by mass media in Primorsky Region. Orientation of labour streams, new forms of recruiting, exploitation and illegal control over workers and their mechanism are examined.

Key words: *trafficking in women, monitoring, job placement agencies, forms of recruiting, ads*

Проблема торговли людьми неразрывно связана с деятельностью средств массовой информации. Существуют различные способы поиска работы, в том числе и за рубежом. Один из вариантов – обращение к рекламным объявлениям, которые печатаются в средствах массовой информации и, в первую очередь, в печатных изданиях. Из них мы узнаем о заманчивых перспективах карьерного роста и высоких заработках. Через СМИ агентства, занимающиеся трудоустройством российских граждан за границей, предоставляют общественности свою информацию, именно через них граждане узнают об условиях работы за рубежом. Причем, СМИ не просто информируют о возможности и условиях работы в той или иной стране, но и формулируют определения, подсказывают свои выводы, оказывая определенное воздействие на наше решение. Восприятие этой информации во многом зависит от способов подачи данного материала в средствах массовой информации, поэтому анализ деятельности СМИ – важное условие для понимания процесса торговли людьми и необходимости борьбы с этим явлением.

В этой связи был проведен мониторинг объявлений Приморских фирм по трудоустройству российских граждан за рубежом. Цель его – анализ различных форм объявлений о трудоустройстве за границей, публикуемых в СМИ, и их динамика; определение спроса на дешевый неквалифицированный труд мигрантов в выбранных секторах экономики

зарубежных стран; выявление направленности трудовых потоков и причин их изменения; поиск новых форм вербовки, эксплуатации и незаконного контроля над работниками, механизмов их распространения и воспроизводства. Был проведен контент-анализ выбранных объявлений, с помощью которого стало возможным обозначить интерес стран в рабочей силе, видах трудовой занятости населения и требуемой квалификации работников. Мониторинг Приморских средств массовой информации был нацелен на выявление и описание механизмов воспроизведения и сокрытия практики вербовки граждан, уязвимых для дискриминации и эксплуатации на рынках труда и в частной сфере. Такого рода практики зачастую имеют своим следствием торговлю людьми в разных ее проявлениях.

Мы предположили, что местные фирмы по трудоустройству граждан за рубежом, к которым часто себя относят и фирмы «досуга», являются одним из маргинальных каналов незаконной трудовой миграции и торговли людьми. Чтобы это проверить, был проведен предварительный анализ российских СМИ, обнаруживший пробелы в изучении их роли в торговле людьми. В рамках нашего исследования мы не ставили своей задачей изучение всех краевых газет. Для этого мы отбирали объявления, опубликованные в крупном популярном в Приморском крае издании «Дальпресс». Период выборки – 2001 – 2008 гг. Частота выборки – ежемесячный анализ объявлений за каждый год. Целевая выборка предпринималась для изучения рекламных объявлений, отвечающих заданным условиям (объявления о работе за рубежом с указанием оплаты труда, условий проживания, характера выполняемой работы, сроки оформления выездных документов и др.). Эта методика позволяет предсказать стабильность или временность размещения объявлений, выявить фирмы, постоянно или временно присутствующие на рынке посреднических услуг и размещающие объявления с предложением работы.

В 2001 году из 2886 объявлений с предложением работы гражданам, только 862 (29,9%) предлагали трудоустройство за рубежом. Перечень стран достаточно разнообразен: Япония, Южная Корея, Китай, Тайвань, Гонконг, США, Канада, Англия, Ирландия, Бельгия, Португалия, Голландия, Испания, Италия, Греция, Польша, Израиль, Египет, Кипр.

Анализ показывает, что количество объявлений в летние месяцы падает и увеличивается с сентября. Во-первых, вероятно, в летние месяцы увеличивается число туристов и гостей, а также число рабочих мест. Во-вторых, наши граждане, хотя живут в тяжелых экономических условиях, все же могут позволить себе провести летние месяцы у моря. В осенние месяцы число рабочих мест сокращается, и отсутствие подходящей, хорошо оплачиваемой работы в родном городе вынуждает граждан искать заработки в иных местах, в том числе и за рубежом.

Чаще, как следовало из объявлений, предлагалось трудоустройство в странах АТР, таких как Япония, Южная Корея, Китай. Следующими по частоте предложений были США, Англия, и Италия. Меньше всего было предложений из Голландии, Бельгии и Португалии. На работу приглашались квалифицированные врачи, строители, механики, рабочие (в рестораны, пищекомбинаты, гостиницы, супермаркеты, на заводы, фабрики, в автосервис, на сельскохозяйственные фермы), а также хостес, танцовщицы, топлес, стриптизерши, няни, сиделки, повара, официантки, обслуживающий персонал, домработницы.

В одной из газет за 2001 год было опубликовано предупреждение иммиграционной службы Приморского края, которое предостерегало граждан от опрометчивых попыток выезда. «Информация для выезжающих за границу: напоминаем Вам, что для того, чтобы работать за грани-

цей, Вам необходимо иметь рабочую визу и индивидуальный трудовой договор с иностранным работодателем. Туристическая виза не позволяет заниматься трудовой деятельностью. Нарушение этих условий ставит Вас в нелегкое положение и может повлечь за собой неприятности с властями, которые выльются для Вас в финансовые и моральные потери. Иммиграционная служба Приморского края».

Судя по объявлению, такая профилактическая работа иммиграционной службы края среди жителей служит косвенным доказательством наличия случаев торговли людьми, особенно женщинами, известных властным структурам. Однако результаты этой работы не повлияли на количество печатаемых объявлений. Оно не только не уменьшилось, но и увеличилось в последующих месяцах.

Количество объявлений в газете за 2005 год заметно увеличилось (на 2129 единиц – 73,8%) по сравнению с 2001 г. Наблюдался также спад объявлений в летние месяцы, и увеличение – осенью. Анализируя показатели 2005 года, можно сделать предположение о резком ухудшении положения на рынке труда края. Очевидно, стало еще труднее найти достойную работу. В связи с этим увеличилось количество предложений работы «с высоким заработком», «без штрафов», с «хорошими условиями труда и жилья». Предлагают явные или маскирующиеся фирмы досуга. Увеличилось и количество фирм по трудоустройству в крае. Филиалы Владивостокских фирм появились и в других городах края, таких как, Артем, Арсеньев, Находка.

География предложений работы за рубежом в 2005 г. меняется. Она становится шире: Япония, Корея, Китай, Тайвань, Индонезия, США, Канада, Новая Зеландия, Англия, Голландия, Финляндия, Испания, Италия, Греция, Франция, Чехия, Израиль, Объединенные Арабские Эмираты. В этих странах требуются такие работники, как рабочие на заводы и фабрики, хостес, топлес, няни, сиделки, обслуживающий персонал в гостиницах, домработницы, танцовщицы и певицы для шоу-бизнеса на круизных судах.

По сравнению с географией стран, которые входили в 2001 г. в обширный список государств, предлагавших иностранцам работу за границей, в 2005 г. в этот список уже не входили такие страны, как Ирландия, Бельгия, Португалия, Гонконг, Египет, Кипр. Исчез спрос и на такие профессии, как квалифицированные медицинские работники, строители, механики, рабочие автосервиса и разнорабочие, в том числе и на сельскохозяйственные фермы, нет спроса и на такие специальности сферы сервиса, как повара, официантки. Вероятно, в связи с ужесточением требований миграционных служб не только этих стран, но и российских официальных органов, в указанных странах стало намного труднее пристраивать иностранных рабочих. А спрос на эти специальности упал, возможно, в связи с насыщением рынка труда этими специальностями.

В 2006 г. количество предложений трудовой миграции за рубеж резко снижается при увеличении предложений на внутреннем рынке края. Работу предлагают те же посреднические агентства, которые заявили о себе в 2005 г. Появились новые варианты трудовой занятости: девушек и женщин приглашают на работу в залы игровых автоматов, для фотографических съемок ню. В этом же году для работы в фирмах досуга стали также приглашать и юношей. География трудоустройства расширилась за счет таких стран, как Швейцария, Австралия и Макао, но исчезли Аляска, Индонезия, Голландия и Финляндия. Спрос на специальности был тот же: требовались женщины для работы в сфере шоу-бизнеса и обслуживания, а мужчины – рабочими на заводы, фабрики и в автосервис. Можно сделать вывод, что, те небольшие фирмы, которые предлагали трудоустройство в этих странах, распались, либо из-за невозможности

получить лицензию, либо из-за несоответствующей репутации.

В объявлениях 2008 года есть свои особенности. Деятельность фирм по трудоустройству претерпела заметные изменения. По сравнению с 2006 годом крупные фирмы, работавшие на краевом рынке трудоустройства граждан за границу, исчезли. С июля 2007 года объявления о трудоустройстве за границей, судя по рекламе, дают только небольшие фирмы. Их деятельность стала более регламентированной и законопослушной. Почти все ссылаются на лицензию с номером. Обнаружены лишь две фирмы, не указавшие номер лицензии.

Наряду с традиционными занятиями в сфере досуга (танцовщицы, хостес) девушкам, женщинам предлагают новые виды работы, как, например, в залах игровых автоматов, в парках аттракционов Китая. С 1 июля 2007 года у газеты «Дальпресс» в Интернете появился официальный сайт о трудоустройстве. После этого исчезли объявления о трудоустройстве за границей всех крупных фирм. Очевидно, руководство края наконец-то решило прикрыть незаконную деятельность краевых фирм по трудоустройству российских граждан за рубежом и вытеснило все крупные фирмы и агентства из краевого рынка труда.

География трудоустройства с 2007 г. расширилась за счет появления экзотических стран Анголы, Израиля, Турции, Кейптауна. Но из списков исчезли такие страны, как Объединенные Арабские Эмираты, Кипр и скандинавские страны. Спрос на специальности остался без изменений, требуются женщины для шоу-бизнеса, развлечений и обслуживания, а мужчины-рабочими на заводы, фабрики, в автосервис, нужны также строители, водители, сельскохозяйственные работники.

В 2008 году отмечается снижение количества объявлений о трудоустройстве. На краевом рынке трудоустройства граждан за границу – только мелкие фирмы, имеющие лицензии. Но при сравнении с данными 2001-2006 гг. оказалось, что телефоны этих фирм соответствуют телефонам бывших крупных процветающих фирм. Поговорив с представителями фирм, мы узнали, что они работают на прежних условиях и оказывают все те же услуги. Можно сделать вывод, что крупные фирмы заинтересованы стать неприметными, а свою деятельность они продолжают по-прежнему, но с новой рекламой.

Анализ объявлений в краевых рекламных газетах позволяет говорить об определенных тенденциях в направлениях трудовой миграции. В 1994 – 1999 гг. была четкая направленность на страны Юго-Восточной Азии (Китай, Южная Корея, Япония, Таиланд) [1, с. 84]. С расширением зарубежных связей и насыщением рынков, потоки переориентировались и на страны запада: Италию, Грецию, Кипр. С 2001 года женщины стали привлекать в Голландию, Израиль, Египет, страны Европы. В 2005, 2006 гг. появляются новые страны – Индонезия, Новая Зеландия, Финляндия, Объединенные Арабские Эмираты. А с 2007 года исчезли Швейцария, Финляндия, Кипр, появились Голландия, Аляска. Спрос на рабочие профессии и сервисные услуги растет.

На основе наших исследований мы смогли предположить, что в крае существует хорошо организованная система вывоза желающих поработать за границей людей, особенно женщин, с заранее спланированными целями.

Во-первых, фирмы по трудоустройству через объявления о работе в разных странах не пишут об уровне жизни населения в той или иной стране. Поэтому, если тем, кто уезжает работать за границу, и выплатят обещанную зарплату, то почти все деньги уходят на питание, одежду и другие бытовые расходы. Дополнительные средства можно заработать, только оказывая другие запрещенные в этой стране услуги (зачастую, например, сексуальные).

Во-вторых, отсутствие соответствующей подготовки, необходимой для работы в шоу бизнесе, не смущает представителей фирм по трудоустройству, которые являются посредниками между иностранными работодателями и российскими работниками. И тех, и других интересует только прибыль, которую они получают от совместной сделки. Их не интересует судьба тех, кого они вербуют на работу. Часто представители фирм используют всевозможные фальшивые документы, подставляя тех, кого они отправляют на работу.

Поэтому в крае нужно активно вести работу по предупреждению случаев вербовки девушек и молодых женщин для сферы досуга и шоу бизнеса иностранных государств, чем занимаются многие фирмы и агентства по трудоустройству Владивостока. Они расширяют деятельность, создавая в других городах филиалы своих фирм. Представители официальных структур края должны контролировать работу этих фирм, привлекая к этой работе некоммерческие организации и общественность. Только общими усилиями можно наладить эту нужную работу в городе и крае.

Литература

1. Ерохина Л.Д., Буряк М.Ю. Торговля женщинами и детьми в целях сексуальной эксплуатации в социальной и криминологической перспективе. М., 2003. 431 с.

УДК [947. 081/.083+381] (571.6)

Позняк Т.З.

Торговая инфраструктура городов юга Дальнего Востока во второй половине XIX века

The trade infrastructure of the cities of the Russian Far East
in the second half of XIX century

Статья посвящена развитию торговли в городах российского Дальнего Востока во второй половине XIX в. Автор рассматривает проблемы численности и состава торговых заведений в городах, структуру внутригородской торговли и торговые обороты, социальных состав предпринимателей и торговых служащих

Ключевые слова: города, российский Дальний Восток, торговля, предпринимательство

The article is devoted to the trade infrastructure of the cities of the Russian Far East in the second half of XIX century. The author recounts the problems of the numerical strength and structure trade, finance circulating in the city, social characteristic of the entrepreneurs and trade office workers.

Key words: the city, Russian Far East, trade, enterprise

Одной из ведущих функций дальневосточных городов была торговая. На начальном этапе освоения в условиях отсутствия собственного сельскохозяйственного и промышленного производства регион снабжался необходимыми товарами и продуктами извне, а населенные пункты, расположенные в наиболее благоприятных местах на путях сообщения получали дополнительный толчок развития в качестве ввозных и товарораспределительных центров. Важной особенностью формирования населения региона была концентрация немногочисленного населения первоначально в городах и военных постах, поэтому на первых порах значение их в качестве торговых центров было ограничено удовлетворением внутригородского спроса и зависело от емкости собственного потребительского рынка. Значение городов в качестве товарораспреде-

лительных центров, снабжавших товарами земледельческую округу и приисковые районы, росло по мере заселения региона.

Развитие внутригородской торговли являлось важнейшим условием снабжения населения городов. Цель данной работы – рассмотреть процесс формирования торговой инфраструктуры дальневосточных городов на протяжении второй половины XIX в. Ограничение хронологических рамок исследования второй половиной XIX в. связано с существенными успехами в заселении и хозяйственном освоении региона, достигнутыми к концу века и наложившими отпечаток и на состояние торговли.

Развитие торговой инфраструктуры каждого города и его торговый потенциал определялись множеством факторов, таких как: развитие региональной транспортной сети и положение города относительно путей сообщения, численность населения города и прилегающей к нему округи. Во второй половине 1850-х – 1860-х годах по этим показателям лидировал г. Николаевск-на-Амуре, благодаря своему положению в устье Амура сосредоточивший значительные воинские контингенты и гражданское население. Значение Благовещенска определялось местонахождением на стыке рр. Амура и Зеи, в центре Амурской области, заселявшейся в 1860-70-е годы более быстрыми темпами, чем Приморская. Эти города служили своего рода входными воротами для грузов: первый со стороны моря, а второй – из Европейской России через Сибирь, а также транзитными пунктами распределения товаров в Приамурье. Хабаровск и Владивосток были военными постами с небольшим по численности населением. В 1868 г. во Владивостоке проживало 510 чел. [8, с.326], в Хабаровке – 1032, тогда как в Николаевске – 5314, Благовещенске – 3107 чел. (РГИА ДВ, ф. 1, оп. 1, д. 137, л. 2, 31; ф. 704, оп. 1, д. 41, л. 3-3 об).

В 1870-е годы Николаевск в связи с переводом порта, военных учреждений во Владивосток и резким уменьшением численности населения сократил внутреннее потребление, продолжая выполнять функции ввозного порта и транзитного пункта. Значение Владивостока, напротив, усилилось, уже к концу 1870-х годов число его жителей достигло 8-10 тыс. чел. Придание Владивостоку и Хабаровску городского статуса и наделение административными функциями дало дополнительный толчок их росту и расширению потребительского рынка. Благовещенск в 1870-1890-е годы продолжал наращивать свой торговый потенциал благодаря развитию золотопромышленности и росту земледельческого населения в Амурской области. В конце 1870-х гг. среднегодовой ввоз товаров через Благовещенск, Николаевск и Владивосток был примерно равным (на сумму примерно 1,5-2 млн. руб.), но уже в начале 1880-х гг. значение Благовещенска в качестве перевалочного пункта для товаров, ввозимых со стороны Забайкалья, уменьшилось [2, С.35,38-39]. Введение рейсов Добровольного флота изменило соотношение сил в пользу Владивостока и Николаевска в качестве ввозных пунктов, так как привело к увеличению притока переселенцев в Южно-Уссурийский край, росту грузопотока через морские порты и удельного веса российских товаров и пр. [2, с.38-39; 3, с.36-38]. На 1 января 1891 г. в Благовещенске проживало 20475 чел., во Владивостоке – 12877, в Хабаровке – 7538, в Николаевске – 1714 чел. [4, с. 9], торговые обороты Владивостока составляли 8053,5 тыс. руб., Благовещенска – 3068, Николаевска – 2565, Хабаровки – 1199 тыс. руб. (РГИА ДВ, ф.1, оп.1, д.1227, л.171-171об., 253-253об., 405-405об.; ф.704, оп.1, д.224, л.7-8об.).

В 1890-е годы сооружение Уссурийской железной дороги, а в начале XX в. ввод в действие КВЖД привели к значительным успехам в заселении и освоении региона, а также повлекли изменение в положении рассматриваемых городов относительно инфраструктуры. Дополни-

ный стимул к развитию получают города, ставшие узловыми станциями на линии железной дороги Владивосток, Никольск-Уссурийский и Хабаровск. Численность населения и торговые обороты их росли более быстрыми темпами. В то же время Благовещенск и Николаевск, оставшиеся в стороне от магистрали, потеряли часть перевозимых транзитом грузов. По численности населения, согласно данным переписи 1897 г., на первом месте стоял Благовещенск (32834 чел.), Владивосток, в начале 1890-х годов отстававший от него, к концу века сократил этот отрыв (28933 чел.). Быстрыми темпами росли Хабаровск (14971 чел.) и Николаевск (5684 чел.) [5, тетр. 1, с. 12-13; 6, тетр. 1, с. 2]. По торговым оборотам в 1900 г. лидирующие позиции Владивостока среди других городов региона еще больше укрепились (21909 тыс. руб.), за ним следовали Благовещенск (8720), Хабаровск (5516) и Николаевск-на-Амуре (3049) [9, с. 114-115].

В конце XIX в. Владивосток и Благовещенск были главными торговыми центрами региона. Объемы торговых оборотов и их соотношение отражают не столько величину потребительского рынка города, сколько значение города в качестве товарораспределительного центра и размеры зоны влияния. Владивосток, к концу века уступая Благовещенску по численности населения, заметно опережал его по торговым оборотам, так как, будучи крупным ввозным портом и конечным пунктом железнодорожной магистрали, обеспечивал ввоз и распределение товаров для всего дальневосточного региона. Благовещенск также являлся не только главным потребителем в области, но и выступал в качестве товарораспределительного центра, однако значение его в этом плане ограничивалось Приамурьем и отчасти Забайкальем. В 1895 г. в Благовещенске было продано 84,7% привезенных товаров, прошло через Благовещенск в разные места области и Забайкалье – 15,3%; в 1899 г. 70,5% и 29,5% соответственно (РГИА ДВ, ф. 704, оп. 1, д. 26, л. 3 об.-4; д. 67, л. 66 об.; д. 173, л. 10; д. 224, л. 8 об.; д. 262, л. 67-68; д. 297, л. 12-12 об.; д. 306, л. 46-46 об.; оп. 3, д. 772, л. 16-17). Хабаровск по торговым оборотам опередил Николаевск-на-Амуре только к концу века, когда благодаря своему положению на железной дороге и на стыке Амура с Усури получил развитие как перевалочный пункт грузов с железной дороги на речной путь.

Подробно проследить рост торговых оборотов на протяжении второй половины XIX в. и взаимосвязь с динамикой численности горожан можно на примере Благовещенска (табл. 1).

Таблица 1.

Численность населения и торговые обороты Благовещенска (чел., тыс. руб.).

Годы /на 1 января	1864	1874	1886	1891	1894	1896	1900
Торговые обороты	450	438	1635	3068	4426	6922	8720
Число жителей	2029	3387	13549	20475	22592	28602	34188

Таблица составлена на основании источников: РГИА ДВ Ф. 704. Оп. 1. Д. 28. Л. 64-64об.; Д. 68. Л. 113-114, 152, 159; Д. 173. Л. 9об.-10; Д. 180. Л. 31; Д. 224. Л. 4,7-8об; Д. 247. Л. 48; Д. 297. Л. 12-12об; Д. 306. Л. 46-46об.

Определенная корреляция между численностью населения и товарооборотом существует. В 1860-70-е годы на фоне малочисленности населения Благовещенск не отличался и высокими товарооборотами.

Значительный рост числа горожан к середине 1880-х (в 4 раза) в той же степени отразился и на повышении торговых оборотов, а 1890-е годы характеризуются особенно быстрыми темпами роста обоих показателей.

Численность торговых заведений в большей степени (чем торговых оборотов) была обусловлена внутренней потребностью города и зависела от числа его жителей. Таблица 2 иллюстрирует развитие торговой инфраструктуры рассматриваемых городов: изменение числа и соотношения типов торговых заведений. Если в 1860-е – начале 70-х годов больший по численности горожан Николаевск-на-Амуре опережал другие города региона по числу предприятий торговли, то в 1880-е на первое место вышел Владивосток, за ним следовал Благовещенск. Хабаровск, отстававший от Николаевска по данным 1883 г., впоследствии опередил его. Это соотношение не изменилось до конца исследуемого периода. Вышеприведенные данные о торговых оборотах за 1900 г. подтверждают сложившуюся иерархию.

Источником для изучения торговой инфраструктуры городов послужили журналы проверок торговли и промыслов, проводившихся путем обхода соответствующих заведений. Недостатком данного источника был неполный учет предприятий, однако это едва ли не единственный источник, позволяющий проследить соотношение разных типов торговых предприятий на протяжении второй половины XIX в.

Таблица 2.

Изменение численности и состава торговых предприятий городов юга Дальнего Востока во второй половине XIX в.

Город	Год	Численность торговых заведений								Всего заведений**
		Магазины	Лавки	Склады	Конторы	Пит. завед.	Харчев, тракт.	Булочные	Итого*	
Николаевск	1866	11	27	2	2	51	5	2	100	107
	1872	20	20	-	2	49	1	2	94	107
	1878	7	18	7	2	29	2	1	66	78
	1883	14	12	5	2	27	4	1	65	75
	1900								298	
Хабаровск	1872	-	4	1	-	10	1		16	16
	1879	5	1	2	-	16	-	-	24	25
	1883	9	16	3	-	18	6	2	54	70
	1903	16	219	4	-	71	20	10	340	
Владивосток	1872	4	4	-	-	5	1	-	14	14
	1878	8	50	4	1	25	18	1	107	121
	1882	15	131	5	4	46	9	4	214	275
	1888	21	118	27	4	25	42	3	240	305
	1900								747	

Благовещенск	1866	6	37	-	-	-	1	-	44	44
	1878	12	60	3		24	5	-	104	113
	1882	15	78	2	1	19	6	-	121	143
	1894								127	142

Таблица составлена на основании источников: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1434. Л. 90; Оп. 4. Д. 152. Л. 23-48; Д. 225. Л. 29-32, 37об.-42, 102об.-107, 128об.-151; Д. 727. Л. 7об.-58, 88об.-105; Ф. 28. Оп. 1. Д. 35. Л. 46-80; Д. 88. Л. 10-13, 21-21об.; Д. 133. Л. 2об.-3; Д. 188. Л. 8-40, Ф. 704. Оп. 3. Д. 784. Л. 12-25; Д. 888. Л. 6-30; Д. 898. Л. 8-33; Д. 925. Л. 4-34; Город Благовещенск и его торговля // Приамурские ведомости. 20 февр. 1984. №8. С. 13.

Примечания:*В графе «итого» приведены данные о численности только торговых заведений.** В графе «всего заведений» – сведения о численности всех заведений, учтенных проверкой, включая ремесленные мастерские и заведения сферы обслуживания.

Большинство торговых предприятий в городах составляли лавки (включая расположенные на базаре) и питейные заведения. Число лавок и питейных заведений росло быстрее, чем магазинов, ведь открытие и содержание их не требовало наличия крупных капиталов, а торговля спиртными напитками и съестными припасами позволяла получать наибольшую прибыль при наименьших затратах; купцы, осуществлявшие оптовую торговлю спиртными напитками часто отпускали розничным торговцам товар в кредит. Магазинов было мало, и принадлежали они, как правило, оптовым торговцам, владеющим также конторами, складами, судами для морских и речных перевозок. Лавки и магазины были небольшие (в первых торговал обычно сам хозяин или один приказчик, во вторых один-два, редко три приказчика). В среднем на одно заведение приходилось от 1,2-1,4 служащих, включая хозяина. Располагались они часто не в отдельных зданиях, а в жилых домах предпринимателей на первом этаже.

Только в 1890-е годы началось строительство больших торговых комплексов, вначале крупнейшими торговыми фирмами, такими как «Кунст и Альберс», «И.Я. Чуринов и К», «И. Лангелитъе» и др. В начале XX в. многие торговые здания были перестроены и расширены. Комплексы включали двух-трехэтажное каменное здание магазина, склады, холодильники, конторы, общежития, жилые дома для сотрудников и др. Сооружались они практически в каждом населенном пункте, где фирма имела отделения, но в сельской местности отличались меньшими размерами, а иногда располагались в арендованных помещениях. Соответственно увеличился и штат служащих, включавших теперь кроме многочисленных приказчиков и конторщиков, мальчиков, рабочих, руководителей высшего и среднего звена: доверенных, управляющих отделениями, заведующих отделами, бухгалтеров и т.п. Торговые комплексы оснащались новейшими техническими средствами: электрическим освещением, водопроводом, для обслуживания которых нанимали специалистов: механиков, электриков и пр.

По профилю торговые предприятия делились на магазины и лавки со смешанной торговлей, специализированные магазины, питейные заведения и лавки, где торговали съестными припасами (мясные, зеленые, хлебобулочные, мучные, молочные). Существенным дополнением к ассортименту некоторых магазинов и лавок служили спиртные напитки.

Большинство предприятий производили торговлю смешанными товарами (мануфактурные, бакалейные, галантерейные, москательные,

скобяные товары в одном заведении). Эту особенность дальневосточной торговли отметил П.Ф. Унтербергер: «Характер торговли более или менее у всех одинаковый. По малочисленности населения, о специализации торговли пока нет речи, а все магазины стараются иметь возможно полный, по их средствам, ассортимент товаров, имеющих сбыт в крае» [10, с. 126]. На начальном этапе освоения в условиях узкого потребительского рынка и отсутствия больших капиталов смешанная торговля позволяла застраховаться от разорения и получить наибольшую прибыль. В пользу этого предположения говорит и увлечение торговцев питейной торговлей, дающей наибольшую прибыль при наименьших затратах и обеспеченной постоянным спросом населения.

Специализированных магазинов было мало. В магазинах Кяхтинско-Амурского торгового товарищества, образованного сибирскими чаеоторговцами и занимавшегося ввозом через Николаевск и отправкой по Амуру в Забайкалье чая, в Благовещенске и Николаевске торговали китайскими товарами (чаем и шелком). В лавке купца Котельникова производился торг железными и чугунными изделиями. В каждом городе были лавки мясной, хлебной, молочной торговли. Специализация была характерна для предпринимателей, связанных с местными промышленным и сельскохозяйственным производством [9, с. 119].

Большие магазины располагались не равномерно по территории города, а на центральных улицах. В каждом городе выделялась главная торговая улица или район – во Владивостоке – Светланская улица и прилегавшие к ней кварталы в наиболее заселенной части города, в Николаевске – Первый и Второй проспекты, Амурская улица, Хабаровске – улица Муравьева-Амурского и Алексеевская, в Благовещенске – сначала Береговая и Большая улицы, к концу века – кроме последней, Набережная, Графская, Торговая площадь и улица. Здесь были расположены административные учреждения, дома и магазины влиятельных и богатых горожан. В конце XIX в. началась активная застройка центральных улиц каменными зданиями. На базарах же, окраинах городов, в слободках основным типом торгового заведения оставались лавки мелких предпринимателей (мещан, крестьян, поселенцев, отставных военных), крупные фирмы открывали здесь небольшие филиалы.

Исключительную роль в жизни города играли базары, именно здесь покупали товары большинство горожан. Санитарное состояние и внешний вид рынков были весьма непривлекательными. Торговые сооружения представляли собой неблагоустроенные деревянные навесы или сараи неопрятного вида. Фактически в каждом из дальневосточных городов небольшие базары располагались возле городских пристаней на берегу Амура в Хабаровске, Николаевске и Благовещенске, и на берегу залива Золотой Рог, а затем и Амурского – во Владивостоке. Кроме того, в каждом городе было еще несколько крупных базаров, располагавшихся на городских площадях. В 1870-1880-х годах во Владивостоке, например, был один базар, так называемый манзовский, а в начале XX в. – уже четыре: кроме указанного, Семеновский, Мальцевский и Суйфунский. В Благовещенске в начале в. также действовало несколько базаров – Гостинодворский, Амурский, Ремесленный и Вознесенский (РГИА ДВ, ф.755, оп.3, д.332, л.7, 34-38).

Базары в дальневосточных городах были местом скопления китайских торговцев. Д. И. Шрейдер, проживший три года в регионе, так охарактеризовал владивостокский базар: «На базаре... торговля ... находится почти исключительно в китайских руках. На небольшом пространстве расположены параллельными рядами микроскопические деревянные пассажи, разделенные деревянными же перегородками на еще более микроскопические квадратные помещения, в которых вы можете найти

все, начиная от кожи и мяса и до дешевых галантерейных вещей включительно. Ряды пассажей со стороны бухты замыкаются несколькими параллельными же рядами открытых лотков и ларей, где производится китайцами же исключительно зеленая, фруктовая и овощная торговля» [11, с. 22].

Торговля на протяжении рассматриваемого периода выступала основной сферой предпринимательской активности. Она позволяла получать более высокую прибыль в силу быстрой оборачиваемости капиталов и требовала сравнительно небольшой капитал для начала дела в отличие от промышленности, где для организации дела требовались значительные капиталовложения, которые не всегда окупались также быстро. Конечно, уже и на начальном этапе освоения интерес предпринимателей не ограничивался торговлей. Многие владели сопутствующими предприятиями – речными и морскими судами, мастерскими для их ремонта, вкладывали заработанные на торговле капиталы в золотодобычу, строительство и т.д.

Торговля была также и одной из основных сфер занятости городского населения. По данным переписи 1897 г., в ней было занято (без приказчиков и служащих): в Благовещенске – 1710 чел. (3661 с членами семей) (5,2 и 11,2% горожан), во Владивостоке – 1809 (6,3%) и 2230 (7,7%), в Хабаровске – 680 чел. (4,5%) и 1023 чел. (6,8%), в Николаевскена-Амуре – 174 (3%) и 358 (6,3%) [5, тетр.3, с.32-33; 6, тетр.3, с.149-173]. Эти данные можно считать минимальной величиной, отражающей только число лиц самостоятельно ведущих торговлю (от крупных оптовых до мелких разносных торговцев); с учетом торговых служащих, учтенных переписью в отдельной графе вместе с прислугой, в сфере торговли работало в два раза больше горожан.

Во второй половине XIX в. шел интенсивный процесс вовлечения всех слоев городского населения в торгово-промышленную деятельность. В дальневосточном регионе отсутствовали крупные купеческие капиталы, конкуренция на первых порах была не столь сильна, как в Европейской России и Сибири, еще существовали широкие возможности для первоначального накопления капитала [9, с. 79]. Положительную роль сыграли введенные «Правилами для поселения русских и иностранцев в Приморской и Амурской областях Восточной Сибири» свобода занятия торгово-промышленной деятельностью для всех сословий, освобождение от уплаты гильдейских пошлин купцов при записи в ту же гильдию, что на прежнем месте жительства, а также режим порто-франко, привлекавший в регион иностранных предпринимателей.

Данные о численности владельцев и приказчиков (табл. 3), составленные на основе журналов проверок торгово-промышленных заведений, не отражают полной численности горожан, занятых в сфере торговли, но в отличие от других источников позволяют рассмотреть состав торгующих.

Анализ этих данных позволяет выделить некоторые общие тенденции, а также особенности, характерные для каждого города. На протяжении рассматриваемого периода наблюдался постепенный рост численности владельцев и приказчиков во всех городах, за исключением Николаевска, который с середины 1870-х и до начала 1890-х годов переживал временный спад. Как среди владельцев, так и среди приказчиков были представители всех сословных групп. Для 1860-х – начала 1870-х гг. характерно более равномерное участие разных социальных слоев в торговле, сравнительно широко представлены среди владельцев крестьяне, поселенцы, военные. В конце 70 – начале 80-х гг. произошло выделение доминирующих групп. Ведущая роль в деловой жизни стала принадлежать купечеству, иностранным предпринимателям и мещан-

Таблица 3

Сословный состав торговцев
гг. Николаевска, Благовещенска, Владивостока и Хабаровска
во второй половине XIX в.

Город	Благовещенск				Николаевск-на-Амуре				Владивосток				Хабаровск											
	1866		1878		1882		1886		1872		1883		1872		1878		1879		1883					
Год	Вл.	Пр.	Вл.	Пр.	Вл.	Пр.	Вл.	Пр.	Вл.	Пр.	Вл.	Пр.	Вл.	Пр.	Вл.	Пр.	Вл.	Пр.	Вл.	Пр.				
Сословие	7	2	23	9	40	9	6	30	6	7	8	12	4	4	4	1	4	5	4	-	6	1	15	5
Купцы	4	4	40	27	46	25	4	6	11	25	8	14	14	-	4	14	1	7	-	9	5	10	10	10
Мещане	1		5	1	5	3	15	6	20	11	12	13	13	4	4	56	28	-	-	-	-	-	12	6
Иностр.	16	1	14	4	3	4	5	3	11	9	3	5	5	2	3	3	4	1	2	3	1	2	3	3
Крест. **	5	2			1	1	14	4	4	1	1	2	2	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	1
Поселенцы	8	2	4	7	4	4	13	3	9	6	1	12	12	2	2	-	1	4	2	2	3	2	2	10
Военные	2			5	2		5	7	6	3				-	-	-	-	2	-	1	1	2	1	-
Казачи				2	1	3	1	1	4	1	4	1	1	-	-	1	1	1	2	1	-	1	2	2
Чин., двор.														-	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-
Фин. урож.														-	-	2	2	-	-	-	-	-	-	-
Итого	43	11	86	55	102	50	87	36	72	64	37	51	12	8	71	60	11	14	13	16	39	37	37	37

Таблица составлена на основании источников: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 152. Л. 23-48; Д. 225. Л. 29-32, 37 об. -42, 102 об. -107, 128 об. -151; Д. 727. Л. 706. -58, 88 об. -105; Ф. 28. Оп. 1. Д. 35. Л. 46-80; Д. 88. Л. 10-13, 21-21 об. ; Д. 133. Л. 206. -3; Д. 188. Л. 8-40, Ф. 704. Оп. 3. Д. 784. Л. 12-25; Д. 888. Л. 6-30; Д. 898. Л. 8-33; Д. 925. Л. 4-34.

Примечание:

Вл. – владельцы, Пр. – приказчики.

* В данную графу включены также коллективные собственники: товарищества, торговые дома.

** В состав крестьян включены также «инородцы».

ству, но соотношение этих групп в рассматриваемых городах отличалось. Этот процесс отражает не столько увеличение их доли в составе горожан и соответственно в составе торгующих, сколько, видимо, в условиях усиления конкуренции сохранение позиций более сильных предпринимателей, а также переход отставных военных, крестьян, поселенцев, наживших на торговле определенный капитал, в мещанское и купеческое сословия.

Особенностью Благовещенска было довольно большое представительство крестьян в 1860-е гг., связанное с земледельческим характером колонизации и значительным присутствием в области старообрядцев, в частности молокан, ведущих торговлю сельскохозяйственными продуктами (Кувшиновы, Косицыны, Саяпины, Ланкины, Алексеевы, Исаевы и др.) (РГИА ДВ, ф.755, оп.2, д.429, л.31-33, 45-49, 56-57); [1, с. 25; 10, с. 70]. В 1870-80-е годы отчетливо прослеживается тенденция к увеличению доли купцов и мещан; это происходит как за счет приписки крестьян в мещане и купцы, так и постоянного притока представителей этих сословий извне. Ведущие позиции купечества здесь отчасти обусловлены близостью и более тесной связью Благовещенска с Забайкальем и Восточной Сибирью, откуда приезжали купцы, искавшие новые рынки сбыта товаров и приложения капиталов.

Николаевск отличался, наряду с сильным влиянием купцов, постепенно уступившим свои позиции иностранным торговцам (которые представлены в основном немцами (Ф.А. Людорф, Г.В. Дикман) и американцами (И.С. Эмери, Коэн, Ньюман, Г. Бродерсен)), широким участием в торговле жен военных (офицеров, нижних чинов) и поселенцев, владевших небольшими лавками, питейными заведениями, трактирами (это явление наблюдалось и в других городах, но в меньшей степени).

Во Владивостоке, напротив, удельный вес купцов или крестьян был меньше, а формирование торгово-промышленного населения на первых порах шло в большей степени за счет иностранцев (немцев, американцев (А.Г. Альберс, И. Лангелитье, Г. Фик, Ф. П. Кернер), и китайцев, которые численно преобладали), а также отчасти мещан (Б. Новак, И.П. Епов), отставных военных (К.А. Школьников), финляндских уроженцев (О.В. Линдгольм, А.К. Вальден).

В Хабаровке в первые годы существования поста торговлю вели купцы. Многие из них жили в посту, но приписаны были к гг. Софийску и Николаевску (А.Ф. Плюснин, М. Чардымов, И. Рафаилов, И.М. Протодьяконов и др.), также открывали филиалы благовещенские купцы (М. Мокеевский, И. Голдобин и др.). В начале 1880-х появились магазины и лавки иностранных предпринимателей, первоначально действовавших в Николаевске (Г.В. Дикман, И.С. Эмери), а также китайских торговцев.

Приказчиками служили представители всех групп населения, но чаще мещане, отставные нижние чины, жены военных, иностранцы (в городах с высоким удельным весом иностранных предпринимателей).

Складывание предпринимательского слоя в каждом городе шло за счет нескольких процессов. Во-первых, ряды предпринимателей постоянно пополнялись вновь прибывшими в регион представителями разных социальных слоев, с капиталами и без оных. С появлением крупных местных капиталов и усилением конкуренции нажить большой первоначальный капитал стало труднее, тем не менее, в условиях экономического подъема в регионе этот процесс продолжался. Во-вторых, состав торгующих в городах непрерывно изменялся за счет расширения дел одних, разорения или смены места жительства и сфер деятельности других предпринимателей.

Среди торговцев часто встречались лица, вышедшие из крестьян-

ского сословия, мещан, отставных военных, которые начали со службы приказчиками или владельцами небольших лавок, постепенно разбогатели и вложили капитал кроме торговли в золотодобычу, транспорт, промышленность, строительство и др. (К.А. Школьников, Я.Л. Семенов, В.Н. Тупышев, И.И. Галецкий, Ф. В. Ельцов, Ф. С. Коротаев и др.). Большинство представителей этих сословных групп (или их дети и наследники) в случае увеличения капитала переходили в купеческое сословие. Участие дворянства и чиновничества в сфере торговли не было широко распространено (Н.С. Баянкевич, О.И. Пиллер, Л. С. Вахович), они предпочитали действовать в морских промыслах, рыбопромышленности (Г. Кейзерлинг, И.Н. Галичанин), лесной или обрабатывающей промышленности (М.Н. Конде-Ренгартен, Н.С. Львов, Н.С. Веденский).

Большинство крупных дальневосточных предпринимателей, действовавших в торговле во второй половине XIX в., были купцами (состояли в купеческом сословии до прибытия в регион) и иностранными подданными. Основной приток купцов шел из Восточной Сибири (Забайкалья, Иркутской губернии), но были и приехавшие из Европейской России. Местное купечество состояло в основном из представителей первого и второго поколения купцов, его состав пополнялся за счет выходцев из крестьян, отставных военных. Начав свою торговую деятельность в одном из городов Приамурья – в Благовещенске (М.О. Мокеевский, И. Голдобин, И.Н. Очередин), в Николаевске (Х.П. Тетюков), в Софийске (И. Рафаилов, Дианов), в Хабаровске (А.Ф. и В.Ф. Плюснины), они постепенно открывали отделения в других населенных пунктах. К концу века купцы оптовые торговцы владели отделениями в нескольких городах региона, имея в каждом склады, магазины и лавки. Некоторые из них меняли место жительства неоднократно. Например, прожив какое-то время в Приамурье, переехали во Владивосток И.И. Галецкий, Я.Л. Семенов, В.В. Ланин, В.Н. Тупышев.

Иностранные предприниматели, многие из которых вели оптовую торговлю и занимались ввозом товаров из заграницы, не ограничивали свою активность одним городом. Начав торговлю в Николаевске в 1850-60-х годах, одни открыли торговые предприятия также в Хабаровске и Благовещенске (И.С. Эмери, Г.В. Дикман, Ф. А. Людорф), другие переехали во Владивосток (Д.К. де Фриз, Купер, Смит). В 1880-90-х гг. приток иностранцев в регион увеличился. Не все из них приезжали, обладая крупными капиталами, некоторые ехали в поисках работы и, только поработав приказчиками, доверенными, бухгалтерами, открывали собственное дело. П. Небель, работавший конторщиком в компании Дикмана в 1870-х годах, затем стал владельцем Торгового Дома, в начале XX в. имевшего отделения во всех городах юга Дальнего Востока. И. Лангелитъ, также служивший у Дикмана, затем переехал во Владивосток, где в 1875 г. открыл собственное дело (получив кредит у Дикмана). В начале XX в. Торговый Дом «Иоганн Лангелитъ» стал одним из крупнейших во Владивостоке. А.В. Даттан, приехав на службу бухгалтером в Торговый дом «Кунст и Альберс», стал его совладельцем.

Ведущие позиции в торговле принадлежали, бесспорно, купцам и иностранным предпринимателям. Об этом свидетельствуют как более высокие торговые обороты, так и большое число принадлежавших им заведений. Уделом мещан, крестьян, поселенцев и военных были небольшие торговые заведения и предприятия сферы обслуживания (трактиры, харчевни, булочные, кондитерские). Конторы же, склады, магазины принадлежали, как правило, купцам или иностранным предпринимателям (выбиравшим временные купеческие свидетельства), они часто владели несколькими торговыми заведениями. В 1866 г. в Благовещенске из 6 магазинов (табл. 2) – 5 принадлежали купцам, 1 иностранцу, в

Николаевске – из 11 – 3 купцам, 8 иностранцам, в 1872 г. в Николаевске из 20 магазинов – 15 иностранцам, 3 купцам, 2 почетным гражданам; в 1878 г. в Благовещенске – из 12 – 8 купцам, 1 – Кяхтинскому торгово-промышленному товариществу и 3 иностранцам, в Николаевске из 7 – 2 купцам и 5 иностранцам; во Владивостоке из 8 – 4 купцам и 4 иностранцам; в 1882 г. в Благовещенске – из 15 – 11 купцам, 1 товариществу, 3 иностранцам, в 1883 г. в Николаевске из 14 – 2 купцам, 11 иностранцам и 1 товариществу.

Таблица 4

Численность и удельный вес предприятий торговли, принадлежащих иностранцам, в дальневосточных городах

Годы	1866			1872			1878			1882		
	Число заведений			Число заведений			Число заведений			Число заведений		
Город	Всего	Ин	%	Всего	Ин	%	Всего	Ин	%	Всего	Ин	%
Ник.	100	25	25	94	35	37,2	66	20	30,3	65	21	32,3
Бл-к	44	1	2,3	-	-	-	104	8	7,7	121	8	6,6
Вл-к	-	-	-	14	4	28,6	107	83	77,6	240	168	70
Хаб-к	-	-	-	16	-	-	24	-	-	54	19	35,2

Таблица составлена на основании источников: РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 152. Л. 23-48; Д. 225. Л. 128об. -151; Д. 727. Л. 7об. -58; Ф. 704. Оп. 1. Д. 67. Л. 11-12; Оп. 3. Д. 784. Л. 12-25; Д. 888. Л. 6-30; Д. 925. Л. 4-34; Ф. 28. Оп. 1. Д. 126. Л. 12-13об.

Примечание: По Владивостоку приведены сведения на 1 января 1888 г., а не 1882 г.

Сокращения: Ник. – Никольск-Уссурийский; Бл-к – Благовещенск; Вл-к – Владивосток; Хаб-к – Хабаровск.

В городах Приморской области, особенно в портах, отчетливо прослеживается большее влияние иностранцев, особенно ярко выраженное во Владивостоке (табл.4), в то время как традиционно сильное купечество первоначально играло меньшую роль. Это связано с ведущей ролью иностранных предпринимателей во ввозе товаров морем из заграницы в условиях существования порто-франко, значительным иностранным присутствием в городах [7, с. 118-133].

Таким образом, в условиях малонаселенности региона и невысокого спроса, неразвитой инфраструктуры, трудности и дороговизны доставки товара развитие торговли во второй половине XIX в. подготовило условия для дальнейшего расширения торговой инфраструктуры городов, способствовало первоначальному накоплению капиталов, формированию слоя предпринимателей и т.п. В целом, данный период можно охарактеризовать как время становления торговли в дальневосточных городах: численность и состав торгующих были нестабильны, ряды предпринимателей, занятых торговлей, постоянно пополнялись новыми лицами, шел активный процесс накопления капиталов, расширения зон деловой активности одних предпринимателей и разорения других, не выдержавших конкуренции. Торговля являлась сферой деятельности различных социальных слоев городского населения. Крупные торговые предприятия с большими оборотами принадлежали купцам и иностранным предпринимателям (европейцам и американцам), а мещане, крестьяне,

поселенцы, отставные военные, китайские торговцы были владельцами мелких заведений. Представители последних групп, разбогачив, как правило, приписывались в купеческое сословие. Численность предприятий торговли во всех городах постоянно росла, но в большей степени это происходило за счет мелких заведений. Специализированная торговля еще фактически не выделилась, в большинстве магазинов и лавок за исключением специализирующихся на торговле спиртными напитками и съестными припасами продавались всевозможные товары (бакалейные, галантерейные, мануфактурные и др.). Число приказчиков и торговые обороты у большинства предпринимателей были сначала невелики, но постепенно выделились фирмы, ведущие крупную оптовую и розничную торговлю и имеющие отделения во всех городах региона.

Ситуация изменилась уже к концу XIX в. Число торговых заведений в городах в общей сложности достигло 1,5 тысяч. Центральные улицы городов начали застраиваться каменными двух и трехэтажными зданиями, первые этажи которых или здание целиком предназначались специально для магазинов. Крупные фирмы, имевшие отделения во всех городах и крупных селах и осуществлявшие оптовую универсальную торговлю, строили целые торговые комплексы, включавшие магазины, склады, холодильники, электростанции, конторы, общежития и квартиры для сотрудников, конюшни и т.п. Увеличились средние размеры торговых предприятий и численность сотрудников. Началось более четкое разделение на универсальные магазины, принадлежащие крупным торговым фирмам, обладавшим значительными капиталами для оптовых закупок крупных партий товаров, владеющие большими торговыми площадями, и продающие в своих отделениях все возможные виды товаров, и магазины, специализирующиеся на продаже одного вида товаров. Указанные процессы начали проявляться в 1890-е годы, но особенно интенсифицировались в начале XX в., эти особенности развития дальневосточной торговли на новом этапе влекут за собой необходимость ее отдельного рассмотрения

Литература

1. Балалаева Н.М. О переселении молокан в Амурскую область. С.25// Учен. зап. Хабаровского пед. ин-та. Т.16. Хабаровск, 1968. С.24-39.
2. Даттан А.В. Исторический очерк развития Приамурской торговли. М., 1897. 127 с.
3. Молчанова Е.Г. Добровольный флот и рыночная конъюнктура на российском Дальнем Востоке (80-е гг. XIX в.) // Российский флот на Тихом океане. Вып.3. Владивосток, 1996. С.36-39.
4. Обзор Приморской области за 1890 год. Владивосток, 1891. 31 с., прил.
5. Перепись населения Российской империи 1897 г. Амурская область. Т.72. Тетр.1. СПб., 1900. 46 с.; Тетр.2. СПб, 1905. 68 с.
6. Перепись населения Российской империи 1897 г. Приморская область. Т.76. Тетр.1. СПб., 1899. 50 с.; Тетр.3. СПб, 1904. 212 с.
7. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
8. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае, 1867-1869. Владивосток, 1949. 346 с.
9. Троицкая Н.А. Формирование и деятельность крупной буржуазии на

русском Дальнем Востоке (1861-1904 гг.): Дис. ... канд.ист.наук. Томск, 1989. 211 с.

10. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856-1898. Очерк. СПб., 1900. 324 с.

11. Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897. 468 с.

УДК 364.07

Лазарева С.И.

**Благотворительность в городах Дальнего Востока
как форма самоуправления
(конец XIX – начало XX вв.)**

**Charity in the cities of the Far East as a form of self-government
(end of XIX – beginning of XX century)**

Статья посвящена рассмотрению процесса развития благотворительности как направления деятельности органов городского самоуправления Дальнего Востока в дореволюционный период. Автор выявляет общественные условия становления благотворительности в регионе, дает характеристику ее правовым основам и организационным формам.

Ключевые слова: благотворительность, городское самоуправление, российский Дальний Восток, социальная помощь.

The article deals with the development charity as the direction of activity of the municipal government of the Far East in pre-revolutionary period. The author reveals the social conditions of the formation of philanthropy in the region, gives a description of its legal framework and organizational forms.

Key words: *charity, city government, the Russian Far East, the social assistance.*

Проблема становления благотворительности и городского общественного призрения на Дальнем Востоке России в отечественной исторической литературе является малоизученной. И это вполне объяснимо, так как практика и концепция благотворительности и общественного призрения стали обсуждаться в России лишь с конца XIX в., когда после великих реформ 1860 – 1870-х гг. населению были делегированы широкие полномочия в области местного самоуправления и наблюдались существенные изменения в общественном сознании.

Сложившаяся сегодня социально-экономическая ситуация в России, приведшая не только к обнищанию значительного числа населения, но и к ослаблению самого государства, обострила необходимость поиска путей выхода из социально-экономического кризиса, смягчения социальной напряженности различными негосударственными структурами, решающими задачу социальной помощи населению. Выход из кризиса видится учеными в разработке моделей благотворительности, соответствующих специфике и традициям российской культуры и истории. В связи с этим особо важное значение приобретает анализ накопленного в России опыта благотворительной деятельности. Его обобщение позволит не только разработать современную концепцию благотворительности, но и обогатить уже имеющиеся формы социальной помощи населению, а также избежать повторных ошибок в этой сфере.

Решение этой задачи предполагает, во-первых, раскрытие благотворительности как исторического процесса зарождения и развития всех ее форм, направлений и организационных структур, и, во-вторых, выявление особенностей ее функционирования в том или ином месте, а также анализ политико-экономических и социально-психологических механизмов социальной помощи нуждающимся.

В настоящее время назрела необходимость исследования данной проблемы на региональном уровне. На Дальнем Востоке, где всегда были суровые природно-климатические и социально-экономические условия, важную социальную роль выполняла благотворительность. Ее особенности и значимость были обусловлены рядом исторических причин: во-первых, удаленностью и оторванностью от центра Российской империи, от ее культурных традиций; во-вторых, многонациональностью и многоконфессиональностью региона, сформировавшимися с самого начала его освоения; в-третьих, отсутствием российского коренного населения с глубокими историческими традициями и связями. Знание тенденций и закономерностей развития благотворительности позволит решать социальные проблемы с учетом региональной специфики.

В большинстве современных работ, посвященных благотворительности, исследователи выделяют несколько периодов в развитии ее концепции в России: до середины XVI в. основным видом благотворительности являлось стихийное ее развитие. Она выступала как христианская ритуально-общинная практика. С середины XVI в. до 1862 г. – становление организованной благотворительной деятельности. Благотворительность развивается уже как часть системы государственного управления (создание богаделен, госпиталей, смирительных, прядильных, сиротских домов при Петре I, организация приказов общественного призрения, благотворительных обществ под контролем государства частыми лицами и др.).

С 1862 г. до начала XX в. – это период расцвета российской благотворительности. Благотворительность развивается как форма самоуправления.

Именно под влиянием реформ 60–70-х гг. XIX в., приведших к оживлению экономики, развитию предпринимательства, накоплению капиталов, ситуация стала меняться к лучшему, появилась материальная основа для активизации благотворительности.

Общее число лиц, воспользовавшихся благотворительностью в 1898 г. 7077129 человек, не считая 20392675 обращений за благотворительной помощью.

По количеству обращений на первом месте заведения лечебной помощи – 61,7%, на втором месте заведения для дешевого и бесплатного проживания – 13,6%. Высокий процент составляли ночлежные дома и приюты, а также заведения для бесплатного пропитания – 12,7% [2,

с. 18].

К числу факторов, способствовавших развитию филантропической деятельности, относилось и поощрительное законодательство. В 1862 г. был отменен прежний порядок открытия благотворительных обществ, требовавший императорского высочайшего соизволения. Теперь разрешение на их открытие давало МВД, что упрощало процедурные формальности [5, с. 5, 7]. Помимо этого, государство устанавливало налоговые льготы для предпринимателей-благотворителей. За благотворительные деяния могли быть сокращены налоги до 10%, а на региональном уровне иногда практиковалось освобождение наиболее активных филантропов от уплаты местных налогов. Начиная с 1890 года удельный вес пожертвований предпринимателей в общем объеме пожертвований доходит до 90%.

Важными факторами роста благотворительности на Дальнем Востоке стали: появление новых городов, рост населения, главным образом за счет пришлого элемента (переселенцы, ссыльные). Большую роль в ускорении темпов переселения в регион сыграли: земельная реформа П.А. Столыпина, государственные льготы солдатам, решившим остаться здесь после увольнения из армии, открытие регулярного морского парового рейса между Одессой и Владивостоком. Жизненный уровень и степень адаптации пришлого населения были очень низкими, а это, в свою очередь, вело к увеличению числа бедных и безработных жителей в городах.

Безработица, бедность, отсутствие жилья становились серьезной социальной проблемой. В условиях нарастающей социальной напряженности благотворительность стала одним из важных компонентов саморегуляции общественного организма.

Но если началом значительного роста благотворительных обществ в России в целом следует считать период с 1861 по 1899 г., когда было основано 95% всех благотворительных обществ и 82% благотворительных заведений, имевшихся к началу XX в., то на Дальнем Востоке такой период наступил через 15 лет – с 1876 по 1900 г. В эти годы созданы благотворительные общества: во Владивостоке – в 1876 г., в Благовещенске – 1886 г., Хабаровске – в 1890 г., Никольск-Уссурийске – в 1901 г. и т.д. В сеть складывающихся благотворительных организаций входили и Приамурское и Владивостокское общества народных чтений, Комитет благотворительного и попечительного общества об Ольгинском детском приюте трудолюбия во Владивостоке, Хабаровское церковно-приходское попечительство и др.

Все они имели универсальные характеристики, типичные для обществ европейской части России. Конечно, была и своя специфика.

В конце XIX в. общественная самодеятельность начинает быстро развиваться, и социальная помощь перестает быть делом немногих ведомств и учреждений, а становится общим делом. Центр тяжести перемещается с собственно государственных органов к органам местного самоуправления.

Во всех благотворительных мероприятиях Дальнего Востока большую роль играли городские самоуправления, которые организовывали и координировали работу по оказанию помощи, изыскивали финансовые средства. Благотворительность в своем развитии опиралась на такие юридические акты, как «Городовое положение 1870 года» и «Устав об общественном призрении» (1892 г.).

До 1917 г. на Дальнем Востоке не было земств, поэтому рассчитывать на благотворительность могли преимущественно горожане, нуждающиеся крестьяне получали помощь в исключительном случае.

И самая важная черта благотворительного движения этого перио-

да состояла в том, что если в Европейской России благотворительность была связана с элитными слоями общества, прежде всего с образованным дворянством и осуществлялась под покровительством царской власти, то на Дальнем Востоке она возникла и развивалась как результат инициативы и солидарности членов общества, формировавшегося в конце XIX – начале XX в. в дальневосточных городах, то есть именно в этот период был дан толчок проявлению общественной активности, а точнее тех ее кругов, которые имели возможность участвовать в благотворительной деятельности.

Общероссийские благотворительные учреждения в дальневосточном регионе были представлены слабо. В то же время существовали многочисленные организации, возникшие без влияния центра империи, деятельность которых была достаточно успешной. Благотворительные учреждения, действуя совместно с городскими властями, быстрее, чем в центральных регионах России, реагировали на растущие потребности населения. На общероссийском фоне Дальний Восток в деле создания временного жилья для нуждавшихся выглядел значительно лучше: в начале XX в. во всех дальневосточных городах открылись ночлежные дома.

Несмотря на то, что статистика благотворительности показывала возникновение в последней четверти XIX в. большого количества благотворительных общественных и частных заведений разного типа, возможности существующей системы социальной помощи покрывали общественные потребности лишь чуть более, чем на треть, и в дальнейшем несоответствие потребностей общества и возможностей существующей системы лишь возрастало. (Позднее это было отмечено комиссией К.К. Грота по выработке новых законоположений). К тому же благотворительные учреждения, существующие с конца XIX в., перестают отвечать потребностям новообразованного российского общества, в котором с начала XX в. происходят масштабные и необратимые изменения в экономической и социокультурной сферах – экономический подъем, ломка патриархальных структур, а следовательно, и изменения в социальной стратификации. Все эти процессы происходили не безболезненно, вызвали обострение социальных противоречий и проявление новых проблем, связанных с цикличностью капиталистического развития.

В документах того периода сообщалось, что «Одна из главных причин, препятствующих правильному развитию нашей благотворительности, заключается в отсутствии статистических данных о существующих благотворительных учреждениях; ни администрация, ни лица, посвящающие часть своей деятельности делу благотворительности, не знают вполне, сколько у нас в России и каких именно благотворительных учреждений, как они устроены, какие из них преследуют те или иные задачи, по каким отраслям благотворительных учреждений, и в каких их вовсе нет, где есть настоятельная нужда и в каких их вовсе нет, где есть настоятельная нужда и в каких именно формах благотворительности и т.д. Слышится только одно, что огромное количество просьб, ищущих благотворительности, не удовлетворяется, но отчего именно? Оттого ли, что действительно общественная благотворительность открывает слишком мало мест для призрения благотворительности или оттого, что слишком много является искателей ее помощи, нередко перебивающих места у лиц, действительно нуждающихся в призрении или, наконец, оттого, что есть такие нужды, для которых еще вовсе не существует организованной благотворительности» [2, с. 17].

В начале XX в. уже четко стали проявляться недостатки в постановке дела благотворительности и общественного призрения. Одни из них коренились в самой организации благотворительных учреждений,

другие зависели от многообразных внешних явлений. К первым относились разьединенность и непланомерность действий благотворительных органов, их слабая предприимчивость, отсутствие регистрации лиц, нуждающихся в той или иной форме помощи. Не было также полной осведомленности о размерах нужды и целесообразности использования тех иных способов для ее удовлетворения. Мало популяризировались также сведения о благотворительной деятельности учреждений, недостаточно оперативно публиковались отчетные данные о благотворительных делах. Вторая категория недостатков являлась результатом устарелости действовавших законоположений об общественном призрении, а также недостаточным разграничением государственных и общественных функций по оказанию социальной помощи нуждающимся.

В 1890-х на правительственном уровне была предпринята попытка выработки новых законоположений [6, с. 163-165]. К.К. Грот считал, что обеспечение лиц, «впавших в беспомощное состояние», должно быть одной из существенных обязанностей государства и изложил свои взгляды в записке, которую подал в конце 1891 года в Министерство Внутренних дел [6, с. 166], в результате чего была создана специальная Комиссия под председательством К.К. Грота для выработки законодательства в сфере социального призрения. Комиссия просуществовала до 1898 года и в итоге подготовила проект изменений и дополнений действующих законов об общественном призрении и благотворительности. И хотя этот проект не стал законом, с конца 1890-х годов Министерство внутренних дел в своих циркулярах стало учитывать данные, накопленные комиссией К.К. Грота, что также нашло свое отражение в законах Николая II.

14 июля 1908 года Министерство внутренних дел утвердило устав Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению. В уставе Всероссийского союза определялись следующие цели:

а) изучать как вообще вопросы общественного и частного призрения, так, в особенности, положение, нужды и наличные силы благотворительности в России;

б) распространять в русском обществе правильные взгляды на благотворительность и способы ее осуществления и вообще содействовать обмену между русскими деятелями по благотворительности сведений и взглядов;

в) объединить стремления к преобразованиям в области общественного и частного призрения, в видах правильной постановки благотворительности в России;

г) содействовать образованию на местах таких союзов и обществ, которые стремятся к объединению и упорядочению деятельности органов общественного и частного призрения;

д) предлагать для обсуждения на международных конгрессах вопросы общественного призрения, готовить для этих конгрессов доклады, рекомендовать конгрессам лиц для пополнения состава международных комитетов представителями русской благотворительности и

е) содействовать образованию благотворительных учреждений для непосредственного оказания помощи неимущим, если представить к тому возможность и средства» [4, с. 201-202].

С февраля 1912 года Союз начал издавать ежемесячный листок под названием «Общественная и частная благотворительность в России», который через год превратился в солидный журнал «Призрение и благотворительность в России». Его ценность состояла в том, что в нем можно было получить разъяснения по вопросам, вызывающим наибольшие затруднения в практике, и использовать чужой опыт, накопленный в различных сферах благотворительной деятельности.

В 1910 г. состоялся Учредительный съезд Всероссийского Союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению. Союз должен был взять на себя большую часть государственных функций по призрению россиян. В соответствии с рекомендациями съезда был подготовлен проект Правил о городских участковых попечительствах о бедных. В 1912 году «Устав об общественном призрении» был утвержден Николаем II и получил силу закона, его обсуждению был посвящен I съезд по общественному призрению, прошедший в мае 1914 года по инициативе Министерства внутренних дел.

В основу данного проекта была положена Эйберфельдская городская система открытого призрения населения, предусматривающая проведение превентивных мер и оказания социальной поддержки обездоленным людям. Основными функциями этого управления являлись: 1) изучение условий жизни бедных и причин бедности, принятия мер предупреждения и устранения ее; 2) составление смет и отчетов; 3) расходование средств по назначению; 4) подготовка необходимых припасов для призреваемых (вещи, продукты).

Эйберфельдская система была очень выгодной, поскольку сразу отсеивала людей, симулировавших бедность и, таким образом, адресная помощь доходила до истинно нуждающихся.

Попечительства о бедных (или Комиссии по призрению бедных) были открыты во Владивостоке в 1899 г. Более 100 чел. стали общественными деятелями участковых попечительств о бедных, которые оказывали помощь всем нуждающимся (единственным условием, при котором оказывалась помощь, было требование – проживать во Владивостоке не менее 2-х лет, т.е. принадлежать к категории постоянных жителей).

За время своей деятельности Владивостокское попечительство о бедных успело открыть в городе детский сад и приют для малолетних и подкидышей, два детских приюта, рабочий дом, два ночлежных дома.

Кроме того, по мере надобности в городе открывались убежища для беженцев, бесплатные столовые, инвалидные дома для военных, организовывались сборы денег и посылок для солдат русско-японской войны, устраивались общественные работы для тех, кто не мог ее найти. В каждом участковом попечительстве составлялся подробный список лиц, которым была оказана помощь, этот список ежемесячно передавался городской управе. Со списком могли ознакомиться «по уважительным причинам», с ведома участкового попечителя, члены попечительства и все частные благотворители. В городской управе на основании всех списков составлялся общий сводный материал, который рассылался во все городские попечительства, а также в другие благотворительные учреждения.

Таким образом, социальная помощь нуждающемуся населению, или «презрение бедных», была поставлена в городском самоуправлении во Владивостоке на достаточно продуманную организационную основу, с учетом реальных возможностей городской казны, а также и частной инициативы. И хотя эта помощь была явно недостаточна, тем не менее, она облегчила жизнь беднейшим слоям городского общества.

Следует признать, что участковые попечительства представляли собой модель «гибкой» благотворительности. С одной стороны, она была муниципальной, а не государственной, что позволяло быстро решать все вопросы, связанные с социальной помощью. С другой стороны, подавляющую часть расходов на бедных несли местные общины при небольшой помощи городских властей, и финансирование попечительств не ложилось тяжелым бременем на напряженный городской бюджет.

О целесообразности создания городских попечительств свидетельствует тот факт, что, по данным Всероссийского союза учреждений, обществ и деятелей по общественному и частному призрению, в 1910 г.

городские участковые попечительства о бедных имелись более чем в 30 городах [3, с. 641].

К сожалению, городские комиссии по призрению (или городские попечительства) действовали только во Владивостоке (были организованы в Никольске-Уссурийском), но их не было в Хабаровске, Николаевске-на-Амуре, Благовещенске и других городах Приамурского генерал-губернаторства. В этих городах городское управление уделяло определенное внимание решению вопросов, связанных с призрением, но проводимые меры не носили постоянного характера, скорее, были эпизодическими.

Таким образом, использование зарубежного опыта благотворительности в России, в том числе в дальневосточном регионе, явилось значительным шагом в упорядочении всей системы оказания помощи нуждающимся. В городах по Городовому Положению 1870 г. городским управлениям было вменено в обязанность заботиться о всех бедных. Но эти заботы при отсутствии единства и всякой системы ограничивались весьма узкой формой формального благотворения в виде устройства приютов и богаделен. И только с изданием «Примерных правил о городских попечительствах» складывается новая система помощи нуждающимся. Только благодаря определенному контролю за жизнью беднейших слоев населения со стороны специальных служб, предусмотренных новыми правилами, можно было достичь как адресности оказываемой помощи, так и проводить меры пресекающие появление у обнищавшего населения девиантного поведения.

Дальнейшему развитию и совершенствованию благотворительности помешала Первая мировая война. Несмотря на это к 1917 г. на Дальнем Востоке действовали 40 благотворительных организаций [1, с. 4-15].

Благотворительная система в России к 1917 году объединяла все виды помощи нуждающимся всех сословий и возрастов. Основным принципом распределения учреждений призрения был территориальный, в соответствии с количеством проживающих в данной местности. Правительству отводилась роль регулирования деятельности благотворительных учреждений путем законодательных и административных мер. Благотворительность к концу XIX века сложилась в общероссийскую систему солидных обществ, учреждений. В дореволюционной России, как и на Дальнем Востоке, формировались следующие типы благотворительной деятельности.

Во-первых, это частная благотворительность, которая могла быть, по меньшей мере, двух видов: подача милостыни непосредственно нуждающимся и перечисление личных средств на счет благотворительных организаций, профессиональное занятие деятельностью по призрению или иной благотворительной работой, создание частных общественных учреждений.

Во-вторых, это общественная благотворительность, которая заключалась в создании различных общественных благотворительных организаций, занимающихся определенным видом благотворительной деятельности, направленной на отдельные категории населения. Можно выделить два типа учреждений общественной благотворительности, связанных со статусом субъекта благотворительности: благотворительные общества, находящиеся под попечительством императорской фамилии и независимые благотворительные общества. Она более совершенна, но корениться в частной и из нее вырастает. Общественная благотворительность более формальна в своих действиях и влияет в основном на тело, а не на дух человека.

В-третьих, это государственная благотворительность, которая мо-

жет рассматриваться с современной точки зрения как система социальной защиты населения. Можно выделить так же два вида подобной благотворительности: финансирование из бюджета благотворительных учреждений и обществ, не находящихся в собственности государства, и создание собственной системы учреждений, имеющих целью социальную защиту населения.

Лишь к началу XX века были выработаны общие принципы благотворительности, на которых и основывается современная система социальной помощи в России:

- обязанность организации призрения для государственного и местного самоуправления;
- разделение призываемых по разряду;
- учет индивидуальных особенностей;
- приоритет трудовой помощи;
- учет местных условий.

Таким образом, благотворительная деятельность в этот период на Дальнем Востоке – это проявление социальных инициатив различных социальных слоев, групп населения, отдельных граждан. Это – ответ на реальность социально-экономической ситуации в стране, состояние системы социальной защиты населения и ее проблемы, стремление оказывать помощь людям, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Литература

1. Белоусов А.А. На алтарь отечества: Из истории меценатства и благотворительности в России. Владивосток, 1999. 208 с.
2. Благотворители и меценаты прошлого и настоящего. Словарь-справочник от А до Я. М.: «Дело и сервис», 2003. 254 с.
3. Гогель С.К. Задачи земских и городских деятелей по общественному призрению // Земское дело. СПб., 1914.
4. Милосердие и благотворительность в российской провинции. Вып. 2: пленарные доклады и материалы Круглого стола Всероссийской конференции, 22-23 марта 2002 г. Екатеринбург, 2002.
5. Сборник сведений по благотворительности в России. СПб., 1899. 482 с.
6. Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века М.: Наука, 2005. 403 с.

УДК 331.108(.4/9.571.61/64)

Кошечкина О.Н., Романова О.Б.

Проблемы формирования общекультурных компетенций при обучении в вузе (на материалах Приморского края)

Problems of general cultural competency in teaching in high school
(on materials of Primorsky Krai)

Данная статья посвящена анализу проблем, связанных с реализацией компетентностного подхода при изучении дисциплин базовой части цикла «Гуманитарный, социальный и экономический цикл» основных образовательных программ бакалавриата. В статье представлены результаты конкретного социологического исследования, которое позволило выявить основные проблемы, связанные с формированием общекультурных компетенций, сформированных при изучении социологии, как типичной дисциплины гуманитарного, социального и экономического цикла.

Ключевые слова: *Реформа российской системы образования; компетентностный подход; общекультурные компетенции; общие общекультурные компетенции, социальные общекультурные компетенции; профессиональные общекультурные компетенции*

This article is devoted to the analysis of the problems related to realization of the method of competence during the studying of the basic part of cycle "Humanities, social and economic cycle" main educational attainment. In the article you can find results of the sociological research making it possible to detect cardinal problems of forming of general cultural competence, which are formed during studying sociology as standard subject of humanities, social and economic cycle.

Key words: *Reform of Russian's educational system; method of competence; total general cultural competence; social general cultural competence; professional general cultural competence*

Российская система образования реформируется уже более полутора десятков лет. Но пока нет общего мнения о том, каким должно быть содержание инноваций внедряемых ныне в соответствии с требованиями Болонской декларации.

В соответствии с требованиями Болонской декларации, в настоящее время в Российской Федерации в действие вводятся государственные образовательные стандарты третьего поколения. Одна из инноваций нового государственного стандарта – формирование в процессе обучения в вузе компетенций общекультурных и профессиональных, взамен уже ставших привычными «знаний, умений и навыков».

В Российском образовании наблюдается глубоко укоренившаяся в сознании и практике педагогов и студентов приверженность к

субъектно-объектной парадигме обучения. Цель обучения в рамках субъектно-объектной парадигмы обучения: передавать обучаемому студенту как объекту обучения профессиональные знания и навыки. Важнейшими характеристиками субъектно-объектной модели образования являются [5, 17]: 1) поточно-групповая организация учебного процесса; 2) громоздкость государственных образовательных стандартов; 3) ограничения инициативы преподавателей; 4) сложность в обеспечении индивидуализации студентов; 5) низкий уровень вариативности методов и форм обучения; 6) преобладание авторитарных подходов к обучению. Основной проблемой реализации субъектно-объектной образовательной парадигмы является формирование ситуативного учебного интереса к изучаемым дисциплинам и как результат функциональная неграмотность в сфере профессиональных и социальных отношений.

Присоединение России к Болонскому соглашению предполагает переход к субъектно-субъектной учебной парадигме, когда студент является полноправным участником учебного процесса [15]. Цель учебной деятельности в рамках субъектно-субъектной парадигмы образования: формирование социальных компетенций (т.е. совокупности интеллектуальных, личностных, поведенческих качеств, знаний, умений, которые позволяют выпускнику адекватно действовать на их основе в любых ситуациях, возникающих в сфере социальной, и/или научной, и/или профессиональной деятельности). Основными характеристиками субъектно-субъектной модели образования являются: 1) автономия университетов; 2) инициатива преподавателей; 3) индивидуализация учебной деятельности студентов; 4) академическая мобильность студентов; 5) вариативность методов и форм обучения.

Очевидно, что одна из инноваций, внедряемых ныне повсеместно в отечественных вузах – применение компетентностного подхода в процессе подготовки будущего профессионала в вузе. С какими же проблемами могут столкнуться участники образовательного процесса при реализации компетентностного подхода в процессе изучения дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла?

Для ответа на данный вопрос, прежде всего, необходимо определить, какие компетенции необходимо формировать у студентов в процессе изучения дисциплин цикла «Гуманитарный, социальный и экономический цикл» основных образовательных программ бакалавриата.

Вопрос о том, каковы содержательные характеристики компетентностной модели образования, все еще остается открытым. На основе анализа публикаций, посвященных проблемам вступления России в Болонский процесс, можно выделить три основных подхода к определению компетентностной модели выпускника вуза [1-6, 8, 13, 15, 17-19]: европейский, нормативный и альтернативный.

В рамках европейского подхода при описании модели выпускника используют понятия «достижения в обучении» и «компетенции». Достижения в обучении – это то, что студент (как субъект учебной деятельности) должен узнать, понять и стать способным продемонстрировать после окончания обучения [18, 19]. Компетенции – динамическая комбинация знаний, понимания, навыков и способностей [18, 19].

В рамках европейского подхода к достижениям в обучении и компетенциям, формируемым в процессе осуществления учебной деятельности, относят: 1) инструментальные (когнитивные способности, методологические способности, технологические способности и лингвистические способности); 2) межличностные способности (индивидуальные способности как социальные навыки (социальные интеракции и кооперация)); 3) системные (способности и навыки, относящиеся к целым системам (комбинирование понимания, восприятия и знания, приоритет в при-

обретении требуемых инструментальных и межличностных компетенций)).

Нормативный подход определяет компетенции как способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области [7, 9]. Так, в процессе учебной деятельности у студента должны быть сформированы следующие компетенции: 1) – общекультурные (универсальные); 2) профессиональные (а) социально-технологические, (б) исследовательские, (в) организационно-управленческие, (г) социально-проектные).

В рамках альтернативного подхода, предлагается выделять следующие компетенции, формируемые в процессе учебной деятельности [13]: 1) профессиональные компетенции (когнитивные (понимание происходящего), социоинженерные, просветительские); 2) общие компетенции (умение быстро перенастроиться на новые программы, владеть базовыми умениями, общим уровнем культуры); 3) социальные компетенции (знание иностранного языка, способность к проектированию, планированию, исследовательские навыки, способность применять знания на практике, генерировать идеи, теоретическая и социальная толерантность, готовность к эмпатийному восприятию и т.д.).

Для всех рассмотренных выше компетентностных моделей образования сходным является то, что целью изучения каждой учебной дисциплины, предусмотренной государственным стандартом, является формирование компетенций посредством учебной деятельности [2, 7, 9].

Для выявления основных проблем, связанных с осуществлением компетентностного подхода при изучении дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла нами было осуществлено эмпирическое исследование.

В качестве типичной дисциплины базовой части цикла «Гуманитарный, социальный и экономический цикл» основных образовательных программ бакалавриата была выбрана дисциплина «Социология».

В качестве основной цели эмпирического исследования было обозначено следующее: выявить степень соответствия общекультурных компетенций сформированных при изучении социологии как типичной дисциплины гуманитарного, социального и экономического цикла, тем общекультурным компетенциям, которые, согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения призваны формировать дисциплины гуманитарного, социального и экономического цикла.

В качестве объекта эмпирического исследования были определены студенты высших учебных заведений, изучающие социологию как дисциплину цикла гуманитарных, социальных и экономических наук.

В качестве предмета эмпирического исследования нами были обозначены общекультурные компетенции, формируемые при изучении социологии.

Теоретическую основу данного исследования составили работы М.В. Артамонова, В.В. Гаврилук, С.И. Григорьева, Г.А. Ивахненко, М.В. Ларионовой, Н.П. Нарбут, Г.И. Осадчей и др. [1-6, 8, 13, 15, 17-19].

В качестве нормативных основ исследования были использованы: решение коллегии Минобрнауки России по вопросу «О разработке нового поколения государственных образовательных стандартов и поэтапном переходе на уровневое высшее профессиональное образование с учетом требований рынка труда и международных тенденций развития высшего образования» [9]; макет федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования [7], федеральные государственные образовательные стандарты высшего

профессионального образования по направлениям подготовки экология, менеджмент и международные отношения [10-12]; учебная программа курса социология [16].

Эмпирическое исследование было проведено в ноябре-декабре 2009 г. на базе Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Генеральная совокупность включает в свой состав студентов, изучающих социологию как дисциплину гуманитарного, социального и экономического цикла, предусмотренную федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования. По своему типу данная совокупность является бесконечной, т.е. ее объем по сравнению с объемом репрезентативной случайной выборки несоизмеримо велик.

Выборочная совокупность, сформированная в рамках данного эмпирического исследования, представляет собой целевую выборку, сформированную методом отбора критических случаев (т.е. случаев критически важных для понимания происходящего). В состав выборки вошли 27 студентов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, изучавших на тот момент социологию и успешно прошедших тестовый отборочный I тур межвузовской студенческой олимпиады по дисциплине «Социология». При составлении выборки мы руководствовались принципом: «Если студенты, успешно прошедшие первый отборочный тур не сформировали при изучении социологии общекультурные компетенции, которые, согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения призвана формировать социология как дисциплины гуманитарного, социального и экономического цикла, то все остальные студенты тем более не имели возможности сформировать необходимые общекультурные компетенции». Межвузовская студенческая олимпиада по дисциплине «Социология» была проведена на базе Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в соответствии с приказом ректора ВГУЭС от 26 ноября 2009 г. на базе Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. В I туре олимпиады приняли участие 212 студентов (в том числе 189 студентов Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 8 студентов Дальневосточного государственного университета им. В.В. Куйбышева (г. Владивосток) и 14 студентов Морского государственного университета им. Г.И. Невельского (г. Владивосток)).

В качестве метода сбора первичной социологической информации был выбран метод анализа документов. Основой исследования послужили целевые личные документы, а именно: эссе студентов на тему: «Роль и место социологического знания в моей социальной и профессиональной деятельности (будущей профессиональной деятельности)». Эссе в рамках конкурсного задания сочиняли студенты, приглашенные к участию во II туре межвузовской студенческой олимпиады по дисциплине «Социология» (т.е. прошедшие I тур олимпиады).

В процессе обработки данных был осуществлен ремонт выборки, в результате которого количество эссе, формирующих основу исследования, было уменьшено с 27 до 24 работ. Причиной уменьшения выборочной совокупности послужили следующие причины: а) отсутствие согласованности отдельных частей предложений (был попросту непонятен смысл высказываний студента) и отсутствие логики изложения в одной работе; б) плагиат (два студента представили одинаковые эссе, как оказалось, добытые в ресурсах сети Интернет). Таким образом, в исследовании приняли участие студенты следующих специальностей: экология (2 чел.), управление персоналом (2 чел.), коммерческая деятельность (2

чел.), менеджмент (3 чел.), экономика управления (4 чел.), государственное и муниципальное управление (5 чел.), международные отношения (6 чел.).

В качестве основного метода анализа данных был использован метод контент-анализа, позволивший выявить наличие у студентов общекультурных компетенций, которые, согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения призвана формировать социология как дисциплина гуманитарного, социального и экономического цикла.

Согласно требованиям федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения и в соответствии с содержанием учебной программы курса «Социология», были определены следующие цели и задачи курса [7, 9-12, 16].

Целью курса социологии является [16]: а) дать студентам глубокие знания теоретических основ и закономерностей функционирования социологической науки, выделяя ее специфику, раскрывая принципы соотношения методологии и методов социологического познания; б) помочь овладеть этими знаниями во всем многообразии научных социологических направлений, школ и концепций, в том числе и русской социологической школы; в) способствовать подготовке широко образованных, творческих и критически мыслящих специалистов, способных к анализу и прогнозированию сложных социальных проблем и овладению методикой проведения социологических исследований.

На рисунке 1 схематично представлена структура и цель социологии как учебной дисциплины, разработанная нами в соответствии с требованиями, представленными в макете федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования, федеральных государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования по направлениям подготовки: экология, менеджмент и международные отношения; и по учебной программе курса социологии [7, 9-12, 16].

Общие задачи курса социологии предполагают изучение [16, С.4]: а) основных этапов становления социологии как области научного знания и основных теоретико-методологических подходов к изучению общества; б) социального взаимодействия и социального контроля, а также массового сознания; в) общества и его структуры и базовых социальных институтов; г) мировой системы и процессов глобализации; д) социальных групп, общностей и особенностей их функционирования; е) особенностей осуществления стратификационных процессов; ж) специфики социальных изменений и роли культуры в указанном процессе; з) личности, ее места и роли в обществе.

Примеры конкретных задач (соответствующих первым трем темам) социологии как учебной дисциплины представлены на рисунке 2.

Результатом выполнения задач социологии как учебной дисциплины должно быть формирование у студента следующих качеств:

1) наличие обобщенного учебно-познавательного интереса (познавательные интересы студента не зависят от внешних требований, выходят за рамки изучаемого материала, студент ориентирован на общие способы решения системы задач);

2) способность к самостоятельной постановке новых учебных целей (студент в состоянии самостоятельно сформулировать новые познавательные цели без какой-либо стимуляции извне, познавательные цели выходят за пределы требований программы);

3) способность к обобщению учебных действий (студент опирается на принципы построения способов действия и решает новую задачу «

Рисунок 1

Структура и цель социологии как учебной дисциплины

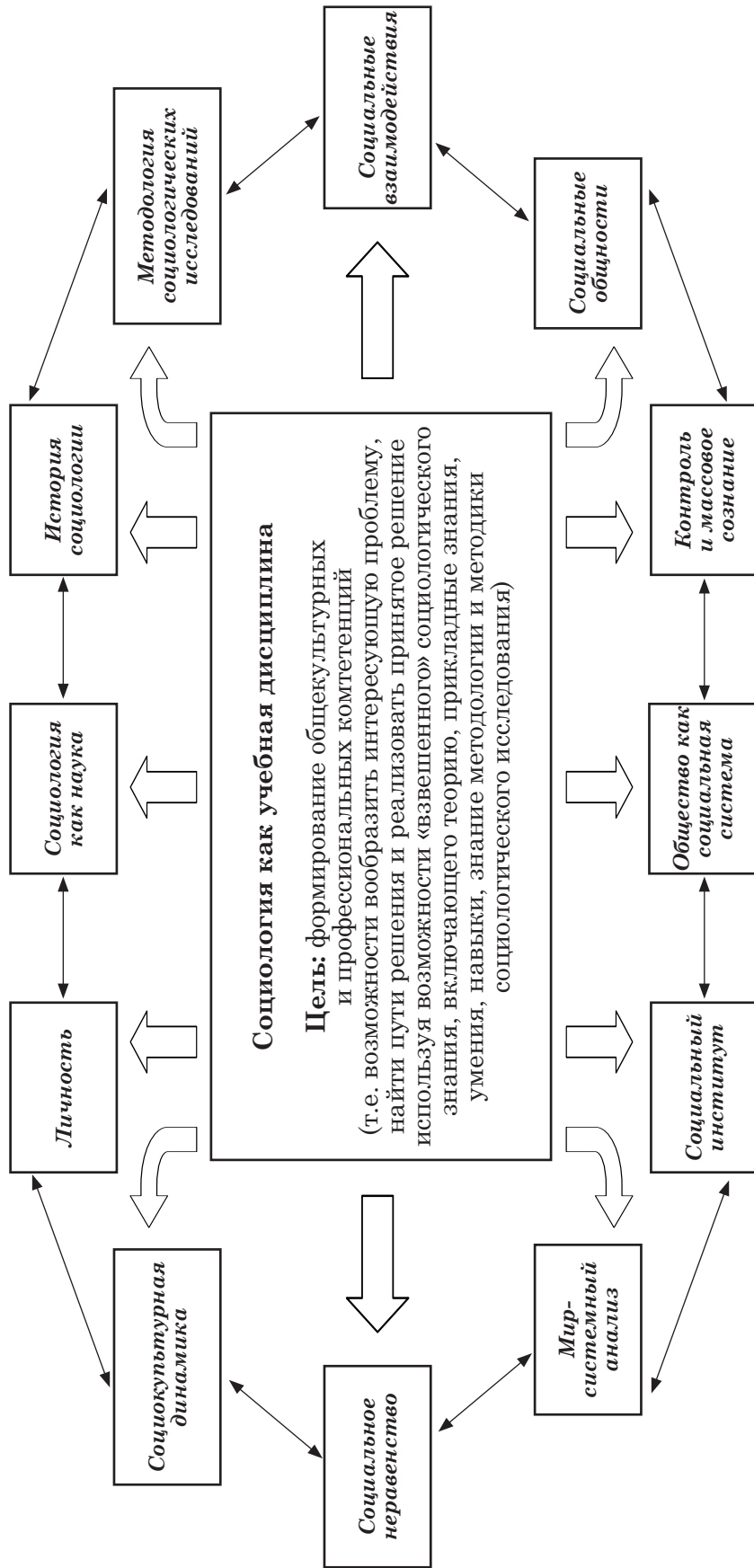
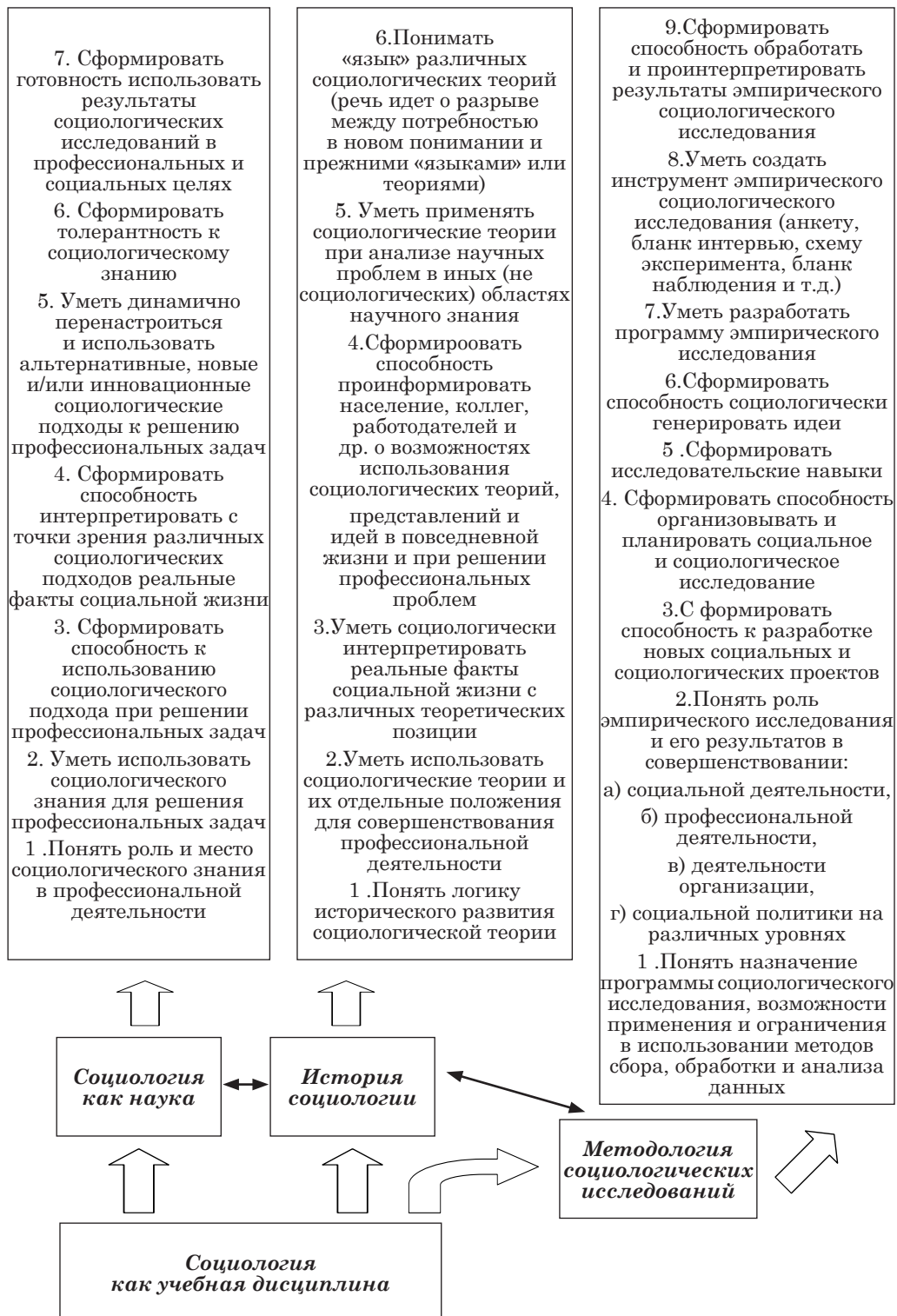

Рисунок 1

Примеры задач (соответствующих первым трем темам) социологии как учебной дисциплины

хода», выводя новый способ из этого принципа);

4) способность применять актуальный рефлексивный контроль (решая новую задачу, студент самостоятельно обнаруживает ошибки, выраженные несоответствием типовой схемы и новых условий задачи. Студент в состоянии внести коррективы в схему, решая задачу самостоятельно);

5) способность к актуально-адекватной прогностической оценке действий (приступая к решению новой задачи, может самостоятельно оценить свои возможности в ее решении, учитывая возможное изменение известных ему способов действия).

В результате изучения курса социологии студенты должны сформировать следующие общекультурные компетенции [16, с. 5]:

1) иметь представление о возможностях применения социологических подходов и методов исследования к анализу проблем профессиональной сферы;

2) иметь высокую мотивацию и интерес к изучению социологических аспектов профессиональной деятельности;

3) сформировать побудительные мотивы к углубленному изучению социологических аспектов профессиональной деятельности;

4) иметь интеллектуально-познавательную потребность в изучении социологии;

5) сформировать собственный взгляд на роль и место социологического знания и возможности его применения в сфере профессиональной деятельности;

6) уметь использовать факты, полученные в ходе социологического исследования для принятия решения в сфере профессиональной деятельности;

7) избавиться от различного рода социальных предубеждений (таких как «все/всем известно» или наоборот – «ничего не известно» и т.п.);

8) научиться грамотно и четко выражать свою мысль при изложении социологических фактов, описании социологических явлений, процессов;

9) освоить научный стиль изложения результатов социологического исследования, осуществленного в сфере профессиональной деятельности.

Нам, ссылаясь на работы Г.И.Осадчей, представилось возможным разграничить в структуре общекультурных компетенций следующие группы компетенций [13]: а) общие общекультурные – умение быстро перенастроиться на новые программы, владеть базовыми умениями, общим уровнем культуры, б) социальные общекультурные – знание иностранного языка, способность к проектированию, планированию, исследовательские навыки, способность применять знания на практике, генерировать идеи, теоретическая и социальная толерантность, готовность к эмпатийному восприятию и т.д., в) профессиональные общекультурные – когнитивные (понимание происходящего), социоинженерные, просветительские.

От курса социологии мы ожидаем формирования у студентов следующих общих общекультурных компетенций: а) толерантность к социологическому знанию; б) способность к адаптации в изменяющихся социокультурных условиях.

К социальным общекультурным компетенциям мы отнесли: а) понимание места и роли социологического знания в социальной деятельности; б) понимание «языка» различных социологических теорий и способность интерпретировать с их позиций реальные факты социальной жизни; в) способность доходчиво проинформировать любого человека (группу или общность) о содержании социальной проблемы, путях ее

решения и возможностях реализации решения на основе социологического знания; г) способность решать социальные проблемы с использованием социологических подходов, теорий и их отдельных положений (в том числе с использованием альтернативных, новых и инновационных теорий); д) наличие навыков организации и проведения социологических исследований в социальной сфере; е) готовность использовать результаты социологических исследований в социальных целях.

К профессиональным общекультурным компетенциям были отнесены: а) понимание места и роли социологического знания в профессиональной деятельности; б) понимание «языка» различных социологических теорий и способность интерпретировать с их позиций реальные факты, связанные с осуществлением профессиональной деятельности; в) способность доходчиво проинформировать коллег и работодателей о содержании социальной проблемы, путях ее решения и возможностях реализации решения на основе социологического знания; г) способность решать профессиональные проблемы с использованием социологических подходов, теорий и их отдельных положений (в том числе, с использованием альтернативных, новых и инновационных); д) наличие навыков организации и проведения социологических исследований в профессиональной сфере; е) готовность использовать результаты социологических исследований в профессиональных целях.

В результате осуществленного исследования были получены следующие результаты:

Общие общекультурные компетенции у студентов, принявших участие в исследовании, сформированы на удовлетворительном уровне.

Подавляющее большинство студентов (23 чел. из 24 чел.) продемонстрировали высокий уровень толерантности к социологическому знанию и социологии как учебной дисциплине и области научного знания. Так, например, студенты отмечали, что «...мы вовлечены в социальные отношения и социологические знания нам необходимы...», «...социологические знания востребованы в профессиональной деятельности каждого человека...», «...социология позволяет каждому разобраться во всевозможных проблемах...», «...социология мне жизненно необходима. Она необходима всем т.к. она дает четкое представление об обществе и всех происходящих в нем процессах...», «...специалист может достичь успеха в профессиональной деятельности только обладая базовыми социологическими знаниями...». Необходимо отметить, что один участник исследования высказался крайне отрицательно в адрес социологии как дисциплины гуманитарного, социального и экономического цикла. Он отмечал, что «...социологические знания мне не пригодятся и успешно забудутся в ближайшее время, особенно знания об истории социологии... Мне не нужно изучать социологию, т.к. о социологических знаниях мне расскажет телевидение...».

Лишь четверть опрошенных (6 чел.) свидетельствуют о вкладе социологии в формирование такой компетенции как способность к адаптации в изменяющихся социокультурных условиях. Так, студенты отмечали, что «...социология позволяет осуществить анализ изменяющихся социальных условий, что является условием выживания и дальнейшего развития индивида, социальных групп и общества в целом...», «...социология позволяет противодействовать изменяющимся условиям, противодействовать профессиональной депривации...», «...социология позволяет научиться управлять человеческими ресурсами в различных условиях, в том числе и в условиях кризиса, когда необходимо уметь быстро менять стратегии и модели поведения...», «...социология позволяет учесть ошибки прошлого и успешно адаптироваться к условиям настоящего и избежать повторения ошибок в будущем...», «...социология помогает в

изменяющихся условиях ориентироваться в общественной жизни, объективно оценивать происходящее, выявлять конфликтные и потенциально конфликтные ситуации и находить пути решения...», «...социология помогает критически мыслить, сформировать широкий взгляд на социальные процессы в которые мы включены и успешно приспособливаться к изменяющимся условиям...», «... социологические знания необходимы каждому человеку, который хочет развиваться, быть в центре событий и не стоять на месте...».

Социальные общекультурные компетенции у студентов, принявших участие в исследовании, сформированы на крайне неудовлетворительном уровне.

Понимание места и роли социологического знания в социальной деятельности выказали чуть более половины участников исследования (15 чел.). Так, студенты отмечали что «...социологическое знание позволяет мне более эффективно выстроить межличностное взаимодействие ... сформировать широкий кругозор, иметь собственное мнение...», «для меня полезным знанием оказалось знание о реакциях людей на ситуативные условия, о поведении людей в толпе, о возможностях управления людьми... социология помогает создать комфортную среду обитания для человека...», «...социологическое знание облегчает жизнь и ориентацию человека в обществе...», «...социологическое знание может помочь любому человеку в решении его бытовых проблем и принятии жизненно важных решений...», «...социология позволяет подготовить нас к любой деятельности осуществляемой в социальной сфере...», «...социология позволяет более отчетливо видеть и объяснять те социальные силы, которые влияют на нашу жизнь... Социология позволяет под новым углом зрения увидеть знакомые всем обыденные отношения между людьми и их объединениями...», «...социология помогает конструктивно решать социальные проблемы...». Один студент, принявший участие в исследовании, отмечает, что социология не занимает какого-либо важного места в жизни общества и не играет какой-либо значимой роли, так он пишет: «...граждане в России еще не доросли до такого уровня, чтобы с умом применять социологические знания, не доросли до этого даже члены правительства РФ...».

Готовность использовать результаты социологических исследований в социальных целях выказала треть студентов (8 чел.). Так, они отмечали в своих работах, что: «...данные социологических исследований мне необходимы для того, чтобы победить в выборах на должность главы администрации моего района в 2014 г...», «...необходимо использовать результаты социологических исследований в обыденной жизни для решения жизненных проблем...», «... при принятии жизненно важных решений необходимо опираться на социологический материал...», «...результаты социологических исследований позволяют более успешно планировать свои действия в социальной сфере...», «...социология помогает проанализировать факты и жизненные ситуации и принять правильное решение...».

Лишь один студент отметил наличие таких компетенций как: «Способность решать социальные проблемы с использованием социологических подходов, теорий и их отдельных положений(в том числе с использованием альтернативных, новых и инновационных теорий)» и «Наличие навыков организации и проведения социологических исследований в социальной сфере»:«...летом текущего года хочу принять участие в выборах в депутаты районного совета депутатов. Мне нужно собрать примерно 300 голосов. Поэтому я уже готовлюсь провести опрос среди жителей этого округа, чтобы знать, какие они имеют проблемы, чтобы выстроить свою избирательную программу...», «... когда я возглав-

лял молодежное движение я устраивал опросы с целью сбора информации о необходимости молодежного движения (проводил анкетирование и разговаривал с жителями своего поселка)». Стоит также отметить, что, по словам студента, он сформировал указанные компетенции задолго до изучения социологии как учебной дисциплины.

Ни один студент, принявший участие в исследовании, не указал на наличие таких компетенций, как: «Понимание «языка» различных социологических теорий и способность интерпретировать с их позиций реальные факты социальной жизни» и «Способность доходчиво проинформировать человека (группу или общество) о содержании социальной проблемы, путях ее решения и возможностях реализации решения на основе социологического знания».

Чуть лучше обстоит дело с формированием профессиональных общекультурных компетенций у студентов, принявших участие в исследовании, но и эти компетенции сформированы на крайне неудовлетворительном уровне.

Так, например, большинство студентов, принявших участие в исследовании (20 чел.), отметили высокое значение социологического знания в профессиональной деятельности. Роль и место социологического знания в профессиональной деятельности студенты оценивали следующим образом: «...в профессиональной сфере мне придется неоднократно прибегать к социологическим знаниям... мне необходимо уметь осуществлять конкретные исследования и использовать полученные данные для решения профессиональных проблем...», «...социометрические процедуры позволят мне наладить благоприятный социально-психологический климат в коллективе...», «...мне, как будущему специалисту, необходимы социологические знания... мне важно знать закономерности определяющие выбор поведенческих моделей индивидом или группой...», «...социология позволяет формировать качества, необходимые для осуществления профессиональной деятельности...», «... моя сфера профессиональной деятельности немыслима без использования социологических знаний...», «...специалист должен хорошо владеть методологическим аппаратом социологии...», «...социологическая информация помогает профессионалу принять грамотное и взвешенное решение...», «...социологические знания позволяют более грамотно использовать трудовые ресурсы...», «... игнорирование социологических знаний в профессиональной деятельности может привести к негативным последствиям...», «...социология изучает поведение человека в различных экономических системах и благодаря данной функции, роль и место социологического знания очень велико в моей профессиональной деятельности...», «...социология необходима в моей профессиональной деятельности прежде всего для составления прогнозов развития социального объекта...», «...социология позволяет моделировать социальные процессы и решать профессиональные проблемы... Без осознания социальных проблем, я не смогу решать даже малейшую часть возникающих профессиональных проблем...». Необходимо отметить, что один студент дал негативную характеристику роли и месту социологического знания в профессиональной деятельности: «...в профессиональной деятельности необходимо руководствоваться практическими знаниями, опытом и удачей, а не социологическими знаниями... работодателя нужны не умные работники, а опытные...».

Значительная часть студентов (16 чел.) указали на наличие такой компетенции как «Готовность использовать результаты социологических исследований в профессиональных целях»: «...в профессиональной деятельности мне придется неоднократно прибегать к социологическим знаниям... Результаты социологических исследований позволят мне,

как госслужащему, боле грамотно выстроить свою работу...», «...зная интересы местного населения, мы можем развивать наиболее перспективные области производства или услуг или, по мере необходимости, продвигать товар и воздействовать на разные группы потребителей...», «...мне в профессиональной деятельности необходима будут социологическая информация для выработки вариантов управленческого решения... управления и осуществления контроля над социальной ситуацией...», «...я должен уметь предсказывать социальные процессы и на их основе принимать обоснованные высокопрофессиональные решения...», «результаты социологических исследований необходимо применять с целью оптимизации существования человека, общества и окружающей среды, а также для выявления закономерностей характеризующих взаимоотношения между человеком, обществом и биосферой... Результаты социологических исследований позволят мне более успешно планировать свои действия в профессиональной сфере...», «...я смогу использовать результаты социологического исследования для оптимизации издержек на оплату труда и смогу оптимизировать систему мотивации труда сотрудников...».

Лишь трое участников исследования указали на наличие такой сформированной компетенции как «Наличие навыков организации и проведения социологических исследований в профессиональной сфере». Так, например, студенты отмечали, что «...в ходе изучения социологии я стала способна проводить социологические опросы и использовать полученные результаты в исследовательских работах...», «...использование результатов проведенных мной опросов позволило сделать мое отделение молодежного движения «Молодая гвардия» более успешным...», «... при составлении бизнес-плана коммерческого предприятия мне пришлось учитывать данные социологического исследования. Для того чтобы выполнить поставленные передо мной задачи с наибольшим успехом...».

Лишь два студента, на наш взгляд, сформировали такую компетенцию как «Понимание «языка» различных социологических теорий и способность интерпретировать с их позиций реальные факты, связанные с осуществлением профессиональной деятельности». Так в своих работах они отмечали что «... сравнение различных точек зрения социологов и исследователей из других областей научного знания позволяет выявить допущенные ошибки...», «... статусно-ролевая теория и теории социального контроля хорошо подходят для описания ролевого поведения спортсменов и формирования значимых для спортивной деятельности качеств личности...».

О наличии у одного из студентов сформированной компетенции «Способность решать профессиональные проблемы с использованием социологических подходов, теорий и их отдельных положений (в том числе с использованием альтернативных, новых и инновационных)» свидетельствует следующее высказывание «...реализовать себя в спорте, достичь высоких спортивных результатов и заполучить высокий социальный статус в большей степени способны лица с девиантным поведением при условии наличия некоторых специальных условий...».

О необходимости в профессиональной деятельности такой компетенции как «Способность доходчиво проинформировать коллег и работодателей о содержании социальной проблемы, путях ее решения и возможностях реализации решения на основе социологического знания» не упомянул ни один студент, принявший участие в исследовании.

Таким образом, на основе полученных эмпирических данных можно сделать вывод о том, что общекультурные компетенции, сформированные при изучении социологии, как типичной дисциплины гуманитарного, социального и экономического цикла, не соответствуют в полной мере

тем общекультурным компетенциям, которые, согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения, призваны формировать дисциплины гуманитарного, социального и экономического цикла.

Следовательно, участники образовательного процесса при реализации компетентного подхода в процессе изучения дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла закономерно сталкиваются со следующими проблемами:

1. Восприятие студентами дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла как второстепенных дисциплин, «лишних в учебном плане», как дисциплин, не оказывающих существенного влияния на формирование профессиональных навыков.

2. Восприятие студентами дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла как обладающими инструментальной, а не терминальной ценностью. В подавляющем большинстве студентам необходимо, прежде всего, сам по себе зачет или высокая оценка за экзамен для получения стипендии или высокого аттестационного балла, а не компетенции, формируемой в процессе изучения дисциплин, которые позволят в будущем стать высококлассным специалистом в своей области профессиональной деятельности.

3. Мотивация студентов на получение баллов в ущерб знаниям зачастую делает затруднительным использование новых методик при проведении практических занятий (т.е. знания не обладают для студентов терминальной ценностью, которая практически полностью замещается ценностью инструментальной).

4. Отсутствие интереса к теоретическим разделам дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла. И, как следствие, низкий уровень мотивации студентов к подготовке к семинарским занятиям и восприятие теоретических разделов дисциплин как не имеющих никакой практической ценности.

5. Краткость курса: за один семестр, отведенный на изучение социологии, студенты не успевают усвоить и развить необходимые компетенции (связанные в первую очередь с формированием навыков и способностей организации и проведения научных исследований в социальной и профессиональной сфере). И как результат, по окончании изучения учебных дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла студенты испытывают затруднения в практическом использовании полученных знаний в своей социальной и профессиональной деятельности.

6. Сложность внедрения инновационных форм и методов обучения. Традиционные методы работы со студентами на лекционных и семинарских занятиях не позволяют в полной мере сформировать необходимые компетенции. Использование инновационных форм и методов обучения, требует от студентов дополнительных усилий. К тому же интерес к занятиям, которые проводятся в инновационной форме, как правило, проявляют студенты так называемых «элитных» специальностей, конкурс на которые является традиционно высоким и требует хорошей подготовки.

7. Неготовность студентов технических и естественно-научных специальностей изучать дисциплины гуманитарного, социального и экономического цикла на младших курсах. Студенты третьих-четвертых курсов указанных специальностей оказываются более подготовленными к восприятию дисциплин гуманитарного, социального и экономического цикла и легче формируют необходимые в социальной и профессиональной деятельности компетенции, нежели студенты первых-вторых курсов.

8. Необходимость разработки многовариантных учебно-

методических материалов в соответствии с реализуемыми направлениями профессиональной подготовки студентов.

Таким образом, приоритетной целью и задачами изучения любой учебной дисциплины цикла «Гуманитарный, социальный и экономический цикл» основных образовательных программ бакалавриата является преодоление функциональной неграмотности и формирование у студента, как субъекта учебной деятельности, социальных компетенций наряду с компетенциями сугубо профессиональными.

Успешная реализация целей и задач учебной деятельности в процессе реализации компетентностной модели образования возможна при следующих условиях: а) обеспечение вариативности методов и форм обучения (в том числе и в рамках каждой учебной дисциплины); б) применение комплексных методов и систем оценки компетенций, формируемых в процессе обучения (в том числе и в процессе изучения конкретной дисциплины).

Литература

1. Артамонов М.В. Преподаватели и руководители вузов об интеграции в европейское образовательное пространство / М.В.Артамонов // Социс. 2008. № 1. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.isras.ru/socis.html> [Дата обращения: 23.11.09]/

2. Гаврилюк В.В. Преодоление функциональной неграмотности и повышение социальной компетентности как задачи образования / В.В.Гаврилюк // Социс. 2006. № 12. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.isras.ru/socis.html> [Дата обращения: 23.11.09].

3. Гаврилюк В.В. Преодоление функциональной неграмотности и повышение социальной компетентности как задачи образования / В.В. Гаврилюк // Социс. 2006. № 12. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.isras.ru/socis.html> [Дата обращения: 23.11.09].

4. Государственные образовательные стандарты профессионального образования: Разработка стандартов 3 поколения// Российское образование. Федеральный портал // [Электрон. ресурс] URL: <http://www.edu.ru/db/portal/spe/3v.htm> [Дата обращения: 03.04.10].

5. Григорьев С.И. Экспертные оценки отношения россиян к реформе высшей школы / С.И.Григорьев // Социс. 2008. № 11. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.isras.ru/socis.html> [Дата обращения: 23.11.09].

6. Ивахненко Г.А. Динамика мнений студентов о модернизации высшего образования / Г.А. Ивахненко // Социс. 2007. № 11. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.isras.ru/socis.html> [Дата обращения: 23.11.09].

7. Ларионова М.В. Современные инструменты обеспечения качества программ / М.В. Ларионов // Институт международных организаций и международного сотрудничества ВШЭ (ИМОМС) [Электрон. ресурс] URL: http://www.iori.hse.ru/tuning/materials/instruments_quality_programs.pdf.

8. Макет федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования от 22.02.2007. // Российское образование. Федеральный портал // [Электрон. ресурс] URL: <http://www.edu.ru/db/portal/spe/3v/220207m.htm> [Дата обращения: 17.04.10].

9. Нарбут Н.П. Опыт применения принципов болонского процесса в социологическом образовании / Н.П.Нарбут, Д.Г.Подвойский, Ж.В.Пузанова, В.А.Цвык // Социс. 2008. № 9. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.isras.ru/socis.html> [Дата обращения: 23.11.09].

10. О разработке нового поколения государственных образовательных стандартов и поэтапном переходе на уровневое высшее профессиональное образование с учетом требований рынка труда и международных тенденций развития высшего образования: Решение коллегии Министерства образования и науки России от 31 января 2007 г. // Российское образование. Федеральный портал // [Электрон. ресурс] URL: <http://www.edu.ru/db/porta/spe/3v/310107s.htm> [Дата обращения: 17.04.10].
11. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 022000 Экология (квалификация (степень) «бакалавр»): Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 795. // Российское образование. Федеральный портал // [Электрон. ресурс] URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_09/m795.html [Дата обращения: 17.04.10].
12. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 080200 Менеджмент (квалификация (степень) «бакалавр»): Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 18 ноября 2009 г. № 636. // Российское образование. Федеральный портал // [Электрон. ресурс] URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_09/m636.html [Дата обращения: 17.04.10].
13. Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 031900 Международные отношения (квалификация (степень) «бакалавр»): Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 22 декабря 2009 г. № 815. // Российское образование. Федеральный портал // [Электрон. ресурс] URL: http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_09/m815.html [Дата обращения: 17.04.10].
14. Осадчая Г.И. Заметки социологического образования в России: рефлексия новых требований общества / Г.И. Осадчая // Социс. 2009. № 2. С. 105.
15. Постановление Правительства РФ от 24.02.2009 г. № 142 «Об утверждении правил разработки и утверждения федеральных государственных образовательных стандартов» // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации [Электрон. ресурс] URL: <http://mon.gov.ru/dok/grav/obr/5208.print/> [Дата обращения: 03.12.2009].
16. Сорока Ю.Г. Активация повседневного знания в аудитории в процессе преподавания социологии: теоретико-методологические основы и методические приемы // Социология в аудитории: искусство преподавания. Харьков. 2003. с. 95-113.
17. Социология: Учебная программа курса для студентов всех специальностей / Сост. О.Н. Кошечая Владивосток: Издательство ВГУЭС, 52 с.
18. Тюрина А.А. Образовательная ситуация в Дальневосточном регионе в представлениях студентов / А.А. Тюрина // Социс. 2008. № 11. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.isras.ru/socis.html> [Дата обращения: 23.11.09].
19. Шаронова С.А. Компетентностный подход и стандарты в образовании (сравнительный анализ стран ЕС и России) / С.А. Шаронова // Социс. 2008. № 1. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.isras.ru/socis.html> [Дата обращения: 23.11.09].
20. Tuning Education Structures in Europe / ES. Educational and Culture. Socrates-Tempus. 2006. // [Электрон. ресурс] URL: http://europa.eu.int/comm/education/policies/educ/tuning/tuning_en.html [Дата обращения: 03.12.2009].

УДК 392 (=512. 157)

Саналова Д.У.

Традиционная родильная обрядность якутов и кыргызов

Traditional giving birth ritualism of the yakuts and the kirghiz

В статье на основе сравнительно-сопоставительного анализа этнографических материалов, лингвистических данных рассматривается традиционная родильная обрядность якутов и кыргызов. Приводятся этнографические параллели в обрядах, направленных на рождение здорового ребенка, в обрядах, связанных с сохранением жизни и здоровья матери и ребенка, свидетельствующие об этнокультурных взаимодействиях предков исследуемых народов.

Ключевые слова: *культура, обрядность, этнокультурные связи.*

In the article there is speech about the role of lobbying in the decision of the problem of the mutual understanding between Russia and The USA. Great attention is paid to the fact of Russian Lobbying which is in the rudimentary state despite of the considerable Russian-language group in this country. According to the author's opinion, Russia loses sight of the impact of lobbying groups on foreign policy of the USA and on the strengthen of Russian image. Especially as, some positive experience of the participation of Russian business is accumulated in lobbying of its interests in the USA.

Key words: *mutual understanding, diaspora, the group of interests, image, lobbying, PR-company.*

Говоря о традиционной жизни тюркских народов, прежде всего, следует отметить общность многих явлений, как в материальной, так и в духовной жизни у различных, казалось бы, а ныне – и территориально отдаленных друг от друга народов, к каким относятся якуты и кыргызы. Подобное культурное и духовное родство и близость неразрывно связаны с проживанием предков рассматриваемых народов в едином историко-культурном регионе. На наш взгляд, Центральная Азия и Южная Сибирь являются очагом зарождения и развития общих черт их материальной и духовной культуры.

В связи с этим возникает необходимость рассмотрения якутско-кыргызских культурных параллелей в традиционных представлениях, связанных с родильными обрядами, которые должны были содействовать здоровью ребенка и его матери, благополучию новорожденного в предстоящей жизни.

Исследование данной обрядности у обоих народов позволило выявить общность в следующих ее составных частях:

- в обрядах, направленных на рождение здорового ребенка;
- в обрядах, связанных с сохранением жизни и здоровья матери и ребенка.

Обряды, направленные на рождение здорового ребенка

К этой группе можно отнести обычаи и обряды, как предшествующие родам, так и сопровождающие сам процесс принятия новорожденного.

Итак, у якутов и кыргызов, как и у других народов, сохранение и умножение потомства считалось главной заботой, смыслом существования. Якуты и кыргызы особенно любили первенцев – «мангнайгы ого» (як.), «тун балам» (кырг.) и самых маленьких «осогос туюгэгинээги ого» (як.), «көкүрөк күчүгүм» (кырг.). Народ образно называл «богатым» того человека, у которого было много детей. Поэтому бездетность и малодетность тяжело переживались. В метких народных выражениях и благопожеланиях отразились представления о счастье, о детях. Якуты говорили: «Оголоох ыалтан ончоогор уот иччитэ уэрэр» – «В доме, где ребенок, радуется огонь»; «Хаан хаалбат, көлүнэ көппөт» – «Род не гибнет, пока есть продолжение». Также считали и кыргызы: «Балалуу үй – базар, баласыз үй – мазар» – «Дом с детьми – базар (в смысле веселая, счастливая семья), дом без детей – могила»; «Ата – аскалуу тоо, эне – булак, бала – ортосундагы шам чырак» – «Отец – скалистая гора, мать – родник, ребенок – горящая лампа посередине».

Беременная женщина у якутов и кыргызов, как и у других народов, пользовалась особым уважением. Часто ее оберегание плода включало не только ограничения в режиме питания, но и различные запреты, имевшие магическую основу. Так, у них запрещалось перешагивать через веревку, стричь волосы, вязать, завязывать узелки, растить ногти, мочиться при Луне, носить металлические украшения.

Роды у изучаемых народов, как правило, проходили в женской половине юрты. Однако в летний период в силу различных обстоятельств женщинам приходилось рожать в поле: во время сенокоса, уборки сельхозпродуктов и др.

С приближением родов мужчины и дети уходили из дома. Главным обрядовым лицом являлась повивальная бабка (як. «ого көтөгөөччю» – досл.: «ребенка поднимающая»; кырг. «төрөөтүүчү кемпир» – досл.: «бабка, помогающая рожать»), которая с началом схваток у роженицы начинала готовить место для родов: якуты в земляной пол юрты вколачивали два кола [10, с. 183], кыргызы – один длинный кол [9, с. 65], чтобы поддерживали подмышки беременной. Около кольев под колени настилали мягкой хорошей травы или сена. Место родов от мужской половины отделяли занавесом. Помимо этих физических работ совершали также ряд магических действий, направленных на облегчение родов. Так, у якутов готовили четыре или восемь чашек с топленным маслом, часть которых ставили по четырем углам юрты, а часть – на углу восточной нары, где спала роженица, так как богиня-покровительница детей Айысыт приходила с восточной стороны. Роженица обращалась к ней с просьбой помочь во время родов и пила чашу топленного масла, что-

бы «смягчить» внутренности. Ставили также на огонь горшок с мясом, чтобы она разрешилась от бремени быстрее, чем оно сварится. Варевое называлось «сырсыы куөс» (досл.: «варевое наперегонки»), сваренное мясо потом съедала повитуха [10, с. 183]. У кыргызов, чтобы отогнать от роженицы злых духов в юрте круглые сутки горел огонь, у входа часто вешали шкуру убитого зверя, ружье и т.п. [5, с. 69]. Закальвали булавкой воротник свекрови или мужу, чтобы те разделили боль родовых схваток; ставили на стол муку, с целью угощения духов; просеивали через сито воду, считая, что таким образом околоплодные воды отойдут быстрее. При трудных родах у обоих народов отмыкали все замки в доме, сарае, открывали сундуки, развязывали все узлы.

Рожала женщина у обоих народов, стоя на коленях, держась руками за перекладину. Иногда она рожала, сидя на корточках, опираясь спиной на колени повитухи, руками держась за перекладину [2, с. 130; 9, с. 65].

Во время родов повитуха медленно покачивала женщину из стороны в сторону, придавая ребенку в утробе нужное положение, растирала ей маслом живот, поясницу, советовала, как ей держаться, дышать и т.д. Если не хватало сил у повивальной бабки, то, звали мужчин. У якутов двое из них тянули роженицу за поясницу вниз, двое – за руки вверх [10, с. 183]. У кыргызов помогал только муж, который, становясь сзади, обхватывал роженицу руками и нажимал сверху на живот [9, с. 65].

Трудные роды объясняли отсутствием покровительства богини Айысыт (якуты) и Умай (кыргызы), вмешательством злого духа – пожирающего детей «абаасы» (як.), «албарсты» (кырг.). В этом случае якуты обращались за помощью к старухе, которая произносила заговоры и просила злого духа освободить младенца; к лекарю, чтобы исправлял массажем положение плода и к шаману, который при помощи камлания пытался воздействовать на злого духа [8, с. 92]. Кыргызы же обращались к куучу, который, подъезжая к юрте, издали кричал, приказывая оставить большую, и отгонял албарсты, ударяя плетью вокруг роженицы [9, с. 280].

Таким образом, при затяжных родах пускали в ход все средства – физические, магические, символические, чтобы ускорить процесс рождения ребенка.

Обряды, связанные с сохранением жизни и здоровья матери и ребенка

После рождения ребенка, повитуха «угощала» огонь, поливая в него масло, и благодарила богиню-покровительницу детей за ребенка. Далее кол, за который держалась роженица, у обоих народов закрепляли под потолком жилища [8, с. 87; 9, с. 65]. Видимо, столб в юрте, как сакральная часть жилища, выполнял функцию «священного дерева», являясь символом жизни и благополучия, помогая родить и выкормить детей.

В систему обрядовых действий, связанных с рождением ребенка, входил обряд «захоронения» последа. По якутским традициям послед обмывали, заворачивали в бересту и закапывали в том месте, где произошли роды или подвешивали к дереву. Послед женщины, у которой умирали дети, зарывали только в лесу. П.А. Слепцов происхождения данного обряда объясняет тем, что родившийся ребенок дублируется его сакральным заместителем – плацентой, возвращаемой природе для обеспечения ее целостности и возможности новых родов [8, с. 112-113]. Кыргызы же проводили «захоронение» последа во дворе или отдавали собаке. При этом считали, что у женщины будет много детей, как их бывает много у собаки [9, с. 65, 90].

После «захоронения» последа обязательно совершали обряд «очи-

щения огнем» – роженицу и младенца якуты окуривали «арчы» (дым от перьев гуся, лучинок от дерева, которого ударила молния), кыргызы использовали «арча» (можжевельник). Считалось, что подобное ритуальное окуривание отгонит злых духов и очистит своим благовонием мать и ребенка, помещение, предметы, которыми пользовались во время родов.

По случаю рождения ребенка якуты особого торжества не устраивали, так как по их представлениям, «ребенок до семи лет, не входит в число людей, поэтому его могли съесть даже мелкие абаасы, обычно поедавшие телят» [4, с. 75]. Эти воззрения были связаны со сложным понятием «сюр», потому что получение ребенком «кут» давало свойства чисто физиологического характера и не означало приобретение всей полноты жизни человека. Социальные качества личности, которые формировались у него в процессе жизнедеятельности, такие как «способность самостоятельно мыслить и излагать свои взгляды, отделять добро от зла и тем самым правильно ориентироваться в окружающем мире и действовать в соответствии принятыми правилами поведения в зависимости от конкретной ситуации» приобретались с получением элемента «сюр» [3, с. 47-48]. Видимо, сложность традиционных представлений якутов связана с проблемой выживания в экстремальных климатических условиях.

У кыргызов же существовал целый ряд действий, направленных на разглашение сведений о новорожденном со стороны родителей жениха. Это «сүйүнчү» – оповещение, с целью получить подарок за сообщение радостной вести, «көрүндүк» – подарок за право посмотреть на младенца первый раз. Затем устраивали пир в честь новорожденного, с участием соседней, соседей, родителей и родных невестки – «жентек».

Следующая серия послеродовых обрядовых действий группировалась вокруг укладывания ребенка в колыбель («бисик» – як., «бешик» – кырг.). На третий день после родов якуты делали для новорожденного круглую колыбель из дощечек, которую не качали «с бока на бок, как русскую, а двигали, толкая ящик взад и вперед» [10, с. 190]. Перед укладыванием ребенка в люльку, проделывали ряд ритуальных действий: если был мальчик, то клали в колыбель нож, если девочка – то ножницы, затем этот предмет несколько раз перекладывали, пока, наконец, он не оказывался посередине колыбели. При этом периодически спрашивали девочку-подростка о правильности расположения вещей [8, с. 87]. Кыргызы же укладывали ребенка только на сороковой день рождения, помимо ножа и ножницы в обряде применяли и другие предметы, такие как топор, альчики.

Согласно обычаю детей оберегали от злых духов и «плохих» глаз. Для этой цели использовались различные амулеты, которые привешивали к колыбели ребенка или пришивали к одежде. Амулеты представляли собой различные части животных и птиц, бисер. Якуты обычно привязывали к колыбели когти медведя или хищной птицы, амулет из заячьей шкуры или отлитое из меди украшение, с изображением льва посередине [1, с. 146; 8, с. 113]. Кыргызы отпугивали злых духов с помощью когтей медведя, рыси, беркута, лапы филина. В качестве оберега у обоих народов выступало и смазывание лба ребенка сажей.

Исходя, из веры в возможность обмануть злого духа, который «преследует» семью, «съедая» детей, совершали обряд «мнимой кражи» или временной передачи детей на воспитание другим людям. При этом родители будущего ребенка заранее подыскивали людей, согласных на воспитание их ребенка сразу после его рождения. И в якутских, и в кыргызских семьях, если в семье не задерживались мальчики, рано умирали, то новорожденного одевали как девочку, заплетали ему косы, дава-

ли женские имена. Данный обычай применялся только по отношению к сыновьям [1, с. 146; 9, с. 72-73]. В нем видели наследника, будущего хозяина, продолжателя рода.

Этнографические параллели прослеживаются и в традиции имянаречения детей. Новорожденному давали имя постороннего человека, первым вошедшего в дом после рождения ребенка. Этот человек мог и сам дать имя ребенку. Имена якутов и кыргызов также отражали их хозяйственную деятельность, верования, обстоятельства рождения. Ф.А. Фиельструп по этому поводу писал: «Если киргизский ребенок родится в степи, назовут “степью”. Родится в горах, назовут “горой” [9, с. 253]. Часто новорожденному давали имя по названию той местности, где он родился, например, Жайлообай (родился на летнем пастбище). Давали имя иногда в зависимости от времени: *Дүйшөбай* (родился в понедельник), *Жамгырчын* (во время дождя). Девочкам давали такие имена, как *Шаршебүбү* (родилась в среду), *Майрамкул* (во время праздника). Существующие якутские имена также говорят об этом: *Сайыңны* (Летний) – ребенок родился летом, Булумньу (Найденыш) – рожденный внебрачно, *Куьаган* (Плохой) – имя, отпугивающее злых духов. В якутских семьях, чтобы отвратить смерть, нередко детям давали одинаковые имена. Так, в одной семье могло быть пять Николаев, три Марии и т.д. Новорожденным также давали имя предка, в надежде, что он не только будет охранять ребенка от сглаза, от порчи, но, и, считая, что ребенку будут присущи все достоинства, все положительные характеристики имени ушедшего человека. Эта преемственность родовой культуры понималась как «предок в ребенке, ребенок в предке» [6, с. 13].

Якутско-кыргызская общность также проявляется при сравнении человека с внутренними органами. Так, кыргызы самого близкого человека называют «бир боорум» – «единая моя печень», о неокрепшем юнце говорят: «жерден боорун ала элек» – «он еще печень свою не успел оторвать от земли», чувство жалости передается выражением «боорум ооруду» – «моя печень исстрадалась». Якуты также, проявляя свою безграничную любовь к детям, говорят «*сүрэгим огото*» – «ребенок из сердца», «*быарым огото*» – «ребенок из печени», в значении «любимое мое дитя». В эпосе родители богатырей часто называют их придатком «своей крепкой черной печени» [7, с. 65].

Таким образом, сравнительно-сопоставительное изучение родильной обрядности якутов и кыргызов показывает, что в этой области духовной культуры имеется немало общих черт, свидетельствующих об этнокультурных связях

Литература

1. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. 318 с.
2. Боло С.И. Прошлое якутов до прихода русских на Лену. Якутск: Бичик, 1994. 352 с.
3. Бравина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса: На материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.
4. Бравина Р.И. Погребальный обряд якутов (XVII–XIX вв.): Учебное пособие. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. 231 с.
5. Джумагулов А. Семья и брак у киргизов Чуйской долины (дореволюционный и советский периоды): Дис. ... канд. ист. наук. М.; Л., 1962.

297 л.

6. Корякина Н.А. От духовной культуры предков к духовной культуре учителя. Якутск: Изд-во ДНиСПО МО РС (Я), 2001. 112 с.

7. Нюргун Боотур Стремительный: Якутский героический эпос-олонхо. Якутск: Кн. изд-во, 1982. 432 с.

8. Слепцов П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX– нач. XX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1989. 159 с.

9. Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX в. М.: Наука, 2002. 300 с.

10. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 439 с.

УДК 37.035.6

Мусаткина В.А.

Образ отца в восприятии русских и китайских девушек (на примере учащихся ВГУЭС)

The image of father as it completed in the mind of Russian and Chinese girls
(based on example of VSUES)

В статье В.А. Мусаткиной идет речь о восприятии образа отца у русских и китайских девушек, роли отца в воспитании и дальнейшей жизни дочери, а так же выборе жизненной мотивации и партнеров для создания семьи. Автор приводит данные исследования 2009 года с целью показать изменения сознания дочерей России и Китая от древности до наших дней.

Ключевые слова: образ представления, «отцовская фигура», типологии отцов, «Сексуальный импринтинг»

In the article the problem of the image of father as it completed in the mind of Russian and Chinese girls is examined. The father's role in the daughter's education and her own life are examined too. The author analyzes 2009 year research results. The target of this investigation is to present the dynamics of Russian and Chinese daughters mind from ancient days to contemporary.

Key words: the model of imagination, «the figure of father», father's typology, «sexual imprinting»

В современном обществе таких стран, как Китай и Россия, происходит глобальная переоценка моделей семьи и представлений о правильном поведении мужчины и женщины в обществе. Если обращаться к причинам вышеуказанных изменений, прежде всего следует обратиться к семье, как к первому социальному институту, в котором формируются основные представления о предметах и о мире, а также об отношении к тем или иным явлениям. Одни родительские установки (представления о мире) будут заменены при последующем индивидуальном опыте личности, другие человек пронесет через всю свою жизнь.

Одним из таких явлений, укореняющемся в представлении ребенка в раннем возрасте и на протяжении всего существования, является образ отца. Доказано, что для развития гармонично развитой личности для ее воспитания необходимы оба родителя: мать и отец. Но важность роли матери всегда была известна, а вокруг фигуры отца и его ценности для ребенка, особенно для дочери, возникают все новые дискуссии и споры.

Важно подчеркнуть, что во многом влияние отца определяется социально-культурными нормами страны, в которой он воспитывается и создает семью, так как от представления о взаимоотношении полов напрямую зависит воспитание его ребенка.

В 2009 году автором этой статьи было произведено исследование, позволяющее проследить взаимосвязь общих, биологически-психологических тенденций развития образа отца с учетом культурно-исторического наследия двух стран с новыми, иногда кардинально отличающимися от предыдущих взглядов на данную проблему, представлениями, а также выявить сходства и отличия образа отца у современных девушек России и Китая. На основе знания современных тенденций, представления можно прогнозировать дальнейшее развитие и сотрудничество этих стран.

Начнем с понятия «Образ представления». В психологии это – исходная форма развития и развертывания психической жизни личности. Сохраненные в памяти образы представления улучшают ориентацию животных в среде, а у человека становятся достоянием духовной жизни, итогом его чувственного познания мира, основой прогноза для познания и действия [1].

В раннем детстве ребенок начинает выстраивать взаимоотношения с родителями и с окружающим его миром. Ученые выяснили, что уже в возрасте трех-четырех лет (когда начинается активное наблюдение за отцом и желание занять место матери рядом с ним), у дочери начинает интенсивно формироваться субъективный образ отца.

В современном обществе существует такое явление, как взаимопроникновение культур и свободный доступ к информации, создающее большую вариативность поведения отца, в зависимости от его личностного роста и включенности в социальную жизнь общества.

Исследовав несколько предлагаемых категорий отцов, был составлен перечень представлений об отце, включающий в себя следующие [8; 7; 4]:

Податливый отец – мужчины этого типа склонны к сибаритству. Им проще позволить ребенку тонну конфет и неограниченные компьютерные игры – лишь бы папу не отрывали от любимого футбола или книги. Такой отец, как правило, за выходные расшатывает режим ребенка и доводит до иступления жену, которая всю неделю пытается привить ребенку азы дисциплины. Он избегает конфликтов с ребенком.

В результате, дочери-дошкольницы обожают таких пап, зато уже в подростковом возрасте они перестают уважать отца, начинают грубить ему и вести себя вызывающе. Сделав небольшое усилие над собой, такой отец довольно быстро втягивается в более интенсивные отношения с ребенком, начинает получать удовольствие от игр с ним и становится прекрасным воспитателем.

Отец-муравей – роль отца ограничена снабженческими функциями, ведь каждый папа может поделиться с ребенком куда более важными вещами, чем содержимое кошелька. Сколько бы занятой папа ни откупался от детей подарками, в глубине души он неудовлетворен, раздражен и испытывает чувство вины за то, что подменяет подлинное внимание игрушками. Дочери охотно пользуются родительским кошельком, но не прощают равнодушия и отсутствия подлинного интереса к их судьбе.

Отец-контролер – этот отец не может пройти мимо маленького нарушения порядка. Он требует к себе беспрекословного внимания и строго взыскивает за каждую провинность.

Как правило, такой отец читает ребенку длинные нотации, выбирает книги, которые надо читать, вид спорта, которым надо заниматься, и кружки, которые надо посещать. «Контролер» часто ругает и унижает дочь при посторонних. Неделя без сладкого, месяц без телевизора – вот его суровые приговоры. Таких отцов дети боятся, стараются скрыть от них свои ошибки. И, впоследствии, у дочерей часто развивается низкая

самооценка, неуверенность: «Я плохая, поэтому отец мною недоволен».

Идеальный отец – принимает дочь такой, какая она есть, и помогает ей утвердить свою личность. Он может послужить ей примером и в выборе профессии. Но время от времени знает, что иногда нужно «отпустить вожжи», чтобы заботы о дочери не стали ей в тягость. Дочь такого родителя вырастет уравновешенной, будет относиться к людям с доверием.

Отец – покровитель – буквально носит дочь на руках, но авторитет его не очень велик. Он стремится убрать все препятствия на пути ребенка. Дочери таких отцов, как правило, рано выходят замуж, так как привыкли к постоянной о себе заботе. Однако если они не получают такой заботы в будущем, жизнь их может сложиться неудачно.

Отчужденный отец – больше критикует, чем хвалит. Он никогда не раздает свою нежность даром. Его дочь будет принципиально взыскательна как в личной жизни, так и в своей профессии. Но это создает риск, что она вызовет неприязнь у людей, не умеющих оценить ее требовательность.

Нежный отец – никогда не сердится. Окружающее его не заботит, все внимание – дочери. Его любят, но не слишком серьезно к нему относятся. В отличие от него самого, его дочь будет исключительно взыскательна к самой себе.

Отец – тиран – не скупится на сердитые замечания и не устает ранить человеческое достоинство своей дочери. Можно сказать, что это акцентуация Отца-контролера. Защищаясь, девушка сама становится агрессивной или же доверяет свою судьбу мужчине в роли грозного карателя. Отцам важно помнить, что силовые методы воспитания редко приносят позитивный результат.

Конечно, самый лучший образ отца – идеальный отец, полностью выполняющий свои функции по отношению к дочери и развивающий в ней уверенность и позитивное отношение к мужчинам. К сожалению, не все отцы понимают, что неправильное воспитание и негативная окраска отношений с дочерью могут повредить развитию ее личности и препятствовать возникновению новых отношений с мужчинами.

На данный момент в странах России и Китае происходит переоценка роли женщины в обществе и семье, в ее взаимоотношениях с мужчиной, где сегодня она может занимать равную с партнером позицию или являться лидером. Хотя и до сих пор отмечается тенденция к дискриминации по половому признаку, скорее это можно отнести к социально-культурному наследию этих стран, где развит так называемый «патриархальный стиль» мышления.

В прошлом (для обеих стран: Китая и России) это выражалось в образе представления об отце как о мужчине властном, всемогущем и решительном, не склонном к проявлению позитивных чувств к дочери. Для этого периода характерны такие категории отцов, как отец-тиран, отчужденный отец и отец-контролер.

Поэтому важно, с какими представлениями о взаимоотношениях полов мужчина создает семью, так как от этого напрямую зависит воспитание его ребенка.

Начиная с древности и до недавнего времени в Китае пропагандировалось и поощрялось пренебрежительное отношение отца (старшего в роду) к ребенку женского пола. Вырастая, девушка продолжала подчиняться отцу, мужу и семье мужа. То есть, веками вырабатывалась система взглядов, с помощью которых осуществлялось воспитание женщины, формируя ее восприятие и систему ценностей. Фигура отца у девочек Китая до 30-х годов 20-го века включительно рассматривалась как божество, которому нужно беспрекословно подчиняться, в противном случае

девочку могли просто убить. Смирившись с лишениями и тяготами, а также с осознанием того, что она в семье «человек второго сорта», девочка постоянно трудилась, стараясь угождать и жертвуя собой [2].

В двадцатом веке происходит изменение сознания женщин, они становятся более решительными и уверенными в себе, хотя в отдаленных провинциях еще сильно влияние традиций в семье. Но происходит приток новой информации и попытки изменить текущее положение вещей. В настоящее время Китай является прогрессивной страной, но, в то же время, нельзя не учитывать влияния духовных истоков.

Именно поэтому актуальным является временной «срез» – он дает представление о реально существующих стереотипах должного поведения и представлений, которые во многом несут в себе идеи религий, традиций, но также впитали в себя современные тенденции интеграции мировой цивилизации.

Формирование образа отца зависит от той среды, в которой воспитывается девочка. В детстве ей рассказывают сказки, где ясно показываются взаимоотношения между отцом и дочерью, между мужчиной и женщиной, место женщины в мире, ее роль в обществе. Позже девочка знакомится с религией, откуда впитывает информацию должного и одобряемого поведения женщин.

Воспитанный в духе христианства отец точно так же передаст свои представления дочери, а она, основываясь на полученные знания, тут же создаст образ отца, соответствующий моральному, религиозному и культурному наследию своей семьи.

В России отношение к женщинам неоднозначно. Во времена язычества женщина была вольна выбирать свою судьбу, становясь либо «богатыркой», либо матерью большого семейства. Культ богинь «Мать Сыра Земля», Лада, Макошь, – позволял ей это. С приходом христианства, а также в средние века, происходит закрепощение женщины на государственном уровне, если вспомнить «Домострой» Сильвестра [3], цель которого – дать рецепт контроля за дочерью, женой, матерью, что и осуществляется:

- 1) через контроль доходов и денежных сумм;
- 2) через подчинение себе, а не жене ключника – домоправителя;
- 3) через лишение женщины права принимать самостоятельные решения;

4) через присвоение мужской половиной дома права вмешиваться в области, традиционно принадлежавшие женской половине (воспитание детей, контроль за продуктами питания, женскими рукоделиями и т. п.). Во времена правления Екатерины II многие стереотипы поведения разрушаются, сейчас же обществом все еще одобряется тип «женщины для семьи». Две трети мужчин в России выступили «за» «семейный» образ женщин. В дочери ценится верность, преданность, мягкость, нежность, терпимость. При этом жертв ради семьи от нее ожидают, но если она откажется от многого ради своего дела, работы, это понравится лишь немногим. Такая точка зрения присуща в большей степени мужчинам. В данное время женщин, хоть и в меньшей степени, чем мужчин, привлекают традиционные патриархальные идеалы, примерно половина из них – сторонницы этих идеалов [10].

Наименее привлекательными являются качества, связанные с независимостью женщины, ее активностью, стремлением во что бы то ни стало сделать карьеру.

Таким образом, на данное время уже невозможно говорить о неременном подчинении женщины мужчине как в России, так и в Китае; ценится инициатива женщины в принятии решений, ее самореализация не только в семье, но и за ее пределами. Такая позиция одобряется

обоими полами [10, с. 93].

До недавнего времени психологи считали, что отец начинает иметь значение для девочек старше трех лет, когда в них пробуждается интерес к различию между полами. Однако сейчас ученым стало известно, что идентификация по полу свойственна ребенку с самого рождения, и в связи с этим присутствие отца на ранних ступенях развития дочери совершенно необходимо.

По утверждению психологов, на характер отношений отца и дочери ничто не влияет так, как позиция матери. Если девочка растет в атмосфере взаимного доверия и любви между родителями, у нее формируется доброжелательное отношение к отцу [7].

Отец интересен не больше, а по-другому, не так, как мать. В своих играх с отцом девочка получает опыт общения с человеком другого пола, в ее сознании закрепляется представление о разнице между мужчиной и женщиной. Обнаружив эту разницу как нечто положительное и радостное, девочка утверждает в своей женственности, отталкиваясь от противоположности, в отличие от подражания матери.

Отец – это первый мужчина, которого девочка встречает в жизни, и долгое время она считает его единственным. Их встреча происходит, когда ребенок еще не знает, что мужчин в мире много, что они разные и их можно «выбирать». Оттого, как сложатся отношения отца и дочери в первые пять – семь лет, зависит, кем будут для нее мужчины во взрослой жизни. В отношениях с отцом девочка учится быть женщиной, и с ним же впервые себя таковой ощущает.

Сначала дочь даже не может представить, что другие мужчины существуют и бывают не такими, как папа. К тому времени, когда она начинает влюбляться (то есть годам к четырем), ей уже известно, кто такие мужчины и какие отношения с ними должны складываться. Именно должны, потому что, если мальчик не соответствует папиному образу, девочка его даже не заметит, так как он не станет для нее представителем другого пола, и, если их отношения не напомнят ей ее отношения с папой, то она назовет их бессмысленными и скучными. Примерно в этом же возрасте, четырех-пяти лет, девочка начинает испытывать бессознательное эротическое влечение к отцу и желание устранить мать, воспринимаемую ребенком в этой ситуации в качестве соперницы. Фрейд и Юнг называли эту стадию комплексом Электры, и считали, что личность формируется в зависимости от переживания этого комплекса, им же и в значительной мере регулируется дальнейшее поведение. В этот период «влюбленности в папу», важно не позволять ребенку говорить плохо про мать, осуждать, когда дочь попытается помешать общению родителей. Отцу в этот момент важно донести до ребенка следующую идею: «Я люблю тебя. Ты моя замечательная дочка. Я люблю маму. Она моя прекрасная жена» [7, с. 20].

Справиться с этим комплексом ребенку помогает одна из форм психологической защиты – идентификация, что и происходит к пяти-шести годам: девочка решает проблему, идентифицируясь с матерью, что ведет к развитию нормальной сексуальности [1, с. 228].

В первые школьные годы отец неocenим в роли заинтересованного слушателя, тактичного советчика и твердого наставника. В отрочестве же дочери становятся скрытными с отцами. В это время они, как правило, больше общаются с матерью, хотя постоянно наблюдают за папами. Больше всего в тот момент их интересует, как складываются отношения между родителями: они «примеряют на себя» родительский брак по шкале: «Это мне подходит. А вот это у меня будет совершенно иначе» [2, с. 19].

Свои первые робкие увлечения девочка чаще обсуждает с подруга-

ми и мамой. Отцу остается довольствоваться смутными намеками. Чем больше такта и великодушия он проявит, тем охотнее дочь станет делиться с ним своими сердечными переживаниями. По-настоящему страдают многие отцы тогда, когда их дочь влюбляется всерьез. Ревность и враждебное отношение к избраннику, который смеет прикасаться к дочери, – очень распространенная реакция отцов, и это очень опасно, так, как может сформироваться образ так называемого «Тирана-отца», осуждающего и запрещающего. Девочка-подросток очень чувствительна, а этот период у нее может возникнуть полное отторжение мужчин из-за крупной ссоры с отцом. В возрасте 11-15 лет у детей начинается тяга к собственному полу и неприятие противоположного. Именно за счет этого мальчики тянутся к мужчинам (и начинаются конфликты с матерью), а девочки – к женщинам. И из-за этого девочка-подросток может начать воспринимать отца как врага (если нет гармоничных отношений в семье): в этот период все мужчины воспринимаются как враги. Поэтому отцам, если они хотят создать у дочери положительный образ родителя, нужно проговорить, что они уважают свою дочь и считаются с ней, а запреты исходят только потому, что родители очень любят свою дочь и волнуются за нее [2].

Конечно, для того, чтобы у ребенка сформировался позитивный сценарий будущей жизни, необходимо совмещение множества факторов. Одним из важнейших является низкий уровень тревоги. Ребенок, которого хотели и ждали, которого любят «просто так», потому что он есть, а не за успехи в школе или в музыке; который растет и знает, чтобы с ним не случилось, родители всегда будут на его стороне, такой ребенок, глобально доверяя родителям, в дальнейшем будет доверять окружающему миру и, по выражению известной исследовательницы женской психологии Карен Корни, будет «двигаться к другим людям».

В психологии даже есть понятие – «отцовская фигура». Так обозначают тех, кто будет в жизни ребенка, а потом и взрослого играть роль лидера, руководителя, начальника, авторитета. Отцовской фигурой может быть школьный учитель-мужчина, директор школы, преподаватель в вузе, начальник на работе. Общаясь с этими людьми, женщина переносит на них те отношения, которые у нее в детстве складывались с отцом.

И отец должен знать, что, являясь чаще всего первым объектом противоположного пола для дочери, бессознательно фиксируется ею в самом раннем детстве в качестве идеальной модели мужчины. Если это «впечатывание» образа произойдет успешно и он, когда дочка достигнет подросткового возраста, снова «подтвердит» свой авторитет, то, став взрослой, она будет искать себе мужа, похожего на отца, иногда даже не осознавая этого [6].

Более того, если отец сформирует у дочери позитивное представление о мужчинах вообще, то во взрослой жизни ее отношения с ними будут складываться благополучно.

Результаты последних научных изысканий, проведенных венгерским университетом Пекса, стали еще одним доказательством существования феномена, который получил название – сексуальный импринтинг.

Более ранние исследования показали, что женщины, даже если они были удочерены, используют своих отцов в качестве образца при выборе потенциального мужа. Тот факт, что подобное поведение наблюдалось у женщин с приемными отцами, позволяет говорить, что импринтинг возникал в процессе получения жизненного опыта, а не передавался на генном уровне. Это подтверждается другими работами, продемонстрировавшими, что импринтинговая связь теряется, если у женщин в детстве

были плохие взаимоотношения с родителями, в частности, с отцами.

Группа венгерских ученых измерила пропорции лица членов 52 семей. Они выяснили, что существует сильная корреляция между обликом молодых мужей и отцами их жен, в особенности это касается пропорций лица в его центральной части – глаз и носа. В свою очередь, женщины продемонстрировали сходство с матерями своих супругов, продемонстрировав одинаковые пропорции в нижней части лица – губ и формы челюсти.

Руководитель исследований Тамаш Берецки рассказывает: «Полученные нами результаты подтверждают гипотезу сексуального импринтинга, которая предполагает, что дети формируют мысленный образ своего родителя противоположного пола и впоследствии ищут партнера, который бы подходил под эту схему восприятия» [9].

По всей видимости, схожесть, сама по себе, не играет роли при выборе партнера, поскольку участники эксперимента не продемонстрировали использование в процессе выбора образа родителя одного с собой пола, отмечают ученые. По их мнению, мужчины и женщины выбирают в качестве модели различные области лица своих родителей, делая это в соответствии со своими общими сексуальными предпочтениями характерных черт лица.

Таким образом, рассмотрев все доступные данные, выявлено, что образ отца формируется у дочерей с раннего детства, зависит от личностных, физических и поведенческих особенностей отца. Большую роль в формировании образа играет социально-культурный компонент, так как в процессе развития каждая страна проходит свой, уникальный и неповторимый путь, приобретая свою, отличную от иных мораль и представления о семье, обществе, нормах. Рассмотрев исторически сложившиеся отношения «отец-дочь» в таких странах, как Россия и Китай, а так же современные тенденции влияния на создание образа отца, можно заключить, что образ представления об отце у российских девушек будет незначительно отличаться от такового у китайских девушек.

Несмотря на сходное историческое развитие культурно-нравственных установок и гендерных стереотипов в этих странах, выражающихся в распространенном видении отца как главы семьи (обращаясь к типологии образа: отца – тирана, отца – контролера, отчужденного отца), в России в средние века намечается тенденция к более гармоничным и открытым отношениям между отцами и дочерьми. Так, в русской сказке «Аленький цветочек» можно увидеть образ идеального отца, в то время, если обращаться к китайским сказкам и мифам, можно увидеть лишь подчиненную роль девушки в семье, готовую безропотно сносить тяготы жизни, приносить себя в жертву интересам семьи и угождать отцу.

Для исследования современного образа отца в восприятии русских и китайских девушек была подготовлена база на территории ВГУЭС; сформирована выборка, состоящая из студентов старших курсов русской национальности (30 испытуемых) и студентов старших курсов китайской национальности (30 испытуемых). Общий объем выборки составил – 60 человек, возраст респондентов – 18-23 года.

Эмпирические методы исследования: проективная методика «Рисунок семьи»; «Неоконченные предложения»; Контрольная таблица прилагательных «Оценка основных качеств личности отца», Модификация методики «культурно-ценностный дифференциал» Рыжовой С.В. и Солдатовой Г.У. дали результаты, коротко отраженные в таблице «Оценка основных качеств личности отца».

По полученным данным на 2009 год девушки обеих стран на примере учащихся ВГУЭС рассматривают качества и поведение своих отцов

следующим образом: (диаграмма 1) [10].

При рассмотрении положительных качеств отца, закрепившихся в культуре, у китайских девушек самые распространенные это – мудрость, строгость, активность и забота. У девушек из России – работоспособность, лидерство (доминантная позиция в семье), понимание в общении с близкими. Однако, несмотря на то, что эти качества (по ответам русских девушек) закреплены в культуре нашей страны, данные испытуемые отмечают несоответствие между представлениями в культуре и современной жизнью в России. Как уже упоминалось, многие девушки считают необоснованными негативные замечания отцов в адрес семьи, в последующем изучении одной из методик можно наблюдать следующие ответы: вопрос № 6: «Отец не должен вести себя – агрессивно» (14 респондентов), вопрос № 7: «Считаю, что большинство отцов – легкомысленны» (8 респондентов).

Идеал отца у китайских девушек наполнен такими качествами, как: мудрость, терпимость, забота, строгость и сила. Представительницы России вкладывают в идеальный образ отца лидирующее положение в семье, заботу о близких, ответственность и верность.

Привлекательность отца для дочери играет большую роль для российских девушек, причем 12 испытуемых отметили негативную сторону привлекательности мужчин и отцов: мужчина не должен быть слишком красив или умен, потому что тогда его легче увести из семьи. Таким образом, может выражаться тревожность и неуверенность в стабильности существующих или будущих семей. Для русских девушек в 4 случаях из 30 наиболее важна физическая привлекательность мужчин и отцов, в 8 случаях наиболее ценятся интеллектуальные и душевные качества.

При рассмотрении ответов китайских девушек можно увидеть следующее: для 8 испытуемых внешний вид не играет роли, в 13 случаях привлекательными считаются социально успешные и активные отцы, указывается так же желаемая привлекательность (высокий рост и широкие плечи), также считается привлекательной аккуратность отца.

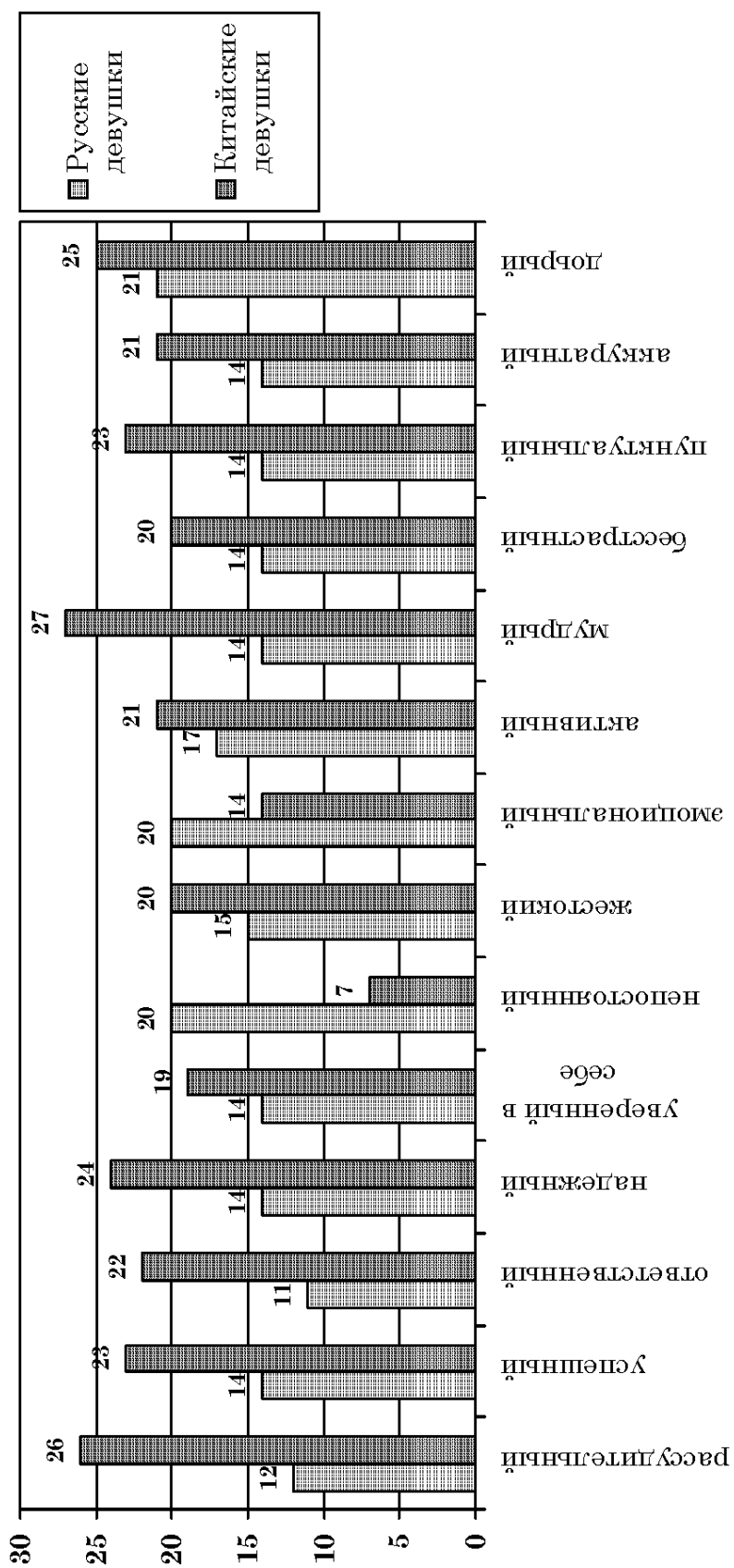
Обращая внимание на незаконченные предложения, касающиеся ценностных ориентаций отца, то есть основных мотивов поведения, можно увидеть следующее: и русские и девушки из Китая отмечают высокий процент приверженности отцов карьере (21 респондент Китая; 17 респондент России) и семье (12 русских опрошиваемых, 21 опрошиваемые Китая). Независимость мужчин (отцов) признают и считают положительным проявлением 6 китайских девушек из 30, 5 из 30 относятся к независимости отцов негативно. Русские испытуемые позитивно смотрят на независимость отцов в 18 случаях из 30, негативно в 5 случаях. В 3 случаях была замечена крайне негативное отношение к мужской независимости, так как у испытуемых России она связывалась с угрозой своему благополучию.

Корректировка личности – это те качества или поведение, которое хотелось бы в той или иной мере изменить дочерям. Русские испытуемые отметили, что им хотелось бы изменить в отце: излишнюю легкомысленность, тягу к алкогольным напиткам, и, как уже упоминалось ранее, необоснованное негативное поведение в семье. На незаконченное предложение № 16: «Самое худшее, что может сделать отец...» 19 русских и 17 китайских респондентов ответили: ударить (причинить боль). В последующей беседе было выявлено, что русские девушки подразумевают под высказыванием: «причинить боль» – физическое наказание, для китайских девушек это же высказывание может означать физическое воздействие (в 5 случаях из 17) и моральные страдания (в 12 случаях из 17).

Важно помнить, что отец для дочерей является первым объектом

Диаграмма 1

Оценка основных качеств личности отца (по числу опрошенных)

противоположного пола и бессознательно фиксируется в качестве идеальной модели мужчины, формируя представление о мужчинах в целом, влияя на последующие отношения дочери с противоположным полом.

Таким образом, выявлено, что образ отца оказывает огромное влияние на всю последующую жизнь дочери и доказано, что роль отца в семье незаменима при формировании гармоничной, психически здоровой и духовно развитой личности. На основе рассмотрения исторических фактов и элементов культуры выявлены традиционные образы представления об отце, и при рассмотрении последних данных особенно ярко видны изменения этого образа, его большая вариативность, что позволяет создавать типологии отцов.

Учитывая все вышеизложенное подтверждается гипотеза о различии образа отца в восприятии девушек России и Китая по личностным, физическим и поведенческим характеристикам, так как в России переоценка и социализация женщины в семье и обществе имела место быть не несколько веков ранее, нежели в Китае. Полученные в исследовании данные ясно указывают на различие представлений об отце, и дают надежду на то, что, зная отличия и особенности восприятия у девушек, семьи России и Китая смогут создавать более позитивно настроенных к отцам и поиску партнеров в жизни дочерей, сильных, открытых и женственных.

Литература

1. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 707 с.
2. Доменак Ж.-Л., Хуа Ш. Семейные отношения в Китае: Пер. с франц. М., 1991. 236 с.
3. Иваницкий В. Русская женщина в эпоху «Домостроя»/ Общественные науки и современность, 1995, № 3. 172 с.
4. Коростылева Л.А. Проблема самореализации личности в системе наук о человеке. Психологические проблемы самореализации личности, под ред. А.А. Крылова, Л.А. Коростылевой. СПб, 1997. 247 с.
5. Клецина И.С. Гендерная социализация: Учебное пособие. СПб, 1998.
6. Мусаткина В.А. Образ отца в восприятии русских и китайских девушек на примере учащихся ВГУЭС, // XI международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых исследователей «Интеллектуальный потенциал вузов на развитие Дальневосточного региона России и стран АТР», 2009.
7. Наричын Н.Н., Отцы и дочери [Электронный ресурс] URL: <http://health.familydoctor.ru/journal/index.php-id=29&d=619.htm> – [Дата обращения: 10.11.2009]
8. Нечаева Н.А. Идеал женщины в структуре гендерных картин мира. Гендерные тетради. Выпуск второй, под. ред. А.А. Клецина. СПб, 1999, 290 с.
9. Тамаш Берецки «Сексуальный импринтинг» [Электронный ресурс] URL: <http://www.sunhome.ru/psychology/13156> [Дата обращения: 02.02. 2009]
10. Хвостов А.А., Афонасенко Е.В. Моральное сознание двух культур: китайская и российская молодежь // Развитие личности. 2002. № 2. с. 49–60

УДК 323.26

Торшилова О.А.

Органы внутренних дел в борьбе с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны

Police in the fight against gang in the Great Patriotic war

В статье рассмотрены некоторые проявления и основные аспекты борьбы с бандитизмом в годы Великой Отечественной войны. В условиях чрезвычайной ситуации органы внутренних дел были вынуждены наряду с выполнением повседневных задач противоборствовать дезертирству, вражеской агентурной деятельности, террористическому подполью. Согласно имеющимся данным, особо опасный вид преступной деятельности – бандитизм, имел небывалый размах в военные годы. Анализ факторов, способствовавших обострению криминогенной обстановки, и методов по борьбе с бандитизмом посвящена данная статья.

Ключевые слова: органы внутренних дел, бандитизм, оружие, дезертирство, Чечня, Ингушетия, Прибалтика.

The article deals with some of the manifestations and basic aspects of fighting against gang in the Great Patriotic War. In emergencies, Ministry of Internal Affairs were forced to row with everyday tasks oppose desertion, hostile intelligence activities of the terrorist underground. According to available data, a particularly dangerous kind of criminal activity – robbery, had an unprecedented scale during the war. Analysis of factors contributing to aggravate the crime situation and methods to combat gang violence are subjects of this article.

Key words: the internal affairs bodies, banditry, weapons, desertion, Chechnya, Ingushetia, the Baltics.

Нападение фашистской Германии на Советский Союз явилось тяжелейшим испытанием, ведь помимо непрекращающихся военных действий на многочисленных фронтах, советским войскам приходилось также отражать полчища вражеских шпионов, агентов, диверсантов, террористов, стремящихся посеять озлобленность и национальную рознь

в рядах граждан.

Поэтому Коммунистическая партия и Советское правительство с первых дней войны поставили перед органами внутренних дел задачу обеспечить надежную охрану тыла от диверсионных действий фашистской агентуры, дезорганизаторов, вести борьбу с преступностью. Для решения этой задачи НКВД СССР имел в своем распоряжении органы государственной безопасности, милицию, войска по охране тыла, истребительные батальоны. С помощью только истребительных батальонов в 1942 году на территории Азербайджанской и Грузинской союзных республик, Московской, Воронежской, Калининской, Вологодской и Ярославской областей было задержано свыше 400 гитлеровских агентов [5, с. 217].

Работники милиции выявляли вражеских лазутчиков в процессе проведения операций по проверке документов в поездах, жилых домах, при паспортизации населения. Война заметно усложнила деятельность милиции по предотвращению, раскрытию преступлений и розыску преступников. Быстрое продвижение противника в первые месяцы войны вызвало большую миграцию населения из западных в центральные и восточные области страны. Эвакуировались в глубокий тыл многие предприятия, колхозы и совхозы. Огромные ценности требовали усиленной охраны. Бомбардировки вражеской авиацией крупных населенных пунктов нередко порождали панику, что создавало благоприятную обстановку для преступных элементов и усложняло работу уголовного розыска. Уже в первые месяцы войны милиция лишилась значительной части своего общественного актива: бригадмильцев, сельских исполнителей. Эти хорошо налаженные в мирное время связи пришлось восстанавливать заново в военных условиях. Уход в Красную Армию многих опытных оперативных сотрудников уголовного розыска также усложнял борьбу с преступностью. Большой объем работы приходилось выполнять с меньшим личным составом. Уголовному розыску с самого начала войны пришлось столкнуться с новыми видами преступлений, которых не было в мирное время: дезертирством, уклонением от призыва и службы в армии, мародерством, распространением провокационных слухов. От работников милиции требовались высокая бдительность, оперативное мастерство, чтобы в огромной массе эвакуированных людей обнаружить преступников, вражеских агентов и умело обезвредить их.

Помимо вышеперечисленного, фактором, влияющим на увеличение показателей преступности, являлась доступность оружия. Дезертиры, преступники-рецидивисты, завладев оружием, объединялись в вооруженные банды, группы и совершали убийства, разбои, кражи государственного и личного имущества. Борьба с этими преступниками требовала от работников милиции большого напряжения сил и мужества. Крайне тяжелое положение в начале 1942 года создалось в городах Средней Азии: Ташкенте, Алма-Ате, Фрунзе, Джамбуле, Чимкенте и др., где организованные шайки преступников совершали дерзкие, опасные преступления: убийства, разбои, изнасилования, крупные кражи. По указанию ГКО НКВД СССР командировал в Ташкент бригаду Главного управления милиции во главе с начальником отдела уголовного розыска А.М. Овчинниковым. В течение месяца в городе и его пригородах бригада обезвредила ряд крупных вооруженных банд. По приговору военного трибунала несколько бандитов были расстреляны. Решительные меры по наведению порядка в Ташкенте способствовали укреплению порядка и в других городах Средней Азии [1, с. 21].

«Начиная войну с нашей страной, немцы, среди прочего, рассчитывали разыграть «националистическую карту». Частично им это удалось» [4]. Наиболее охваченными политическим и уголовным бандитиз-

мом явились горные и предгорные районы Кавказа, чье население было более подвержено антисоветской пропаганде. В горных районах Чечено-Ингушской АССР создавались политические антисоветские организации (ОПКБ- «объединенная партия кавказских братьев», ЧГНСПО – «чечено-горская национальная социалистическая подпольная организация») [2, с. 84]. Их руководителями становятся вчерашние коммунисты, бывшие ответственные районные работники.

Начало войны повлекло за собой серию бандитских вылазок в Шатойском, Галанчожском и Чеберлоевском районах. За август-ноябрь 1941 года в них приняло участие до 800 бандитов. Их основной организатор и идеолог – Хасан Исраилов – центральная фигура повстанческого движения в Чечено-Ингушетии в период войны. Представитель национальной интеллигенции, партработник, а затем адвокат, Исраилов с началом войны перешел на нелегальное положение и создал так называемую «Национал-социалистическую партию кавказских братьев» (НСПКБ). Он вовлек в эту партию значительное количество враждебных Советской власти лиц и руководил деятельностью образованных из их числа повстанческих отрядов вплоть до 1944 года [8].

Не менее известную роль играл в организации вооруженных выступлений и Майрбек Шерипов, кстати, брат известного чеченского революционера, героя Гражданской войны Асланбека Шерипова. В октябре 1941 года Майрбек Шерипов также перешел на нелегальное положение, основал свою профашистскую партию – «Чечено-Горскую национал-социалистическую подпольную организацию» (ЧГНСПО), сколотил ряд бандгрупп, в которых собрал множество дезертиров и преступных элементов. «Партийные ячейки» и бандгруппы были созданы в подавляющем большинстве сел горной Чечни и Ингушетии, Исраилов и Шерипов установили связь с немецким командованием... [8].

Банды пополнялись, главным образом, за счет дезертиров из рядов РККА. По первой массовой мобилизации в республике в августе-сентябре 1941 года из подлежащих призыву в строительные батальоны уклонилось от явки на призывные пункты 269 и дезертировало в пути следования 450 человек. Из 8000 мобилизованных в армию в Ростове оказалось только 2500 человек. По дополнительной мобилизации лиц 1922 года рождения в октябре 1941 года уклонилось от явки 362 призывника из 4733. Из сформированной решением ГКО в декабре-январе в ЧИАССР 114-й национальной дивизии на март 1942 года дезертировало 850 человек [8].

Сорвана была и вторая массовая мобилизация в марте 1942 года. Несмотря на то, что ее продлили до апреля, вместо 14577 человек мобилизовано было только около 10 тысяч. Уклонялись от призыва даже члены ВКП(б), ВЛКСМ, ответработники, председатели и парторги колхозов. 23 марта 1942 года со станции Моздок сбежал депутат Верховного Совета ЧИАССР Дага Дадаев, и с ним, поддавшись его агитации, бежало еще 22 человека [8].

К концу марта 1942 года общая численность дезертиров и уклонившихся от мобилизации достигала 13500 человек. (Характерно, что в очередном донесении на имя немецкого командования от 4 июля 1942 года Хасан Исраилов сообщал, что возглавляемая им организация насчитывает на 1 июня 1942 года 15672 бойца). В этих условиях в апреле 1942 года был издан приказ Наркомата обороны об отмене призыва в армию чеченцев и ингушей [8].

Провалился и дополнительный набор добровольцев, объявленный в республике по просьбе Чечено-Ингушского обкома. По плану НКЮ в январе-феврале 1943 года должно было быть призвано 3 тысячи человек, однако из так называемого «добровольного призыва» дезертировало до 7

марта 1943 года 1872 военнообязанных. Среди сбежавших в пути следования «добровольцев» были представители партийно-советского актива: секретарь Гудермесского райкома Арсанукаев, завотделом Веденского райкома Магомаев, секретарь обкома ВЛКСМ по военной работе Маргазалиев, второй секретарь Гудермесского РК ВЛКСМ Таймасханов, председатель Галанчожского райисполкома Хаяури [8].

Правительство не имело возможности надежно опереться на местную чеченскую администрацию. Что она собой представляла, показывает пример НКВД республики, который возглавлял капитан госбезопасности С.И. Албогачиев, родственники которого входили в состав бандитских отрядов в Назрани. Султан Албогачиев не выполнял своих обязательств по борьбе с бандитизмом, он, скорее, выступал его пособником. Об этом свидетельствуют протоколы заседаний бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б):

15 июля 1941 года: «Нарком тов. Албогачиев не укрепил организационно наркомат, не сплотил работников и не организовал активной борьбы с бандитизмом и дезертирством».

Начало августа 1941 года: «Албогачиев, возглавляя НКВД, всеми путями отмежевывается от участия в борьбе с террористами».

9 ноября 1941 года: «Наркомат внутренних дел (нарком т. Албогачиев) не выполнил постановления бюро Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) от 25-го июля 1941 года, борьба с бандитизмом до последнего времени строилась на пассивных методах, в результате бандитизм не только не ликвидирован, а наоборот активизировал свои действия» [3, с. 83].

Приказом НКВД СССР № 1812 от 2 сентября 1943 г. С.И. Албогачиев был смещен и заменен В.А. Дроздовым, который возглавлял в НКВД отдел по борьбе с бандитизмом.

Помимо активных бандитов существовали и «легализовавшиеся» участники банд формирований, спрятавшие оружие в ожидании удобного момента для нанесения удара в спину Красной Армии. Что касается масштабов их деятельности. С июля 1941-го по 1944 год только на той территории Чечено-Ингушской АССР, которая впоследствии была преобразована в Грозненскую область, органами госбезопасности было уничтожено 197 банд. При этом, общие безвозвратные потери бандитов составили 4532 человек: 657 убито, 2762 захвачено, 1113 явились с повинной. Таким образом, в рядах бандформирований, воевавших против Красной Армии, погибло и попало в плен почти вдвое больше чеченцев и ингушей, чем на фронте [4]. А поскольку без пособничества местного населения в здешных условиях бандитизм невозможен, многих «мирных чеченцев» можно также с чистой совестью отнести к предателям.

Подобная картина имела место и в ряде других районов, в частности в Белоруссии, Украине, Молдавии, Прибалтике.

Во время Великой Отечественной войны и в первые годы после ее окончания в Прибалтике резко возросло количество вооруженных банд. Можно много и долго рассуждать о политических мотивах деятельности «лесных братьев» (так именовали эти бандформирования), их стремлении добиться независимости своей родины, но используемые этими людьми методы – убийства и грабежи – ничем не отличались от действий обычных банд уголовников, которых итак было очень много. Да и формы борьбы за независимость, которые активно использовали повстанцы, однозначно трактовались действующим тогда уголовным кодексом, как бандитизм. Достаточно процитировать статью 59-3 Уголовного кодекса 1926 года: «бандитизм, т.е. организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановка поездов и разрушение желез-

нодорожных путей и иных средств сообщений и связи». Эта норма существовала, без каких бы то ни было изменений, вплоть до принятия нового Закона об уголовной ответственности за государственные преступления в 1958 году [6]. «Лесные братья» старались дезорганизовать тыл фронта Красной Армии: разрушали линии связи, мосты, обстреливали и нападали на группы двигающихся по дорогам подразделений Красной Армии, милиции и истребительных батальонов, мешали движению автомобилей на шоссе, арестовывали представителей местных волостных исполкомов и препятствовали функционированию советской власти. В то же самое время ободряли и привлекали к себе в леса подлежащих призыву и мобилизации, препятствовали исполнению приказаний по реквизиции лошадей и скота и отдаче обязательных норм. Скот угоняли на укрытие в леса и старались спасти имущество от уничтожения. Также выступали силой против групп истребительных батальонов и Красной Армии, являвшихся на места для совершения истреблений или облав на «лесных братьев».

Политический бандитизм принял на территории Прибалтики особый размах, он исходил и подпитывался непосредственно самими правящими верхами. В Литве с середины 1920-х существовал профашистский режим. Руководители Эстонии к началу Второй Мировой войны находились на содержании у немцев. Поэтому, неудивительно, что, на территории Эстонии летом 1941 года действовала диверсионная группа «Эрна», численностью до 1800 человек, а в Финляндии с мая 1941 года функционировала группа «Эрна-2», готовившая под руководством немецких инструкторов диверсантов для заброски в Эстонию. В течение Великой Отечественной войны из состава этой группы было заброшено на советскую территорию около 2,4 тыс. диверсантов. В лесах Литвы, имевшей непосредственную границу с Германией, помимо националистических группировок, скрывались части литовской армии, не подчинившиеся советской власти [6].

Когда летом 1944 года советские войска начали освобождать страны Балтии, то в Москве прекрасно понимали, что боевые действия в этом регионе не закончатся после отступления фашистской армии и капитуляции национальных армейских частей. По сравнению с 1940 годом ситуация усугублялась тем, что на территории прибалтийских республик скопилось огромное количество оружия и боеприпасов, имелись профессионально подготовленные солдаты (многочисленные национальные батальоны и вспомогательные части немецкой армии, укомплектованные местными жителями), да и само население было настроено достаточно антисоветски. Например, новую власть в Литве в первый месяц ее существования поддерживали только 14 % населения. По состоянию на декабрь 1944 года более 33 тысяч мужчин находилось на нелегальном положении [6]. Правда, большей частью не из-за нелюбви к Советам, а потому, что многие из них во время оккупации служили немецкой власти и теперь справедливо опасались наказания.

Партизанское движение, именуемое «лесными братьями», послужило прародителем для формирования целой сети организаций «Омакайтсе» («Самозащита»), возглавляемой фашистами. Их деятельность главным образом сводилась к проведению облав на группы советских войск. Посредством облав задержали 14 парашютистов, 5632 партизан и 20989 красноармейцев. Всего 26635 человек, действовавших в интересах Красной Армии. При сопротивлении на облавах было убито 2657 и ранено 54 красноармейцев, людей из истребительных батальонов или милиции. Потери «Омакайтсе» при этом были: 84 убитых, 3 умерших от ран и 102 раненых [7, с. 84].

В связи со сложной обстановкой в районах боевых действий и тыла

органами НКВД проводились усиленные меры по борьбе с бандитизмом. По состоянию на 1 апреля 1942 г. из лиц, задержанных органами разведки войск НКВД охраны тыла, разоблачено: шпионов, террористов, диверсантов и бандитов – 1627; ставленников немецких властей, пособников врага, и прочего криминального элемента – 3798 [7, с. 85]. С начала войны и вплоть до конца 1942 г. органами НКВД проведена значительная работа по борьбе с бандитизмом, однако, наряду с этим в ряде республик, краев и областей продолжали безнаказанно укрываться дезертиры и уклонившиеся от службы в Красной Армии, за счет которых, в основном, и происходит пополнение существующих и организация новых бандитских групп. 10 декабря 1942 г. была издана директива НКВД СССР № 553 о мерах по усилению борьбы с бандитизмом и дезертирством, согласно которой, осуществляемые действия необходимо было дополнить:

1) внедрением в существующие бандитско-дезертирские формирования агентов-внутренников, способных подвести их под оперативный удар;

2) созданием специальной агентурно-осведомительной сети из числа лесных объездчиков, охотников, чабанов и иных лиц, могущих обеспечить необходимое наблюдение за бандитами;

3) деятельностью по выявлению пособничества и родственных связей бандитов и дезертиров и обеспечением их осведомлением;

4) практикой по привлечению в национальных районах местных авторитетов к делу отрыва рядовых участников бандитско-дезертирских групп от их главарей с использованием их по ликвидации или изъятию бандитов и дезертиров;

5) ускорением выполнения директивы НКВД СССР о заочном предании суду как исполнителей Родины дезертиров, принимающих активное участие в бандитско-повстанческих формированиях, а дела на членов семей лиц этой категории представить на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР.

Ежегодно органами НКВД проводился анализ деятельности по борьбе с бандитизмом, в частности, за 1943 г. войсками НКВД по охране тыла фронтов ликвидировано 114 бандитских групп с общим количеством участников 636 человек и арестовано 160 бандитов-одиночек. Бандитский элемент состоял преимущественно из ставленников и пособников немецких оккупантов и бывших военнослужащих Красной Армии, дезертировавших из частей и ставших на путь бандитизма.

Наиболее пораженными бандитским элементом оказались тылы 1-го, 2-го, 3-го, 4-го Украинских и бывшего Северо-Кавказского фронтов, где было ликвидировано и арестовано 604 бандита.

У агентуры противника и бандитов изъято: ручных пулеметов – 4; винтовок 391; пистолетов и револьверов – 89; гранат – 109; взрывчатого вещества – 75 кг; радиостанций – 10 [7, с. 118].

Ожесточенный характер приобрела борьба с преступностью на освобожденных от врага территориях, где уголовная преступность тесно переплеталась с бандитизмом и организованным гитлеровцами националистическим подпольем.

Согласно уголовному законодательству, бандитизм представлял собой особо опасный вид преступной деятельности, направленной против государства. Костяком бандитских формирований были члены различных националистических организаций, агенты фашистской разведки, предатели, уголовные элементы. Работа по борьбе с подобными преступными проявлениями велась органами внутренних дел на протяжении всего военного времени. Это нашло отражение в создании ведомственных директив и приказов, которые свидетельствовали о расшире-

нии сети отделов и отделений по борьбе с бандитизмом. Однако, в силу сложившейся обстановки, органы внутренних дел были не в состоянии возложить на себя всю тяжесть работы в данном направлении, что привело к тесному взаимодействию с министерством госбезопасности. Помимо вышеперечисленного, военная обстановка требовала более широкого использования агентурно-розыскной деятельности, т.к. именно благодаря этому методу был возможен контроль за дезертирами и беглецами из мест заключения и ссылки. Также проводились изменения кадрового состава. Обстановка требовала самых решительных мер. Народный Комиссариат Внутренних Дел СССР, понимая всю важность этой проблемы, оказывал всемерную помощь освобожденным районам

Литература

1. Алексеенков А.Е. Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.: историко-политический аспект: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / С.-Петерб. гос. ун-т. СПб., 1995. 38 с.
2. Вечканов В.Э. Войска НКВД в борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе / В.Э. Вечканов // Внутренние войска в годы войны. С. 83-87
3. Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941-1945гг. Документы и материалы. М.: Юридическая литература, 1975 г. 561 с.
4. Историк Игорь Пыхалов рассказывает о борьбе с бандитизмом на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной. Единое Отечество. 2008. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.otechestvo.org.ua/main/20081/2828.htm>
5. Косицын А.П. Советская милиция: история и современность: 1917-1987/ А.П. Косицын, Р.С. Мулукаев, С.В. Биленко. М.: Юрид. лит., 1987. 336 с.
6. Лесные братья и партизанская война в Прибалтике в 1944-1952 гг. Мировая война. 2010. [Электрон. ресурс] URL: <http://mirovayavoina.com>.
7. НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939-1956). Сборник документов/ под ред. Ю.Н. Морукова. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. 640 с.
8. Чечня, 1941-1944: фронт за линией фронта. По рассекреченным данным Центрального архива ФСБ РФ. Ежемесячный военно-патриотический историко-культурный альманах «Карелия». 2002. № 2. [Электрон. ресурс] URL: <http://www.gov.karelia.ru/Karelia/861/46.html>

УДК 32.027.21

Калугина М.А.

Политическое сознание современной студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России

Political consciousness of students of small and medium-sized cities in the Far East of Russia

В статье раскрываются содержательные характеристики политического сознания современной студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России. Выявляются причины мозаичности, перманентности политических ориентаций и ценностей. Дается анализ результатов исследования мотивационных и когнитивных составляющих политического сознания, восприятия студентами ценностей демократии. Предлагается идея создания целевой программы ценностно-политического воспитания студенчества малых и средних городов через социокультурную деятельность вузов.

Ключевые слова: *политическое сознание, политические ценности и ориентации, студенческая молодежь, малые и средние города, Дальний Восток России, агенты политической социализации, ценностно-политическое воспитание*

In this publication informative characteristics of political consciousness of students of small and medium-sized cities in the Far East of Russia. Identify the causes of patchiness, the permanency of political orientations and values. We give an analysis of the results of the study of motivational and cognitive components of political consciousness, perception of students the values of democracy. Proposed idea of a target program of value-political education of students of small and medium-sized cities through sociocultural activities universities.

Key words: *political consciousness, political values and orientation, the students, small and medium-sized cities, the Far East of Russia, the agents of political socialization, values and political education*

В начале 90-х годов XX века с развитием рыночных отношений, предполагающих развитие конкурентоспособного хозяйства был сформирован социальный заказ малых и средних городов на создание собственных образовательных учреждений, выпускающих специалистов с высшим образованием. В настоящее время малых и средних городах Дальнего Востока России функционируют двенадцать вузов, их филиалы представительства. Несмотря на некоторую хаотичность, присущую становлению института высшего образования в малых и средних городах, к настоящему моменту уже сформировалась совершенноновая для данных территориальных сообществ социальная группа – студенческая

молодежь.

Исследования, посвященные молодежи в политике широко представлены работами зарубежных и отечественных авторов. Проблемы стратификации, социального взаимодействия и социализации членов общества разрабатывались в трудах М. Вебера, Г. Маркузе, А. Маслоу, Т. Парсонса, П.А. Сорокина, А. Дж. Тойнби, К. Ясперса [1; 8; 9; 10; 13; 16; 17; 19; 20]. Проблемам нравственности, активной гражданской позиции в условиях социально-экономических реформ посвящены исследования В.Т. Лисовского [7]. Анализ связи политических ценностей с системой потребностей, мотивационной сферой поведения молодежи и комплексом социальных ожиданий в форме «жизненных планов» представлен исследованиями таких отечественных авторов как Д.Л. Константиновский, О.В. Суровова, В.Ф. Костюкевич, В.Г. Пирожников, Т.И. Заславская [3; 4; 5; 6; 11; 14]. Вопросы становления политического сознания студенческой молодежи в современной российской провинции освещаются в работах В. В. Гаврилюк, Г.С. Сухобской, О.П. Сольского [2; 12; 15]. Однако в политологических исследованиях сравнительно редко исследуются политические ценности и ориентации современного российского студенчества малых и средних городов, а также способы формирования его политического сознания.

Индивидуальное сознание, с которым студент вовлекается в мир политики, чаще носит предполитический характер. Зачастую индивидуум автоматически выполняет политическую роль, еще не выяснив своих реальных жизненных интересов и приоритетов, не осознав своего подлинного гражданского статуса. О собственно политическом уровне представлений человека о власти и властных отношениях можно вести речь только тогда, когда он более или менее осознает свои социальные и политические интересы, чувствует свою групповую идентичность, может сопоставить свои интересы интересами других социальных групп.

Характерная черта нынешнего политического сознания студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России – отсутствие системы политических знаний, оценок и убеждений. Данный феномен является следствием отхода от прежних идеалов, их дискредитация СМИ, под давлением которых у студентов не может выработаться собственная система политических ценностей, возникают сомнения по различным поводам, появляется тенденция к нигилизму. Студенты все чаще прибегают к механической имитации образцов политического поведения, что усиливает возможность политического манипулирования в ее негативном проявлении.

На восприятие политической действительности, а, следовательно, и на содержание политического сознания современной студенческой молодежи заметное влияние оказывают особенности их общей социализации. Те ценности и знания об окружающем мире, которые индивид приобрел на первом ее этапе, становятся частью его мировоззрения на долгое время. Первичная социализация современной студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России (1990-1992 годов рождения) проходила в период либерализации всех сторон общественной жизни, отказа от прежних социалистических ценностей. Это вызвало некоторую идейную дезориентацию и отсутствие четкой системы политических взглядов.

Необходимо отметить, что восприятие молодым человеком окружающей его политической действительности индивидуально и, в большей степени, эгоцентрично. Выпускники школ, жители малых и средних городов, поступая в высшие учебные заведения, перестают находиться под постоянным контролем своих родителей. Они получают возможность уже самостоятельно определять свой выбор. Будучи еще не обремененны-

ми ни семьей, ни работой, студенты воспринимают и принимают лишь то, что интересно, в идейном плане близко их взглядам или выгодно.

Для выявления уровня информационно-теоретической базы, политических ориентаций и ценностей студенческой молодежи малых и средних городов Дальнего Востока России в 2007-2009 гг. проведено исследование политических ценностей и ориентаций 215 студентов вузов малых и средних городов Дальнего Востока России: Петропавловска-Камчатского, Благовещенска, Артема, Находки, Уссурийска, Партизанска методом случайной выборки¹. Помимо анкетирования, анкета которого включала 50 вопросов, для изучения мотивационных и когнитивных составляющих политического сознания, применялась проективная методика рисуночного теста [18] – студенты в произвольной форме рисовали, то, как они видят современную российскую политическую действительность, как приобщаются к миру политики и как идентифицируют с ним себя.

Анализ результатов анкет показал, что у студентов не существует четкой системы знаний в отношении политической действительности, их представления о политике размыты, неточны и представляют собой лишь набор некоторых базовых понятий и определений, которые в большей степени связаны не столько с политикой, сколько с общественном устройством и общественным развитием в целом. Только 27% от общего числа респондентов смогли дать более – менее точную характеристику таким понятиям как демократия, либерализм, консерватизм, коммунизм, социализм, авторитаризм и тоталитаризм. Студенты перечислили следующие политические партии современной России: ЛДПР – 93%, КПРФ – 87%, Единую Россию – 97%, СПС – 52%, Яблоко – 77% (приведенное процентное соотношение больше 100 %, так как респонденты могли называть все партии современной России, которые они знают).

В анкету был включен персонифицированный ряд фамилий политических деятелей современной России для того, чтобы оценить знания студентов о тех функциях, которые данные деятели выполняют. Результаты анкеты указывают на то, что более 60 % студентов знают лишь первых политиков страны или региона, а также глав своих городов. Определить перечень их должностных обязанностей многие респонденты не смогли, заметив лишь, что данные персоны имеют очень важное политическое или государственное значение.

Нами также анализировалось восприятие студенческой молодежью ценностей демократии как базового понятия современной российской политической культуры. Респонденты в открытых вопросах анкеты описывали, как они понимают и воспринимают в идеале и российской политической практике такие демократические ценности, как свобода, закон, частная собственность, власть народа.

Анализ ответов обобщенных в таблице 1 показывает, что, ставшие частью политического процесса современного российского общества, демократические ценности в политическом сознании студентов получили некую гибридную форму, специфический конгломерат авторитаризма – демократии – анархии. В политических оценках и предпочтениях современного студенчества усиливается поддержка авторитарных действий существующей власти. 73% опрошенной студенческой молодежи важнейшим качеством президента называют силу. Ценности либерализма находят поддержку у 42 % респондентов. Значительная часть опрошенных являются в той или иной мере сторонниками режима «жесткой руки».

Зависимость политических ориентаций от материального благосо-

¹ Исследование проводилось по инициативе автора при организационной и технической поддержке отдела социологических и маркетинговых исследований филиала ВГУЭС в г. Находке.

Таблица 1

Понятия	Восприятие демократических ценностей в идеале	Восприятие студентами демократических ценностей сквозь призму политического процесса современной России
Свобода	Моя свобода заканчивается там, где начинается свобода другого. Всегда подразумевает ответственность за свой выбор.	Всегда ассоциируется с вольностью, или даже больше – с вседозволенностью (ни один из опрошенных не указал на связь с ответственностью).
Закон	Он превыше всего, един как для отдельного гражданина, так и для государства, как политического и правового института.	Закон имеет «человеческое лицо», важно, чтобы в правоохранительных органах и во властных структурах были «свои люди», тогда возможно использовать традиционную русскую поговорку: «Закон что дышло – куда повернул, туда и вышло».
Частная собственность	Основа демократического государства, формирует отношение к себе как к полноценному актору политический, властных отношений.	Несмотря на официальное признание, в сознании российского человека существует как что-то временное и, причем, обязательно данное государством, следовательно, им может быть и отобрано. Жива еще историческая память отмены частной собственности в Советской России: 65% опрошенных уверены, что национализация может опять повториться.
Власть народа	Реально существующая власть на всех уровнях управления общественными отношениями.	Власть народа только провозглашена. Находящийся в зависимом положении практически с IX века, русский человек не всегда осознает, что он уже свободен. Российская патриархальная политическая культура народа воспринимает политических лидеров как власть, которой нужно подчиняться, а не как представителей от народа, которые вообще-то исполняют волю народа и ответственны перед ним (только 12% опрошенных смогли назвать депутатов от своего округа в представительных и законодательных органах власти). У российского человека даже не возникает мысли, что он реально может осуществлять политику.

стояния прослеживается в том, что у студентов, чей семейный доход составляет более пятидесяти тысяч рублей в месяц, наблюдается высокая ориентация на западные ценности и нормы жизни.

Результаты проведенного исследования показывают, что групповое политическое сознание студенчества малых и средних городов Дальнего Востока России представляет собой мозаичную картину, без четко выраженной идеологической окраски, с тенденцией к персонифицированному восприятию политической действительности.

У студентов наблюдается стереотипное восприятие власти. Эта стереотипность, прежде всего, проявляется в моральной оценке власти: 59 % согласились с утверждением «власть ворует везде и у нас в городе тоже». При восприятии политической действительности прослеживается яркая тенденция к негативной оценке законодательных органов вла-

сти. На наш взгляд, это еще раз доказывает существование у молодежи склонности к сильной, возможно и авторитарной, власти, а также персонафицированность в восприятии политики.

Стереотипность политического сознания студенческой молодежи также проявляется в ответах на вопрос: «Если Вы не ходите на выборы, то почему?». Около 30% респондентов дали один и тот же ответ: «Мой голос ничего не решит».

Оценка студентами городских СМИ не однозначна: оппозиционные – вызывают как интерес, так и определенную усталость от негатива, не оппозиционные – воспринимаются как традиционная популяризация власти: пропагандируемые положительные результаты развития региона и страны не соотносятся с реальным материальным положением.

На вопрос: «Как Вы оцениваете городскую власть?» ответы респондентов разделились на две противоположные группы: 30% оценивают власть негативно, прежде всего, указывая на ее несамостоятельность и большую зависимость от «центра» или криминальных структур, 60% относятся к власти более положительно, чем отрицательно или нейтрально, возлагают на неё надежды в развитии города..

На вопрос: «Кого из руководителей органов местного самоуправления Вы знаете?» более 75% назвали глав городов и председателей городских дум. Иногда более «читающие» респонденты вместо собственно главы называли глав центральных городов в крае или области, что подтверждает определённый интерес студентов к взаимоотношениям властных структур в регионе. Но этот интерес нельзя назвать активным и постоянным, согласно опросу, у студентов отсутствуют элементарные знания о политических событиях, происходящих как в регионе, так и в стране в целом.

Семья как агент первичной политической социализации у современного студенчества не имеет должного политического авторитета. Дети уважают и любят родителей, но из-за того факта, что студенты стали свидетелями политической ресоциализации собственных родителей, которая чаще проходила еще сложнее, чем социализация студентов, не видят в родителях тех, кто стал бы активным, а главное объективным агентом формирования политического сознания студенческой молодежи.

Анализ оценки политических партий, как одних из основных агентов формирования политического сознания, показывает их низкий потенциал. Партии не находят активной поддержки у студенчества (лишь 1,5 % респондентов состоят в каких-либо общественных организациях или партиях). На наш взгляд, в малых и средних городах еще не сформировался институт партийности, обеспечивающий артикуляцию и представительство в структурах власти интересов студенческой молодежи.

Раскрывая когнитивный компонент политического сознания, мы отразили уровень интереса и участия студентов в деятельности партий. Большую активность студенты приписывают партии «Единая Россия», но обозначить круг их реального политического участия в жизни города и региона не могут. Данные результатов опроса показывают, что около половины опрошенных студентов (46%) не только не понимают роли политических партий в их собственной жизни, но и не могут раскрыть понятие «политическая партия», обозначить круг функций этого политического субъекта. Уровень участия студентов малых и средних городов Дальнего Востока России в политической жизни отражает низкий интерес к политике.

– 50% опрошенных не принимают активного участия в политической жизни, так как не считают это возможным и необходимым;

– 25% респондентов не принимают участия, но хотели бы;

– 15 % заявили, что участие в политике противоречит их нравственным установкам.

Возможность влиять на политику не вызывает большого интереса у студентов, хотя 37% считают, что участие в выборах органов власти – основное средство влияния на политическую ситуацию, 18% видят возможность данного влияния в участии населения в демонстрациях и митингах.

Применяя проективную методику рисуночного теста, была сделана попытка определить эмоциональную составляющую восприятия политической жизни.

В представлении студенчества «России политической» 73% рисунков содержат разрыв между властью и народом, который визуальным образом представлен пропастью, рекой или даже разными планетами. Это говорит о существующей отстраненности народа от власти, авласти, в свою очередь, от самого народа в восприятии студенческой молодежи.

Большинство рисунков содержат Кремль, но если на одних он выступает объективно силой, то на других (и таких большинство) расценивается негативно как вторжение и влияние на местную власть. Власть в большинстве рисунков представлена либо персонифицирована, либо в образе животных и чаще имеет негативную окраску. Так, например, власть – это слон, а народ – Моська.

Государственные символы в основном представлены традиционными гербом, флагом и гимном, часто встречается уже упомянутый выше Кремль, на некоторых рисунках символом государства показана водка.

Студенты отобразили довольно ярко свое место и свою значимость в политике в рисунках, видя себя «овечкой», «дубиной», «чайником», «черным квадратом», политика для них сложный лабиринт.

Политическая власть в городах, по мнению большинства студентов, принадлежит криминальным и олигархическим структурам.

Персонифицированное восприятие политики заметно и на местном уровне. С главой города местная политика ассоциируется практически у 60% респондентов. Также анализ рисунков показывает, что, по мнению студентов, отношения между представителями различных уровней региональной власти скорее строятся на межличностной основе, чем официально.

Институционально местная власть представлена зданиями городской администрации и представительных органов лишь у 8% студентов, персонифицированное восприятие политики наблюдается в отношении всех уровней власти: от федеральной до муниципальной.

Анализ содержания политического сознания студенчества показывает, что назвать этот феномен сформированным политическим сознанием нет возможности. Мы можем говорить о предполитическом сознании или о существовании набора политических ориентаций, предпочтений, мнений и т.п. Теоретический вакуум, который наблюдается у студентов в отношении знаний о политике, отсутствие групповой политической идентификации, противоречивое восприятие политического процесса и институтов власти, большая значимость эмоционально-чувственного восприятия, чем рационального осознания, не позволяет нам говорить о высоком уровне политического сознания студенческой молодежи исследуемого региона.

В ходе исследования выявилась еще одна особенность восприятия политической действительности: большая часть студенчества не готова к восприятию политической информации в силу своей политической необразованности. К сожалению, политическое сознание большинства студентов вузов отличается и социальным пессимизмом, сохраняющейся отчужденностью к политике и управлению.

Таким образом, исходя из результатов исследования, на наш взгляд, в рамках национальной молодежной политики России в целях национальной безопасности необходима разработка федеральной программы по формированию политических ориентаций и ценностей студенческой молодежи. Она должна предусматривать как возрастные, так и социально-экономические особенности данной социальной группы, чтобы процесс политической социализации был целенаправленным и эффективным. Учитывая низкую политическую активность студенчества малых и средних городов Дальнего Востока России в реализации своих политических прав и их отстраненность от реальной политики, наиболее эффективным агентом политической социализации может стать высшее учебное заведение, а ее механизмом – ценностно-политический компонент воспитательной и образовательной деятельности вуза.

Литература

1. Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994;
2. Гаврилюк В.В. Провинциальная молодежь эпохи перемен. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005. 129 с.;
3. Заславская М.Б. Формирование активной жизненной позиции учащейся молодежи. Алма-Ата: Знание КазССР, 1981. 46 с.;
4. Заславская Т.И. Современное Российское общество: соц. механизм трансформации. М.: Дело. 2004. 398 с.
5. Константиновский Д.Л. Молодежь 90-х: самоопределение в новой реальности: Проф. ориентации рос. старшеклассников 90-х г.: планы и их реализация. М.: Центр социологии образования РАО, 2000. 222 с.;
6. Костюкевич В.Ф. Политическая социализация молодежи. Мурманск: НИЦ «Пазори». 1998. 185 с.;
7. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России – СПб.: СПбГУП, 2000. 508 с.
8. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ: Ермак, 2003. 331 с.;
9. Маслоу А. Мотивация и личность. 3. изд. М.: Питер, 2003. 351 с.;
10. Парсонс Т. О структуре социального действия / под общ. ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М: Академический проспект, 2002. 877 с.;
11. Пирожников В.Г. Политическая социализация студенческой молодежи в условиях становления новой российской государственности. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2000. 80 с.;
12. Сольский О.П. Особенности политической социализации молодежи в условиях местного сообщества: автореф. дис. ... канд. социол. наук; М., 2004. 21 с.
13. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 1054 с.;
14. Сурова О.В. Политическая социализация молодежи в современной России / под ред. В.М. Долгова. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 169 с.;
15. Сухобская Г.С.. Провинциальное сознание как фактор менталитета современного горожанина // Провинциальная ментальность в прошлом и настоящем: тезисы докладов I конференции по исторической психологии российского сознания (4-7 июля 1994 г., Самара). Самара, 1994. с. 30-31.;
16. Тойнби А.Дж. Постигание истории: сборник. М.: Прогресс, 1996. 606 с.;
17. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Под ред. Д. В. Скляднева. 2 изд. СПб: Наука, 2006. 377 с.

18. Шестопал Е.Б. Политическая психология: Учебник для студентов вузов. 2 изд. М., 2007. 407 с.

19. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. 2 изд. М.: Флинта, 2006. 341 с.;

20. Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. М: Алгоритм, 2007. 269 с.

УДК 37. 02

Севостьянова Н.В.

Роль международного научного сообщества в формировании региональной идентичности Северо-Восточной Азии

Role of the international epistemic community in forming regional identity
of the Northeast Asia

Статья посвящена исследованию позитивной роли, которую в формировании региональной идентичности Северо-Восточной Азии играют академические и университетские сообщества. Первые решают эту задачу через создание международных консорциумов исследовательских институтов для выработки совместных программ развития региона, а вторые за счёт формирования международных университетских партнёрств для реализации исследовательских и образовательных программ.

Ключевые слова: *Северо-Восточная Азия, региональная идентичность, региональные научные и университетские сообщества, международные образовательные программы.*

In this article the author is exploring positive role that epistemic and university communities play in forming Northeast Asia's regional identity. For this purpose the former are creating research institutions' international consortiums to work out joint programs for regional development, while the latter are forming universities' international partnerships to realize research and educational programs.

Key words: *Northeast Asia, regional identity, regional epistemic and university communities, international educational programs.*

Основными показателями для характеристики состояния и уровня международного сотрудничества в регионе являются: динамика развития международных связей, уровень их институционализации, степень выработки взаимоприемлемых норм поведения и чувства региональной идентичности (общности). Результаты анализа выше приведённых показателей применительно к Северо-Восточной Азии (СВА) свидетель-

ствуют о том, что, в условиях слабого интереса государств этого субрегиона к многостороннему взаимодействию, за последние 20 лет ведущими участниками международного сотрудничества в СВА были внутригосударственные регионы и научное сообщество.

Так, со стороны Японии большую активность проявили префектуры западного побережья, такие как Ниигата, Тоттори, Тояма. В начале 90-х годов несколько региональных администраций, в первую очередь, вышеперечисленных японских префектур, а также провинций Цзилинь, Хейлунцзян (КНР), Канвон, Северный Кёнсан, Южный Кёнсан (РК), Приморского и Хабаровского краев (РФ) сформировали ведущую группу по развитию сотрудничества в СВА, сердцевиной которого было развитие взаимосвязей в зоне Японского моря. Инициированные региональными властями многосторонние и двусторонние контакты обеспечили благоприятные условия для развития связей в области бизнеса, образования, научных и культурных обменов. В то же время внутригосударственные регионы, достигнув определённого уровня взаимодействия, оказались не способны добиться качественного повышения уровня международных отношений в СВА в условиях того, что решение многих проблем сотрудничества находилось вне их компетенции.

В этой связи особую значимость приобрёл многосторонний диалог на неправительственном уровне, осуществляемый международными экспертными или «познавательными» сообществами так называемой «второй дорожки» (track II epistemic communities), который внёс существенный вклад в формирование региональной идентичности СВА. В последние двадцать лет значительно возросла региональная научная активность, выразившаяся в проведении многочисленных международных конференций, формировании исследовательских институтов, создании совместных образовательных программ и т.п. За этот период Японией, США, РК и другими странами было осуществлено несколько попыток создания регионального консорциума исследовательских институтов. На рассмотрение организаций так называемой «второй дорожки» научные сообщества стран СВА выносили вопросы, к обсуждению которых в официальном формате государства не готовы. Наиболее эффективными эти усилия оказались в сфере экономических исследований, самыми влиятельными центрами которых стали две международные неправительственные организации (МНПО): Экономический форум СВА (г. Гоналулу, США) и Экономическая конференция СВА (г. Ниигата, Япония).

Обе эти организации ставили перед собой схожие исследовательские задачи, приоритетными среди которых являлись такие, как: изучение проблем и перспектив развития международной транспортной системы, создание регионального энергетического сообщества, поиск моделей для реализации этих проектов и вариантов их финансирования. Высокий уровень проводимых исследований и достижение высокой степени институализации научного сотрудничества (формирование комитетов поддержки в странах-участницах и рабочих групп для координации совместных исследований) позволили этим МНПО оказывать существенное влияние на формирующиеся планы развития транспортной и энергетической инфраструктуры в СВА [3, с. 221-222].

Особую важность в СВА имеет проблема безопасности Корейского полуострова, без урегулирования которой невозможен переход ряда инициатив регионального сотрудничества в практическую плоскость. В этой связи усилия РК по развитию международного научного сотрудничества были направлены преимущественно на достижение главной цели – подключение к нему представителей КНДР. Не только обе Кореи, но и другие страны региона должны внести свой вклад в нормализацию межкорейских отношений [5, p. 8].

Как один из вариантов такого вклада ученые расположенного в Сеуле Института развития Кореи (Korea Development Institute – KDI) предлагают научному сообществу стран СВА принять участие в предназначенных для северных корейцев программах бизнес-образования. В качестве координатора проекта KDI предложил Центр партнёрства в области образования, выступающий ко-спонсором при проведении в странах СВА симпозиумов и семинаров, к участию в которых приглашаются правительственные чиновники и ученые из КНДР. Таким образом, основной задачей проекта является развитие партнерства в образовательной области, в первую очередь между двумя Корейскими государствами, и совместная с другими странами СВА выработка вариантов межкорейского урегулирования [6, р. 11].

Научные сообщества российского Дальнего Востока и северо-восточных провинций КНР в 90-е годы XX века, как правило, не были инициаторами комплексных программ развития многосторонних связей, но активно участвовали в проектах исследований, предлагаемых партнерами по региону. Представители РФ на международных форумах подчеркивали открытость нашей страны для сотрудничества и большой вклад, который она могла бы внести в развитие региона. Особое внимание при этом уделялось наращиванию поставок природных ресурсов, в том числе путём реализации совместных проектов по совершенствованию региональной инфраструктуры на территории Дальнего Востока, Восточной Сибири и Корейского полуострова. Такой подход детерминирован тем, что сотрудничество со странами СВА рассматривается как один из компонентов государственной стратегии РФ, направленной на приоритетное развитие Дальнего Востока.

В целом, многосторонние проекты сотрудничества, предложенные научным сообществом и основанные на совместном использовании природных и производственных ресурсов региона, позволили, с одной стороны, привлечь внимание к его социально-экономическим проблемам и предложить меры для их решения, с другой – внести существенный вклад в формирование чувства региональной общности СВА. Так, после многих лет обсуждений на уровне научного сообщества, часть из вышеупомянутых проектов развития инфраструктуры перешла либо в стадию активного межправительственного диалога (соединение Транссибирской и Транскорейской железнодорожных магистралей), либо – практической реализации (строительство магистральных нефте- и газопроводов из Восточной Сибири и с Сахалина в страны Восточной Азии).

Не менее значимый вклад, по сравнению с академической наукой, в формирование идентичности СВА внесли представители университетского сообщества за счёт создания региональных университетских сетей, реализации международных исследовательских и образовательных программ.

Большую активность в этой области в последние годы предпринимают университеты РК. Так, попытку развития регионального сотрудничества в области образования, науки и социального взаимодействия предпринял Каннский (провинция Канвон) национальный университет (Kangnung National University), по инициативе которого в ноябре 2001 г. была создана Сеть прибрежных академических и исследовательских институтов КЛАРИНЕТ (The Coastal Linkage of Academic and research Institutions' Network in Northeast Asia – CLARINET). В её состав на этапе формирования вошли: по два университета и исследовательских института от Приморского края (ДВГУ и МГУ им. Невельского), префектуры Ниигата (Япония), провинции Цзилинь (КНР), и по одному от провинций Канвон и Южный Кёнсан (РК), а также Туманьский секретариат.

В 2003 г. деловым и университетским сообществом РК был инициирован ещё один проект «Поиск путей делового и экономического сотрудничества между нациями вдоль «Шёлкового пути», нацеленный на формирование региональной сети академического сотрудничества. При поддержке корейской ассоциации менеджмента «Логос», участники проекта – представители группы университетов РК, Китая, РФ, Монголии, Узбекистана¹ – проводят ежегодные конференции в одной из стран-участниц. В ходе конференций они обсуждают, как вопросы регионального экономического сотрудничества, так и более широкую повестку расширения академических контактов, академической мобильности и т.п.

Что касается России, то за последние годы только вузами Владивостока было инициировано несколько проектов международных исследований, вызвавших большой интерес у российской научной общественности и иностранных экспертов. Несколько значимых проектов было проведено ДВГУ, в том числе в 2002 и 2004 гг. две конференции в рамках Межрегионального института общественных наук (МИОН) по единой тематике: «Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век». Большой интерес вызвал проведённый в 2003-2005 гг. совместный с Азиатско-Тихоокеанским Центром исследований безопасности (г. Гонолулу) научный проект на тему: «Вызовы XXI века и политика безопасности в АТР: взгляд из России и США» [1, с. 96]. Из последних мероприятий МИОН можно выделить научно-практическую конференцию «Российско-китайское взаимодействие: опыт институционального и научного сотрудничества» (2007 г.), а также межрегиональный сетевой проект «Будущее России: взгляд из центра и регионов» (2006-2008 гг.). Более 10 лет проводятся международные конференции FIELTA, где осуществляется сотрудничество в плане обмена опытом по обучению иностранным языкам студентов стран Тихоокеанского региона.

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса (ВГУЭС) выбрал одним из направлений исследований изучение различных аспектов международного сотрудничества в СВА, результаты которых были обсуждены на четырёх представительных международных конференциях, посвящённых исследованию проблем, как ниже указано (2001 г. – безопасности, 2003 г. и 2005 г. – экономики и торговли, 2004 г. – образования и науки). В 2005 г. ВГУЭС выступил площадкой для проведения ежегодного заседания Транспортной группы АТЭС, что стало первым опытом для этой МПО по проведению мероприятия на базе университета с подключением для его обеспечения значительного числа студентов.

Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского, в свою очередь, провел две международные конференции, посвященные неправительственному диалогу о территориальных спорах в АТР (2002 и 2003 гг.). Оба мероприятия с привлечением дальневосточных, московских и иностранных экспертов характеризовались высокой содержательностью диалога и позволили привлечь к этой важной проблематике должное внимание. В развитие этой острой тематики в 2008 г. в университете была организована научная конференция на тему: «Япония: шесть десятилетий без права на войну».

При повышении важности научной составляющей, основным приоритетом в деятельности российских университетов остаётся образовательная деятельность. Глобализация в этой сфере ведёт к тому, что всё большее число студентов стремится получить качественное образование за пределами своей страны, и действие этой тенденции в Азии не меньше, чем в других регионах мира. В свою очередь, российские универси-

¹ Россию в этом международном проекте представляет ВГУЭС. Ожидается также подключение к нему на постоянной основе университетов Киргизии и Вьетнама.

теты заинтересованы, чтобы у них учились иностранные студенты. Это позволяет получать дополнительные финансовые средства, совершенствовать учебные программы с учётом специфики других культур и т.д. Активные обмены преподавателями и студентами также способствуют расширению профессионального кругозора первых и глубины знаний вторых, что в целом работает на повышение конкурентоспособности университета [2, с. 299].

Учитывая, что за последнюю четверть века международная академическая мобильность возросла более, чем на 30%, очевидна та роль, которая отводится в современном мире университетам как центрам подготовки специалистов нового поколения. Это побуждает вузы реформировать программы и учебные планы и выходить на международный рынок образовательных услуг. В концепции реформы высшего образования в России было подчеркнуто, что интернационализация образования и экспорт образовательных услуг являются неотъемлемой задачей развития Российской высшей школы.

Важным элементом в деятельности университетов на пути интернационализации стало создание национальных центров образования и культуры. Так в ДВГУ, ВГУЭС и ряде других вузов созданы Центры образования Республики Корея, которые проводят большую просветительскую работу по пропаганде корейской культуры и языка на Российском Дальнем Востоке. В 1995г. совместно с Министерством иностранных дел Японии ДВГУ создал Японский центр, где японские и российские специалисты проводят семинары по экономике и управлению, обучают бизнесменов японскому языку, пропагандируют культуру Японии. При Восточном институте работают Центры китайского языка и индийской культуры, которые позволяют лучше понять специфику этих восточных стран.

Дальневосточный политехнический университет занимается разработкой программы, являющейся составной частью международного проекта ЮНИКОМ/Россия, предусматривающего создание национальной академической системы базы данных знаний Российских вузов. Выполнение этой работы способствует интеграции отечественной высшей школы в мировое научно-образовательное пространство.

Для развития экспорта образовательных услуг вузы предлагают специальные программы по обучению иностранных граждан русскому языку, что способствует успешному освоению основной специальности. Уже в начале и середине 90-х годов в вузах Владивостока были созданы структуры, предназначенные для предоставления иностранцам возможности изучения, в первую очередь, русского языка, например, такие как: Русский колледж для иностранных граждан (ДВГУ), Центр обучения русскому языку как иностранному (ДВГТУ), Факультет русского языка для иностранцев (ВГУЭС) и другие. Для обучения русскому языку в вузах Дальнего Востока разработаны специальные пособия, созданы специализированные кафедры, центры тестирования и т.д.

Другой важнейшей сферой деятельности вузов в интеграционном процессе является заключение договоров о сотрудничестве с зарубежными университетами. Это даёт возможность не только иностранным студентам получать российское высшее образование, но и российским студентам обучаться в зарубежных университетах. Первым опытом в этом направлении стал совместный проект ДВГУ и Мэрилендского университета по созданию Российско-американского факультета, где студенты ДВГУ могут получать диплом бакалавра Мэрилендского университета по специальности «менеджмент» и диплом ДВГУ по специальности «мировая экономика». Приобретённый опыт позволил усилить влияние российского образования в регионе. Так, в г. Хакодате в 1994 г. был открыт

филиал ДВГУ в Японии, предоставляющий гражданам этой страны возможность получить российское образование.

Во ВГУЭС следует выделить активно развивающееся сотрудничество с американскими и китайскими университетами: с Калифорнийским государственным университетом, Хейвард, Калифорнийским политехническим университетом, Помона – по реализации программ магистратуры; а также с университетом Аляска Анкоридж, Институтом международного образования (г. Циндао, КНР) – по программам бакалавриата.

За последнее десятилетие во многих вузах Дальнего Востока произошло значительное увеличение числа иностранных, преимущественно, китайских студентов, что объясняется ростом интереса к российскому образованию. Последнее вызвано улучшением экономической ситуации в РФ и желанием китайских граждан развивать собственный и совместный бизнес в России. С другой стороны, на Дальнем Востоке нашей страны также появляется интерес к получению образования в Китае, что является залогом успеха совместной работы в этой области.

В интересах повышения эффективности экспорта образовательных услуг, дальневосточные университеты принимают меры для создания конкурентоспособной на мировом и региональном уровнях инфраструктуры набора, обучения и жизнеобеспечения иностранных студентов. Они включают в себя программы по рекламированию образовательных возможностей вузов за рубежом; создание современных информационно-образовательных комплексов; открытие международных центров культурного сотрудничества, строительство комфортабельных общежитий и т.п.

Ускоренное развитие дальневосточными вузами международных академических обменов и совместных образовательных программ позволяет готовить специалистов, как правило, получающих дипломы о высшем образовании сразу двух стран региона, что способствует развитию «региональности» СВА. Реализуемые в дальневосточных университетах РФ совместно с зарубежными партнёрами программы бакалавриата можно поделить на две категории:

1. Рассчитанные на российских студентов программы, базовым для которых является английский язык. В этом случае первые два года студенты учатся в российском вузе, а последующие два года – в одной из англо-говорящих стран (США, Австралия, Новая Зеландия). По данной схеме созданы и успешно работают совместные программы обучения, предусматривающие выдачу двух дипломов бакалавра: между ДВГУ и Мэрилендским университетом (США); между Дальневосточным государственным университетом путей сообщения (г. Хабаровск) и Университетом Аляска (УАА) (г. Анкоридж, США); между ВГУЭС и УАА; между ВГУЭС и университетом ЮНИТЕК (Новая Зеландия).

2. Рассчитанные на иностранных студентов программы, базовым для которых является русский язык. В этом случае первые два года студенты учатся в иностранном (в настоящее время – преимущественно, китайском) вузе, а последующие два года – в российском. По такой схеме созданы и успешно работают совместные программы обучения, предусматривающие выдачу дипломов бакалавра: ВГУЭС и Института международного образования (г. Циндао); ВГУЭС и Дэчжоуского университета (оба – провинция Шаньдун, КНР); ДВГУ и Хейлунцзянского университета (г. Харбин, КНР); ДВГУ и Даляньского университета иностранных языков (КНР).

Еще одним вариантом подготовки иностранных студентов в России по совместным программам бакалавриата является обучение их в течение не четырёх, а пяти лет. По моделям, предусматривающим бо-

лее длительную подготовку по русскому языку, успешно функционируют программы: между Дальневосточным государственным техническим университетом (ДВГТУ) и Хейлуцзянским научно-техническим институтом (г. Харбин) (модель «1+2+2»: первый, четвертый и пятый год – в КНР, второй и третий – в РФ); между Дальневосточным государственным техническим рыбохозяйственным университетом (ДАЛЬРЫБВТУЗ) и Северо-восточным сельскохозяйственным университетом (г. Харбин); между ДАЛЬРЫБВТУЗом и Даляньским рыбохозяйственным университетом (модель обучения – «2,5 + 2,5» – первая половина обучения осуществляется в КНР).

Обе модели совместных программ бакалавриата (в течение 4 и 5 лет) имеют свои преимущества и недостатки, и требуется анализ качества обучения и подготовки выпускников за более длительный период, чтобы сделать вывод об их сравнительной эффективности. В целом же предпринятые дальневосточными вузами меры обеспечили позитивную динамику роста экспорта российских образовательных услуг. Так, например, в 2001 г. во ВГУЭС обучалось 23 иностранных студента, а в 2008г. в этом университете только во Владивостоке обучалось более 650 иностранных студентов [4, с. 127-128].

Приведённые данные свидетельствуют о том, что, хотя рынок образовательных услуг в АТР во многом сформировался, Россия способна бороться за расширение своего сегмента этого рынка. При этом тот факт, что в университетах Дальнего Востока обучается значительное число китайских студентов, работает на перспективу укрепления двусторонних отношений РФ с КНР, и способен внести особый вклад в формирование региональной идентичности СВА. Одновременно в своем развитии дальневосточные вузы активно используют богатый передовой опыт зарубежных вузов. Декларируя приверженность принципам Болонского процесса, они уделяют большое внимание одновременной интеграции, как в европейское, так и азиатско-тихоокеанское образовательные пространства, что обусловлено спецификой Дальневосточного региона России.

Литература

1. Курилов В.И., Дикарев В.П. Роль университетов в региональном развитии. // Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Под ред. В.Н. Соколова. Владивосток, ДВГУ, 2004. с. 91-99.
2. Лебедева М.М. Мировая политика. – М.: Аспект Пресс, 2007. 365 с.
3. Севастьянова Н.В. Международное сотрудничество как средство интеграции вузов Приморья в мировое образовательное и научное пространство. // Дальний Восток России: условия и проблемы экономической интеграции в АТР. Под ред. А.А. Исаева. Владивосток, ВГУЭС, 2005. с. 220-229.
4. Севастьянов С.В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии. Владивосток, ВГУЭС, 2009. 212 с.
5. Jo D. The Improvement of Inter-Korean Economic Relations Requires Active Regional Cooperation // NIRA Policy Research. 2002. Vol. 15, # 2. P.7-9.
6. Park J. Proposals for Inter-Korean Knowledge Partnership // NIRA Policy Research. 2002. Vol. 15, # 2. P.10-13.

Бурлаков В.А.

**Интеграция продолжается ...
(рецензия на книгу А.Л. Лукина «Интеграционные
процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском
регионе: политика, экономика, безопасность».
Владивосток, 2009.)**

**Integration continues ...
(The review of A.L. Lukin's book «Integration processes and institutions
in the Asia-Pacific region: policy, economy, security.» Vladivostok, 2009.)**

В рецензии рассматривается монография А.Л. Лукина «Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политика, экономика, безопасность». Основное внимание уделяется теоретическим аспектам процесса интеграции в регионе АТР и проблемам политики России в регионе.

Ключевые слова: *интеграция, безопасность, Азиатско-Тихоокеанский регион, интеграционные институты, региональные международные организации*

In this review examined Lukin's monography «Integrations processes and institutes in Asia-Pacific region: politics, economy, security». The basic attention is given to theoretical aspects of process of integration in Asia-Pacific region and problems of Russian policy in the region.

Key words: *integration, security, Asia-Pacific region, integrating institutions, regional and international organizations.*

Проблема интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе представляется нам слишком многогранной и разносторонней, чтобы уместить ее в рамки какого-либо одного, пусть и комплексного исследования. Экономическое, политическое, культурное и цивилизационное многообразие делает регион АТР настолько уникальным образованием, что невольно встает вопрос о принципиальной возможности действенного сотрудни-

чества между странами и народами его составляющими. Однако упрямая реальность дает нам массу примеров, когда казалось бы непримиримые антагонисты налаживают вполне успешные контакты и взаимодействие. Необходимо лишь внимательно вникать в сущность происходящего и искать закономерности и условия успешного сотрудничества.

В этом контексте нет ничего удивительного в том, что авторы вновь и вновь обращаются к данной проблеме, находя все новые ее аспекты. Монография Лукина А.Л. в этом ряду не исключение, а логическое продолжение сложившейся общенаучной тенденции.

Автор рецензируемой работы подходит к определению предмета довольно широко, пытаясь объединить экономические и политические аспекты региональных интеграционных процессов. С

одной стороны, это позволяет комплексно осветить всю совокупность особенностей интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но с другой – не дает автору возможности глубже рассмотреть некоторые важные аспекты проблемы. Автору постоянно приходится лавировать между целесообразностью более глубокого анализа и ограниченностью объема монографии. Однако системность в подаче материала и строгая последовательность повествования делают данную монографию великолепным учебным пособием. Кроме того, автор четко фиксирует теоретические проблемы, вокруг которых может быть развита дальнейшая плодотворная дискуссия.

Прежде чем переходить к рассмотрению региональных интеграционных процессов, Лукин А.Л. вполне логично ставит ряд теоретических вопросов, наиболее существенным (и, пожалуй, наиболее дискуссионным) из которых является вопрос о сущности самого процесса интеграции. На странице 16 он предлагает три определения данного термина. Каждое определение само по себе заслуживает внимания и может быть использовано в качестве отправной точки для анализа. Однако в совокупности они лишь усложняют картину. Так, если мы примем определение интеграции, как «более глубокое, активное и интенсивное сотрудничество, которое может выражаться в реализации совместных проектов и программ, создании общих межгосударственных структур, координации политики соответствующих государств и т.п.» (с. 16), то нам придется признать уже достаточно высокую степень интегрированности большинства государств мира не только на региональном, но и на глобальном уровнях. А это в принципе лишает проблему интеграции предметного наполнения.

Понимание же интеграции как «снижение или полное устранение барьеров для экономических и других контактов между государствами, т.е. создание единого экономического, информационного, визового и т.п. пространства», или как «углубление взаимодействия и сотрудничества государств до такой степени, что происходит их слияние в единый комплекс, единый организм» (с. 16) (при том, что второе определение является логическим развитием первого), ставит жесткий вопрос о критериях единства интеграционного сообщества. Без определения таких критериев остается неясным, что считать, а что не считать интеграционным сообществом и какова конечная цель интеграции.

Констатируя многообразие определений понятия «интеграция», автор, к сожалению, не указывает, которое из них он будет использовать в качестве базового для своего анализа. По сути, Лукин А.Л. лишь намеками дает понять, что увязывает процессы интеграции с формированием соответствующих институтов (с. 23-24).

Другой теоретической проблемой, к которой обращается автор монографии, является вопрос о природе и границах Азиатско-Тихоокеанского региона. Природа АТР определяется им через понятие регионализма, под которым понимается «сознательно направляемый процесс развития и углубления сотрудничества между странами, принадлежащими к данному региону» (с. 36). Автор справедливо подчеркивает объективную природу регионализма, причем как «жесткого», так и «мягкого». Следуя авторской логике, необходимо признать АТР продуктом интеллектуальной деятельности «эпистемологических сообществ», конструирующих пространственные очертания региона. Иными словами, при формировании АТР первична идея азиатско-тихоокеанского регионализма, которая в свою очередь должна детерминировать регионализацию. Но в этом случае каждой конфигурации региона должна соответствовать какая-либо идея. В ряде мест монографии (например, с. 111-120) автор указывает на наличие противоречий в процессе формирования Азиатско-тихоокеанского сообщества и особенно на неоднозначность состава этого сообщества. Тем удивительнее кажется та растерянность, с которой автор, предлагая шесть подходов к определению границ АТР, пытается свести их к одному знаменателю, объединить их в единое целое.

Совершенно очевидно, что за каждым подходом к определению границ Азиатско-Тихоокеанского региона стоит самостоятельная идея регионализма, идея, которая пытается найти то общее, что должно стать реальной основой для интеграционных процессов. В этом плане ключевым должен стать вопрос, сводимы ли в единое целое уже сформировавшиеся регионалистические идеи, возможно ли примирить, например, восточно-азиатский регионализм с латиноамериканским. При этом очевидно, что восточно-азиатский регионализм явно претендует на роль фундаментальной основы интеграции, и именно страны Восточной Азии рассматриваются в качестве ключевого элемента интеграционного сообщества.

В седьмой главе Лукин А.Л. подробно останавливается на проблеме восточно-азиатского регионализма, подчеркивая его ведущую роль. Однако насколько достаточной является высказанная автором идея противопоставления Азии Европе? На основе прочитанного невольно создается впечатление, что лейтмотивом восточно-азиатской идеи регионализма является положение «Азия – это не Европа». Автор не пытается проследить дальнейшее развитие восточно-азиатской идеи регионализма, а потому остается неясным, является ли подобное положение единственно существующим или это всего лишь временная реакция стран и народов региона на колониционную политику европейских стран в недалеком прошлом. Остается также неясным, достаточно ли такой идеи

для формирования подлинной основы интеграции. Этот вопрос является достаточно существенным, если учесть заинтересованность таких стран, как Австралия и Новая Зеландия, которые азиатскими никак не назовешь, в расширении всего комплекса отношений со странами Восточной Азии.

Центральной интеграционной структурой в Азиатско-Тихоокеанском регионе, безусловно, следует считать Форум «Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества». Вероятно, именно поэтому Форуму в монографии посвящена самая объемная (десятая) глава. Однако остается констатировать тот факт, что в своем рассказе автор следует устоявшимся точкам зрения, не пытаясь самостоятельно проанализировать и критически осмыслить значение АТЭС. За подобным описанием истории формирования Форума, череды встреч и саммитов, системы органов управления, к сожалению, скрывается простое повторение уже неоднократно высказанных и подробно рассмотренных положений.

Так, автор подчеркивает определяющее в процессе формирования АТЭС значение принципа «открытого регионализма» (с. 164). Основное положение принципа Лукин А.Л. формулирует следующим образом: «... члены форума, наращивая внутрорегиональное сотрудничество, одновременно должны становиться более открытыми для остального мира» (с. 164). Однако автор игнорирует тот факт, что в подобной формулировке принцип «открытого регионализма» не может не быть уязвим для критики. Явная доктринальность и туманность формулировки делает «открытый регионализм» хорошей теоретической ширмой, за которой скрываются подлинные интересы стран АТЭС. Он позволяет очень много говорить об интеграции, но не делать для этого ничего.

Кстати, сам автор в следующей (11-й) главе, разбирая позиции ключевых региональных факторов, косвенно это подтверждает. По прочтении возникает устойчивое ощущение, что Форум АТЭС, создававшийся для решения, прежде всего, экономических задач, существует только по политическим мотивам. Для ведущих стран АТР Форум выступает в качестве политической площадки или дискуссионного клуба. Главная цель такого клуба состоит не в стимулировании экономической интеграции. Большинство принимаемых в ходе саммитов документов носят декларативный и рекомендательный характер. Основопологающим становится стимулирование двусторонних контактов и обеспечение идеологического и политического доминирования таких стран, как США и Япония. Соединенные Штаты Америки, например, по сути лишь транслируют на АТР свое собственное видение мировой ситуации, в которой сами себе отводят роль мирового лидера. Японии же важно не допустить чрезмерного усиления своих экономических конкурентов в регионе и поднять свой политический статус, который до сих пор рассматривается сквозь призму японо-американских отношений.

Именно этим и определяются слабые позиции России в АТР вообще и в АТЭС, в частности. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сообщество не нуждается в новых игроках, претендующих хотя бы на региональное доминирование. Россия не вписывается в либеральные парадигмы АТЭС не потому, что не признает их, а потому, что таковые явно противоречат российским интересам в регионе.

Завершая обзор монографии Лукина А.Л., следует остановиться еще на одной ее особенности. Выводя подзаголовки «политика, экономика, безопасность», автор, к сожалению, непропорционально мало внимания уделил первой и последней составляющим. Можно согласиться с тем, что по уровню конфликтности АТР уступает другим регионам планеты. Но это не значит, что данный регион совершенно лишен проблем,

способных перерасти в широкомасштабные конфликты. Чего стоят такие дестабилизирующие факторы, как Северная Корея с ядерными амбициями и периодическими обострениями вокруг ее ядерной программы, перманентное китайско-тайваньское противоречие, целый набор территориальных споров и конфликтов в Восточной Азии, сепаратистские тенденции в ряде государств региона (например, в Китае, Индонезии, Малайзии). Все эти факторы Лукин рассматривает лишь вскользь. Совершенно же остались без внимания автора такие проблемы, как двустороннее военно-политическое сотрудничество между США и Японией, США и Австралией и Новой Зеландией, США и Южной Кореей. В рамках Форума АТЭС все эти проблемы как бы выводятся за скобки. Но в рамках АТР они определяют ежедневную политику государств региона, формируя своего рода атмосферу сотрудничества, и соответственно влияют на региональные интеграционные процессы. Даже нефункциональный подход к интеграции, разводящий по разным сферам экономическое, политическое и культурное взаимодействие, предполагает возможность «перелива», процесса, когда решение ключевых проблем тянет за собой решение смежных. В этой связи игнорировать политическую составляющую представляется совершенно недопустимым.

В целом же, можно констатировать, что воздействие целого комплекса различных факторов, делает интеграционные процессы в АТР слишком противоречивыми и разнонаправленными. Последовательно и системно автор монографии проводит этот главный тезис. С ним можно соглашаться или пытаться опровергнуть. Поле для дискуссии открыто. Более глубокий анализ происходящих процессов и вскрытие реальных факторов, влияющих на них, должны создать необходимые условия для комплексного понимания происходящего.

Лукин Л.А.

Ученые из Владивостока приняли участие в Конвенте Ассоциации международных исследований в Новом Орлеане

**Scientists from Vladivostok took part in the Convention of the International
Studies Association in New Orleans**

17-20 февраля этого года в Новом Орлеане (США, Луизиана) состоялся ежегодный Конвент Ассоциации международных исследований (International Studies Association, ISA). Это мероприятие является самым крупным и представительным форумом ученых-международников всего мира. Несколько слов о самой Ассоциации. ISA была основана в 1959 году группой ученых и практиков в сфере международных отношений. Сейчас она насчитывает свыше четырех тысяч членов из восьмидесяти стран, в том числе России. Ассоциация организует конференции и ежегодные конвенты, издает научные журналы, поддерживает свой веб-сайт (<http://www.isanet.org>).

Главная тема Конвента – 2010 была сформулирована организаторами так: «Теория и политика: соединяя ученых и практиков». Масштабы съезда международных исследователей в Новом Орлеане не могли не впечатлять. Здесь собрались свыше 4200 человек со всех концов света. Программа была настолько обширна, что все секции не вместились даже в огромный комплекс гостиницы «Хилтон», и был задействован еще один отель.

Тематика секций (панелей) охватывала практически все актуальные сегодня направления в теории и практике международных отношений. Перечислим основные из них (в алфавитном порядке в соответствии с англоязычным списком): Активные методы обучения в международных отношениях; Сравнительные междисциплинарные исследования; Дипломатические исследования; Английская школа в теории международных отношений; Экологические исследования; Исследования этничности, национализма и миграций; Теория феминизма и гендерные исследования; Анализ внешней политики; Проблемы глобального развития; Права человека; Исследования проблем разведки и спецслужб; Международная коммуникация; Международное образование; Между-

народная политическая экономия; Международная политическая социология; Исследования международной безопасности; Исследования мира; Пост-коммунистические государства.

В рамках этих направлений было организовано несколько сотен панелей. Тем, кто приехал на Конвент, действительно было из чего выбрать! Были устроены и специальные мероприятия. Например, проведены «именные» круглые столы, на которых чествовали титанов современной международно-политической науки, таких как Кеннет Уолтц и Джозеф Най.

Если проанализировать многостраничный список участников Конвента, то сразу бросается в глаза, что большинство из них представляют США, Канаду и Британию. Это неудивительно, поскольку именно эти англосаксонские страны остаются пока бесспорными лидерами по уровню институционального развития науки о международных отношениях. Немало было немцев, латиноамериканцев, японцев, южных корейцев. Зато бросалось в глаза почти полное отсутствие ученых из Франции и Китая. Игнорирование Конвента французами вполне объяснимо: у них собственная школа международных исследований и особая позиция в отношении англосаксонской науки. Что касается отсутствия материковых китайцев (хотя ученых и аспирантов китайского происхождения, работающих и обучающихся на Западе, в Новом Орлеане было много), то здесь ситуация более загадочная. Возможно, международно-политическая наука в КНР еще не достигла того уровня открытости, которая позволяла бы ученым и экспертам свободно выезжать на подобные мероприятия.

В списке участников было немало и русских фамилий. Это были как ученые из России (преимущественно из Москвы и МГИМО), так и русские, обосновавшиеся на Западе. Причем во второй группе явно преобладали женщины, как правило, до 35 лет. С одной стороны, радует, что наши целеустремленные и умные девушки получают работу в ведущих западных университетах. С другой стороны, печально, что Россия теряет молодых и талантливых, поскольку большинство из уехавших, насколько можно судить, уже вряд ли вернутся на родину и связывают свою дальнейшую судьбу с работой на Западе.

Владивосток был представлен на Конвенте двумя учеными из ДВГУ. Это заведующая кафедрой международных отношений Владивостокского института международных отношений ДВГУ Тамара Троякова и доцент этой же кафедры Артем Лукин. Т. Троякова приняла участие в круглом столе «Снова разнообразие: российские регионы и мировой кризис». А. Лукин выступил с докладом на секции «Политическая и экономическая эволюция в российских регионах», тема его выступления – «Международная интеграция российского Дальнего Востока: либеральная и государственническая модели».

Если говорить о российской тематике на Конвенте, то был организован целый ряд секций, посвященных внешней и внутренней политике нашей страны. Однако повышенного интереса они к себе явно не привлекли. И это отражает объективную реальность. Россия по-прежнему является важным игроком, но по своему влиянию уже заметно уступает другим центрам силы, например, Китаю.

Следующий Конгресс Ассоциации международных исследований состоится в марте 2011 года в Монреале. В принципе, участие в нем открыто для всех желающих специалистов-международников. Главное – владение английским языком и возможность оплатить расходы на поездку. Теоретически существует возможность получить у ISA трэвел-грант, хотя, разумеется, их количество ограничено.

С материалами Конвента в Новом Орлеане, а также других мероприятий можно ознакомиться с помощью веб-сайта ISA. Многие участни-

ки Конвента-2010 разместили свои доклады онлайн в свободном доступе (<http://www.isanet.org/neworleans2010/isa-2010-paper-archive.html>). Действует удобная поисковая система по авторам, темам и ключевым словам.

Барбенко Я.А.

ХII всероссийская конференция молодых учёных «История и культура Дальневосточной России и стран АТР»

**XII-th allrussian conference of young scientists «History and Culture of Far
Eastern Russia and the Pacific Rim Countries»**

В двенадцатый раз собрались в этом апреле молодые гуманитарии на традиционное биеннале – конференцию молодых учёных. Структура конференции оказалась очень интересной – помимо пленарных и секционных заседаний, а также традиционного в последние годы выезда участников для осмотра исторических достопримечательностей, в конференцию были включены видеомост с Благовещенском и круглый стол. Секционные заседания также были весьма разнообразны, демонстрируя не только динамику интересов сообщества молодых учёных-гуманитариев, но и трансформацию курирующей конференцию организации – Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Тематика секционных заседаний включала проблемы 1) международных отношений; 2) истории и современности стран АТР; 3) археологии, палеоэкологии, антропологии и этнографии США; 4) истории и современности Дальнего Востока (см. программу конференции [1]).

Однако наибольший интерес представляют, на мой взгляд, видеомост с Амурским государственным университетом (г. Благовещенск) «Человек фронта: общие и особенные черты» и круглый стол «Азиатско-тихоокеанский регион: искусство проведения границ», площадку для которого предоставил Дальневосточный технический госуниверситет.

Видеомост был посвящён лекции (как определил жанр своего выступления сам докладчик) А.П. Забияко, д. ф. н., проф. АмГУ, «Человек фронта: общие и особенные черты». Характеризуя степень исследованности данной проблемы, докладчик отметил малую её изученность как местными, дальневосточными, историками, так и исследователями из центра.

Докладчик подошёл к определению человека фронта через его сознание: человек фронта – человек, живущий в порубежье, носитель фронтирной ментальности. Специфика фронта (а сибирский и дальневосточный фронтиры непохожи) сказывается и на особенностях культуры и сознания населения фронта.

Сравнивая американский фронт с русским, А.П. Забияко поставил перед аудиторией вопрос: почему Сибирь не откололась от России так, как откололись американские колонии от европейских метрополий? Участники видеомоста предложили несколько объяснений: осознание евроазиатской сущности России сибиряками и невозможность с их сто-

роны разрушить «наследство Чингисхана»; экономическая слабость Сибири; психологическая зависимость русских колонистов и промышленников в Сибири от русского центра, необходимость царя в картине мира русского человека; отсутствие морской преграды, Сибирь как естественное продолжение России на восток. В разной степени согласившись со всеми предложенными вариантами, докладчик сделал акцент на значимой роли государства в России и тем более – в отношении восточных окраин России. В дальневосточной истории XVII в. существуют примеры объективно необязательной, но субъективно важной апелляции казаков-амурцев к царю в отношениях с аборигенами. Таким образом, специфической чертой фронтирного сознания на Дальнем Востоке является представление людей о себе как о мобилизованных для решения государственных задач. Безусловно, подобный образ мышления свойствен не всем дальневосточникам, но их большинству.

Другой специфической чертой дальневосточной ментальности автор называет открытость для контакта с другими культурами. С XVII в. русские добровольно уходили жить в Китай, сегодня мы видим множество таких примеров. Частным случаем этого явления можно назвать позицию амурских и уссурийских казаков, ставивших свои, подчас не всегда легальные, отношения с китайцами выше тех функций, что возложило на них государство. Открытость свойственна и религиозному сознанию дальневосточников – религиозное строительство на крайнем востоке России отставало от иных аспектов колонизации, что порождало некий религиозный вакуум, заполнявшийся отличными от государственного православия учениями раскольников, сектантов, аборигенов, китайцев.

По окончании лекции в рамках дискуссии владивостокская аудитория задала благовещенской несколько вопросов. Ю.В. Латушко усомнился в высокой степени этатизма русских, которые уходили в Сибирь от контроля государства. На это А.П. Забияко ответил, что существующий сегодня вольный, антиэтатистский образ русских колонистов Сибири сложился под влиянием демократически настроенных обозревателей русской колонизации рубежа XIX – XX вв. Русские, особенно крестьяне, не были носителями демократической идеи, они не бежали от государства, наоборот – государство их мобилизовало. АВ. Поповкин в своём вопросе, обращаясь к положению докладчика о синкретизме религиозных взглядов русских на Дальнем Востоке, указал на то, что староверы, например, не могли заимствовать у китайцев элементы их религии. Если можно говорить о религиозном синкретизме, то следует его искать в круге христианских учений. А.П. Забияко согласился с оценкой положения староверов, но указал на китайское влияние на православных. В итоге обсуждения стороны сошлись на том, что корректнее говорить о синкретизме не религиозного, но обывательского сознания. Вопрос В.А. Пасмурцева был связан с анализом терпимости и открытости человека фронта: мобилизация всегда происходит «против», а значит о сотрудничестве говорить не приходится. Отвечая на это, А.П. Забияко указал на ситуативный характер фронтирного менталитета – в условиях опасности человек фронта нетерпим, в условиях мира – толерантен.

В заключение встречи Владивосток и Благовещенск поделились позитивным впечатлением от общения и высказали пожелание продолжения опыта таких видеомостов. Подобные встречи делают разбросанным по дальневосточным просторам гуманитариев ближе. Для Владивостока вообще и для ИИАЭНДВ, в частности, подобные мосты не диковинка, а активная практика (уже в мае состоялся мост с Институтом географии и природопользования ДВО в Благовещенске в рамках конференции ДальГАУ «Российские регионы: исторический опыт аграрного разви-

тия»), но рутиной они ещё не стали.

Второй изюминкой конференции был круглый стол «Азиатско-тихоокеанский регион: искусство проведения границ», прошедший в помещении ДВГТУ. Протокол круглого стола выложен на сайте Метакультурного сообщества [2]. Из девяти запланированных выступлений состоялось только четыре, однако в оживлённом общении отведённое время прошло незаметно. Следует отметить, что разговор шёл в основном вокруг понятий и подходов метакультурного сообщества; в результате, тема искусства проведения границ в АТР, витая в воздухе, так и не воплотилась. Причина тому, видимо, заключается в недостаточном распространении идей метакультуры в исследовательской среде, хотя примеры использования данного подхода за пределами самого метакультурного сообщества уже имеются [3].

Всякая научная конференция имеет функцию коммуникации и обмена мнениями, конференция молодых учёных – ещё и функцию набора опыта учёной молодёжью, повышения её исследовательского уровня. Этому были призваны выступления мэтров на пленарном заседании [1, с. 4], видеомост, участие опытных исследователей в работе секций в качестве наблюдателей и экспертов. В целом, можно безусловно отметить эффективность данной конференции как средства повышения исследовательского уровня молодых учёных и разве что посетовать на недостаточное внимание к развитию молодёжи со стороны многих представителей старшего поколения научных работников. Более полный отчёт о конференции планируется разместить в изданиях ДВО РАН: «Россия и АТР», «Вестник ДВО РАН».

Литература

1. Программа XII всероссийской научной конференции молодых ученых «История и культура Дальневосточной России и стран АТР». [Электронный документ] URL: <http://anthropcent.ru/images/stories/foto/Program12.doc> [Дата посещения: 19.04.2010].

2. Протокол круглого стола «Азиатско-Тихоокеанский регион: искусство проведения границ» в рамках XII всероссийской конференции молодых историков «История и культура дальневосточной России и стран АТР». [Электронный документ] URL: http://metaculture.ucoz.org/news/protokol_kruglogo_stola_aziatsko_tikhookeanskij_region_iskusstvo_provedeniija_granic/2010-05-10-6 [Дата посещения: 12.05.2010].

3. Осипова Э.В. Европейское и восточное театральные искусства в метакультурном пространстве // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 1. С. 41-54.

К читателям

Редакция извещает читателей об открытии подписки на журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования» на 2-е полугодие 2010 г.

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге «Пресса России» (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта «Ойкумены» (www.ojkum.ru) и воспользоваться ссылкой в разделе «Новости».

Сокращения

- РГИА ДВ** – Российский государственный исторический архив
Дальнего Востока
- ГАКХ** – Государственный архив Хабаровского края
- ГАПК** – Государственный архив Приморского края
- ГААО** – Государственный архив Амурской области

Наши авторы

- Барбенко Ярослав Александрович**, к.и.н., старший преподаватель кафедры всеобщей истории, политологии и социологии (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток). **E-mail:** prohist@narod.ru
- Бурлаков Виктор Алексеевич**, к.полит.н., доцент кафедры всеобщей истории, политологии и социологии (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток). **E-mail:** viktor_burlakov@mail.ru
- Дударь Лариса Александровна**, к.и.н., доцент кафедры философии и истории (Тихоокеанский государственный экономический университет, г. Владивосток). **E-mail:** fil_hist2009@mail.ru
- Калугина Марина Альбертовна**, к.полит.н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин (филиал Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, г. Находка). **E-mail:** marinakalugina@yandex.ru
- Конончук Дмитрий Васильевич**, к.ф.н., доцент кафедры социологии и социальной психологии (Тихоокеанский государственный экономический университет, г. Владивосток). **E-mail:** Novymladshy@yandex.ru
- Кошевая Ольга Николаевна**, к. социол. н., доцент кафедры всеобщей истории, политологии и социологии (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток). **E-mail:** Agloolga@rambler.ru
- Кулажникова Светлана Сергеевна**, к.социол.н., заведующая кафедрой английской филологии (Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток,). **E-mail:** s.koulazhnikova@mail.ru
- Куманев Дмитрий Сергеевич**, аспирант кафедры отечественной истории (Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток). **E-mail:** leaderdv2003@mail.ru
- Лазарева Светлана Ивановна**, к.и.н., старший научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток).
- Литошенко Денис Александрович**, к.и.н., доцент кафедры культурологии (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток). **E-mail:** magistr@hist.dvgu.ru
- Лукин Артем Леонидович**, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений (Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток). **Email:** artlukin@mail.ru
- Мусаткина Валерия Александровна**, детский психолог (Центр развития «АВСМИР», г. Владивосток). **E-mail:** driadavalery@mail.ru
- Позняк Татьяна Зиновьевна**, к.и.н., старший научный сотрудник (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток).
- Романова Ольга Брониславовна**, ассистент кафедры всеобщей истории, политологии и социологии (Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, г. Владивосток). **E-mail:** klio26@mail.ru
- Сапалова Дария Усеновна**, начальник учебно-методического управления (Саха государственная педагогическая академия, г. Якутск). **E-mail:** dsapalova@mail.ru
- Севастьянова Наталия Валентиновна**, доцент кафедры иностранных языков (Дальневосточный государственный университет, г. Владивосток). **E-mail:** nsevastyanova@yahoo.com
- Торшилова Олеся Александровна**, аспирант кафедры истории и политологии (Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского, г. Владивосток). **E-mail:** torshilova_olesy@mail.ru

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал "Ойкумена. Регионоведческие исследования". Редакция журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также заинтересованных исследователей опубликовать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал будет включать в себя следующие тематические рубрики:

- ◆ Теория и методология регионоведческих исследований
- ◆ Регион в ракурсе предметного анализа: структуры и процессы
- ◆ Мировая система и межрегиональные отношения
- ◆ Междисциплинарные и системные исследования региона
- ◆ Эмпирика
- ◆ Аналитика
- ◆ Прагматика
- ◆ Науковедение
- ◆ Регион в документах и свидетельствах
- ◆ Научная жизнь
- ◆ Рецензии и обзоры
- ◆ Программы учебных курсов
- ◆ Методические разработки

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Формат файла txt, MS Word, OO Writer.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1,5 см., левое – 2,5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, Ф. И. О. автора (авторов), название статьи, аннотация, ключевые слова (не менее 5-ти на русском и английском языках), текст статьи, список литературы.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: [2, с. 5]. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: (ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4-5).
7. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на русском языке, затем на иностранных. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: Название материала, [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ojkum.ru/> [Дата обращения: 01.01.2010 г.]
8. Объем – 0,5 п. л. (20 тыс. зн. с пробелами).
9. Рисунки, карты, графики и т.п. принимаются в наиболее распространенных (cdr, eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах отдельными файлами.
10. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. по возможности не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50%).
11. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации. E-mail: oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru
12. Текст статьи, сведения об авторе (Ф. И. О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), аннотацию (6 – 8 строк) на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке и написание своей фамилии латиницей присылать в одном файле.
13. Присылаемому файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
14. К публикации в журнале принимаются, как правило, работы, ранее не публиковавшиеся в русскоязычных изданиях.

**Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований,
не рассматриваются.**

Ойкумена. Регионоведческие исследования:
научно-теоретический журнал.

2010 № 2(13)

Изд. лиц. ИД № 05497 от 01. 08. 2001 г.
Подписано к печати 07. 06. 2010 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 11,2. Уч. -изд. л. 10,56. Тираж 200 экз. Заказ 76
Цена свободная
Отпечатано в типографии ФГУП Издательство
"Дальнаука" ДВО РАН
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

<http://www.ojkum.ru/>

